СВОБОДНОЕ ЗНАНІЕ
Собраніе общедоступныхъ очерковъ, статей и лекцій русскихъ ученыхъ, подъ редакціею проф. **Э. Д. Гримма**, проф. **Л. І. Петражицкаго**, пр.-доц. **В. В. Сиповскаго** и проф. **В. М. Шимкевича**.

ПАДЕНІЕ АБСОЛЮТИЗМА

ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

ОЧЕРКИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ЕВРОПЕЙСКАГО ОБЩЕСТВЕННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ XIX ВѢКѢ.

СЪ ПОРТРЕТАМИ

Одинъ томъ въ 8 д. л. 367 стр. Ц. 2 р.

ПАДЕНІЕ АБСОЛЮТИЗМА
ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Е. В. ТАРЛЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ. Вас. остр. 16 линія соб. домъ.

Вводныя замѣчанія.

ПРОБЛЕМА о причинахъ смѣны однихъ государственно-правовыхъ началъ другими, какъ и всякая иная соціологическая проблема, въ весьма серьезной степени затрудняется часто не вполнѣ ясною постановкою вопроса. Тамъ, гдѣ нужно еще только стремиться приблизиться къ пониманію главнаго, — весьма нерѣдко предлагаются объясненія деталей, которыя выяснять и невозможно, и не такъ непосредственно необходимо. Это понятно, если принять во вниманіе, что въ этой сферѣ ученому приходится часто бороться съ политикомъ, что, поэтому, иной разъ второстепенныя и третьестепенныя подробности, которыя соціологически и не услѣдимы или мало услѣдимы и неинтересны, поглощаютъ все вниманіе изслѣдователя только по причинѣ ихъ политической злободневности. Писались же, при второй имперіи во Франціи, глубокомысленныя разсужденія о томъ, что французамъ свойственъ монархическій «духъ», каковой будто бы и объясняетъ двукратное крушеніе республиканскаго образа правленія, тогда какъ на первомъ планѣ должно было бы стоять выясненіе

происхожденія длительной реакціи имущихъ классовъ, — а не одна изъ формъ этой реакціи—имперія. Соціологически имперія была тутъ феноменомъ второстепеннымъ, но, конечно, не всѣмъ ученымъ, пережившимъ 50—60 г.г. XIX вѣка, одинаково легко было бы проникнуться мыслью, что имперія и Наполеонъ III—это нѣчто второстепенное. Такихъ иллюстрацій можно было бы привести достаточно. Задача изслѣдованія въ данной области должна имѣть отношеніе прежде всего къ двумъ кореннымъ вопросамъ соціальной эволюціи. Эти коренные вопросы играютъ такую огромную роль, что на нихъ слѣдуетъ остановиться нѣсколько обстоятельнѣе.

Среди мыслей Гельмгольца, собранныхъ ученикомъ его Лео Кенигсбергеромъ, есть одна, имѣющая внутреннюю связь съ тѣмъ, о чемъ у насъ сейчасъ пойдетъ рѣчь *). По словамъ Гельмгольца, задача естественныхъ наукъ заключается въ поискахъ того, что остается неизмѣннымъ въ смѣнѣ явленій. По его убѣжденію, этому требованію лишь отчасти удовлетворило развитіе понятія о силѣ, съ такимъ теоретическимъ послѣдствіемъ этого развитія, какъ установленіе закона смѣны явленій. Дальнѣйшій шагъ долженъ былъ состоять въ томъ, чтобы найти химическіе элементы, т.-е. матерію, одаренную свойствами неуничтожаемости и неизмѣнности.

Соціологія также состоитъ предъ проблемою, аналогичною той, о которой говоритъ Гельмгольцъ. Здѣсь также необходимо прежде всего выяснить то неизмѣнное, что есть въ непрерывной эволюціи историческихъ явленій; здѣсь также для рѣшенія указанной задачи нужно во-первыхъ, стремиться выяснить движущую силу, природу этой силы, творящей эволюцію, а во—вторыхъ, стараться разглядѣть тѣ простѣйшіе элементы, на которые разлага-

---

*) L. Koenigsberger: Herman von Helmholz, стр. 39. (Braunsch. 1893)

ются историческія явленія. Это и есть тѣ коренные вопросы обществовѣдѣнія, безъ рѣшенія которыхъ, въ томъ или иномъ смыслѣ, абсолютно немыслима никакая мало-мальски цѣльная соціологическая теорія.

По общепринятому опредѣленію, энергія есть способность силы производить извѣстную работу. Соціальная энергія есть способность силы произвести извѣстную соціальную работу. О какой силѣ тутъ идетъ рѣчь? Штаммлеръ говоритъ, что всѣ движенія соціальной жизни совершаются исключительно при посредствѣ (durch das Medium) соціальныхъ феноменовъ *). Продолжая начатую мысль, скажемъ, что соціальные феномены, называются ли они реформами или революціями, или еще иначе, являются именно формами проявленія соціальной энергіи; самая же соціальная энергія есть способность психической и физической силы общественныхъ массъ производить въ тѣхъ или иныхъ размѣрахъ работу давленія на окружающій общественный укладъ. Какъ мы уже неоднократно имѣли случай сказать, намъ кажется наименѣе произвольнымъ и наиболѣе обоснованнымъ тотъ взглядъ, что эта психическая и физическая сила общественныхъ массъ и управляется, и направляется царящими въ каждый данный моментъ условіями производства и распредѣленія экономическихъ благъ. Естественно, что если соціальная энергія начинаетъ напирать на стѣнки сосуда, на формы общества, иначе говоря, на тѣ правовыя условности, которыя перестали соотвѣтствовать новымъ, становящимся все интенсивнѣе, экономическимъ потребностямъ, то она, эта энергія, не можетъ въ конечномъ счетѣ не произвести требуемыхъ измѣненій соціально-юридическаго и политическаго характера, предполагая, конечно, что экономическая эволюція въ данной общественной группѣ не приметъ иного направленія и не

*) R. Stammler, Wirtschaft und Recht, стр. 309 (Leipz., 1896).

начнетъ регрессировать (ибо и эта возможность логически не должна быть исключена).

Употребивши въ только что написанной фразѣ выраженіе «въ конечномъ счетѣ», мы должны раньше, нежели продолжать свое изложеніе, отвѣтить на возраженіе, которое дѣлаетъ Штаммлеръ по поводу этой постоянно встрѣчающейся и не нравящейся ему оговорки. Онъ—одинъ изъ самыхъ серьезныхъ критиковъ историческаго матеріализма, высоко ставящій, впрочемъ, методологическое значеніе этой теоріи, а пунктъ, о которомъ мы хотимъ говорить, повидимому, представляется ему существеннымъ. Сущность взглядовъ Штаммлера по этому поводу сводится къ слѣдующему: оговорка, что экономическія новыя условія только «въ концѣ концовъ» побѣждаютъ и вызываютъ требуемыя правовыя измѣненія,—эта оговорка лишаетъ матеріалистическое воззрѣніе на исторію значенія непреложнаго закона. Ибо, какъ долгъ будетъ періодъ, предшествующій этому «концу концовъ»? *) И кто поручится, что въ теченіе этого періода не проявятся въ экономической жизни новыя производительныя силы, которыя вызовутъ новую борьбу, еще раньше, чѣмъ закончена будетъ старая борьба; которыя устремятся къ новымъ цѣлямъ еще раньше, чѣмъ достигнуты цѣли прежде намѣченныя? А если такъ, то, значитъ, нельзя утверждать, что обусловленныя экономическими причинами стремленія къ соціальнымъ перемѣнамъ всегда, съ точностью естественно-научныхъ законовъ, приводятъ къ осуществленію этихъ перемѣнъ. Ибо законъ, въ строгомъ смыслѣ, не знаетъ и не допускаетъ никакихъ исключеній, и поэтому оговорка «въ концѣ концовъ» именно и не даетъ права говорить тутъ о непреложномъ законѣ

---

*) Wann soll „schliesslich“ eintreten? etc. Stammler, op. cit. стр. 425 и сл.

историческихъ явленій. Если бы этотъ законъ былъ на самомъ дѣлѣ закономъ, то стремленія къ перемѣнѣ должны были бы возымѣть непосредственный успѣхъ, «ибо содержаніе и обоснованіе этихъ стремленій нисколько не повышаются отъ того обстоятельства, что ихъ приверженцы въ состояніи развить нѣсколько большую силу; на шаткомъ вопросѣ о силѣ не можетъ быть основана никакая соціальная закономѣрность». Если одни и тѣ же стремленія въ одномъ историческомъ случаѣ приводили къ побѣдѣ, а въ другомъ историческомъ случаѣ еще только ждутъ побѣды и надѣются «въ концѣ концовъ» побѣдить, то здѣсь, значитъ, ни о какомъ законѣ говорить нельзя, ибо законъ никакихъ «если» не признаетъ (Kein Wenn und kein Aber). Такъ дѣло обстоитъ, напримѣръ, въ механикѣ. Вѣдь не гласитъ же, напримѣръ, законъ тяжести, что земля притягиваетъ тѣла, *если* ничто не станетъ между нею и этими тѣлами. Таковы мысли Штаммлера; разсмотримъ ихъ.

Когда Штаммлеръ говоритъ, что періодъ борьбы новыхъ стремленій со старымъ укладомъ можетъ быть продолжителенъ, и что за это время могутъ возникнуть новыя стремленія и измѣнить направленіе и конечную цѣль борьбы, то это совершенно вѣрно,—но что же отсюда слѣдуетъ? Вѣдь эти новыя стремленія будутъ въ свою очередь обусловлены ходомъ соціально-экономической эволюціи, и новыя цѣли тоже будутъ цѣлями, нужными соціально-экономической эволюціи, а самое возникновевеніе этихъ новыхъ цѣлей будетъ свидѣтельствовать о томъ, что цѣли старыя стали ненужны, упразднились ходомъ соціально-экономической эволюціи, растворились, интегрировались цѣлями новыми; что, значитъ, по существу своему тѣ старыя препятствія, противъ которыхъ началась было борьба, не оказались въ состояніи остановить ходъ экономической эволюціи, хотя видимая побѣда

и не была еще надъ ними достигнута, хотя формально они еще не были низвержены.

Именно продолжающееся существованіе этихъ старыхъ препятствій при наступившемъ измѣненіи цѣлей соціальной борьбы и будетъ свидѣтельствовать о томъ, что для соціально-экономической эволюціи эти былыя «препятствія» стали безвредны по существу. Экономика — не Ахиллесъ, а политика—не Гекторъ, у стихіи нѣтъ самолюбія, желанія торжества ради торжества, стремленія къ видимой, кричащей побѣдѣ. Капиталистическое развитіе Германіи не произвело нужныхъ ему измѣненій въ государственно-правовомъ бытѣ германскихъ государствъ, именно въ 1848 году, и въ полномъ объемѣ, предполагавшемся тогдашнею буржуазною идеологіею, но «въ концѣ концовъ», въ такой ничтожный историческій мигъ, какъ какія-нибудь двадцать лѣтъ съ небольшимъ—то, что на самомъ дѣлѣ было неодолимымъ тормазомъ экономическаго развитія страны, исчезло какъ дымъ; а то, изъ стараго порядка, что являлось несущественнымъ, хотя и больше всего кричавшимъ на авансценѣ, благополучно осталось.

Далѣе Штаммлеръ, какъ мы видѣли, полагаетъ, что содержаніе и обоснованіе стремленій къ перемѣнѣ правового уклада должны были бы всегда обусловливать *неизбѣжность* этой перемѣны независимо отъ нѣсколько большей или меньшей силы, которою располагаютъ приверженцы названныхъ стремленій, если бы въ самомъ дѣлѣ матеріалистическое воззрѣніе было закономъ; ибо вопросъ о силѣ такъ шатокъ, что на немъ не можетъ быть основана никакая закономѣрность. А между тѣмъ, говоритъ онъ, историческій опытъ указываетъ, что такой *неизбѣжности*— нѣтъ.

Этого возраженія принять нельзя ни въ какомъ случаѣ. Если вслѣдствіе «шаткости» вопроса о силѣ, оставить этотъ вопросъ въ сторонѣ при анализѣ проблемы о со-

ціальныхъ перемѣнахъ, тогда лучше и всю проблему отложить въ сторону, ибо безъ этого вопроса она теряетъ всякую реальность и превращается въ болѣе или менѣе искусно замаскированную игру словъ. Устранить этотъ вопросъ изъ соціологіи—значитъ вынуть душу изъ этой науки, ибо что же такое исторія, какъ не наука о перемѣщеніяхъ и видоизмѣненіяхъ соціальной силы? Что такое соціологія, какъ не наука объ общихъ причинахъ этихъ перемѣщеній и видоизмѣненій? Правда, соціологія все еще представляется «шаткимъ» зданіемъ, но вовсе не потому, что самый *вопросъ* о силѣ шатокъ, а потому, что недостаточенъ запасъ фактовъ и выводовъ, которые бы облегчили полное и окончательное уразумѣніе того, какъ въ каждомъ конкретномъ историческомъ случаѣ распредѣлилась въ обществѣ соціальная сила. Строгій и точный юристъ, Штаммлеръ захотѣлъ понять въ этомъ вопросѣ историческій матеріализмъ такъ, какъ если бы эта теорія покоилась на наивнѣйшей идеологической увѣренности въ фатальномъ торжествѣ извѣстныхъ «стремленій» самихъ по себѣ, независимо отъ всей исторической обстановки, среди которой они возникли и которая въ *разные* моменты даетъ имъ *разную* силу. То-есть, вѣрнѣе, Штаммлеръ захотѣлъ навязать этой теоріи именно такое истолкованіе; желая же отрѣзать противникамъ всякую возможность отступленія съ такой явно слабой позиціи, онъ протестуетъ, какъ мы видѣли, противъ всякихъ оговорокъ (насчетъ торжества «въ конечномъ счетѣ» и т. п.), говоря, что при этихъ оговоркахъ и законъ не есть законъ. Но попробуемъ отнестись къ аргументамъ Штаммлера съ тою же точностью и строгостью, съ какою онъ ухватывается за всѣ слова, когда-либо брошенныя Энгельсомъ,—и мы тотчасъ же увидимъ, что точность есть палка о двухъ концахъ и что эти аргументы болѣе образны, нежели несокрушимы. Желая иллюстрировать, что такое настоя-

щій научный законъ, до котораго далеко историческому матеріализму, Штаммлеръ, какъ мы видѣли, приводитъ слѣдующее соображеніе: законъ тяжести гласитъ, что земля притягиваетъ тѣла, и этотъ законъ не дѣлаетъ никакихъ оговорокъ (напр.: «если ничто не станетъ между землею и этими тѣлами»). Примѣняя тутъ Штаммлеровскую точность, скажемъ: если между землею и притягиваемымъ тѣломъ станетъ какой-либо предметъ, то *результатъ* притяженія *измѣнится*, ибо тѣло упадетъ не на землю, а на этотъ предметъ.

Мало того. Если, постепенно отдаляя притягиваемое тѣло отъ земли, отдалить его, наконецъ, отъ нея настолько, что оно приблизится къ солнцу, то земля *перестанетъ* его притягивать, и оно упадетъ не на землю, а на солнце. Но правъ ли будетъ критикъ, который скажетъ: «если приходится на такомъ *шаткомъ* вопросѣ, какъ вопросъ о большей или меньшей отдаленности того или иного тѣла отъ земли, основывать свои соображенія, упадетъ ли это тѣло на землю или не упадетъ,—то законъ тяжести не есть законъ; истинный законъ не знаетъ никакихъ «если», и т. д., и т. д. Не будемъ же отъ соціологіи требовать того, чего не даетъ и точнѣйшая изъ естественныхъ наукъ. Для приложимости своей къ каждому конкретному явленію, къ каждому отдѣльному случаю всякій законъ, даже естественно-научный, требуетъ опредѣленной обстановки, опредѣленныхъ условій. Еще большее количество разныхъ «если» требуется для предсказанія конечныхъ результатовъ дѣйствія такого закона. И переходя теперь къ формулировкѣ нашей задачи, мы скажемъ, что такой частный случай въ исторіи соціальныхъ перемѣнъ,— какъ паденіе абсолютизма, именно и интересенъ съ методологической стороны, ибо при его изученіи сравнительно болѣе отчетливо выступаютъ и тѣ условія, которыя создаютъ историческое *неизбѣжное*, и тѣ, которыя замед-

ляютъ наступленіе этого историческаго неизбѣжнаго. Анализируя перемѣщенія соціальной силы въ эпохи острыхъ кризисовъ, историкъ часто въ состояніи отмѣтить въ этихъ явленіяхъ то «постоянное», что для соціологіи единственно цѣнно среди пестраго и непрерывно усложняющагося хода исторической жизни человѣчества.

Намъ нужно уяснить, что можетъ дать анализъ паденія абсолютизма для пониманія природы соціальной эволюціи вообще. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о матеріалѣ, который, болѣе или менѣе, доступенъ попыткамъ такого анализа.

II.

Какъ показываетъ самое названіе настоящаго очерка, мы тутъ интересуемся абсолютизмомъ, какъ опредѣленнымъ соціологическимъ феноменомъ и не ограничиваемся разсмотрѣніемъ его судебъ въ какой-либо одной странѣ. Но и при такой постановкѣ вопроса матеріалъ, который возможно использовать, чрезвычайно ограниченъ, ибо необычайная сложность историческихъ явленій съ одной стороны и скудность точно установленныхъ свѣдѣній съ другой—заставляютъ оставить внѣ кругозора цѣлыя эпохи. Покойный англійскій историкъ Крейтонъ говоритъ въ своемъ (посмертномъ) мемуарѣ, что читателя интересуетъ, обыкновенно, не столько правдивость научныхъ обобщеній, сколько ихъ приложимость къ его собственнымъ политическимъ убѣжденіямъ. «Онъ (читатель) впадаетъ въ нетерпѣніе отъ сложности человѣческихъ дѣлъ и подходитъ къ исторіи въ томъ же настроеніи, какъ идетъ на политическій митингъ» *). Никакихъ предвзятостей, никакихъ притягиваній за волосы аналогій изслѣдователь до-

*) См. Historical Ethics, стр. 33 (Quarterly Review, 1905, т. 404)

пускать не имѣетъ права; прибавимъ, что именно апріорное убѣжденіе въ необычайной сложности историческихъ явленій заставляетъ насъ почти вовсе отказаться отъ пользованія такимъ матеріаломъ, который слишкомъ «простъ», потому только, что слишкомъ скуденъ. Еллинекъ въ своемъ трудѣ «Право современнаго государства» заявляетъ, что въ историческій обзоръ государственныхъ формъ совсѣмъ не можетъ ввести тѣхъ фактовъ, которые добыты изслѣдователями первобытной культуры, а также древневосточнаго міра, ибо онъ считаетъ эти факты скудными и не всегда достовѣрными. Такого рода рѣшеніе представляется намъ чрезвычайно серьезнообоснованнымъ. Юристу государствовѣду едва-ли возможно извлечь много полезнаго изъ анализа такой государственности, объ организаціи которой существуютъ лишь самыя общія указанія, — и поэтому ему незачѣмъ останавливаться на древнѣйшемъ періодѣ, если только онъ не гонится за чисто-внѣшней «полнотой» изслѣдованія.

Если же, дѣйствительно, хозяйство и право относятся одно къ другому, какъ содержаніе къ формѣ, если, дѣйствительно, «право безъ хозяйства — пусто, а хозяйство безъ права—безформенно» *), то и социологу древневосточная исторія можетъ сказать слишкомъ немного: вѣдь, одна изъ самыхъ основныхъ задачъ соціологіи именно и заключается въ открытіи законовъ, обусловливающихъ измѣненія правовыхъ нормъ въ зависимости отъ хозяйственной эволюціи общества,—такъ что же дѣлать съ эпохою, правовые институты которой почти вовсе неизвѣстны, — а хозяйственный укладъ и того меньше?

Мы знаемъ, напримѣръ, съ одной стороны, о многотысячелѣтнемъ абсолютизмѣ ассиро-вавилонскихъ царей; съ

*) ...Recht ohne Wirtschaft ist leer, Wirtschaft ohne Recht ist formlos, см. *Berolzheimer*, System der Rechts- und Wirtschaftsphilosophie, I. B. s. VII (Vorrede). München, 1904.

другой стороны,—все болѣе и болѣе накопляются данныя, вродѣ открытыхъ въ Сузѣ въ 1901 году законовъ Хаммураби, заставляющія признать, что уже за двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ до Р. Х. въ Вавилонѣ существовалъ развитый торговый обмѣнъ и, вообще, возможно предполагать сложную экономическую жизнь. Законы Хаммураби—по времени древнѣе Библіи, но по внутреннему содержанію Библія архаичнѣе, — это признаютъ вслѣдъ за Лодсомъ всѣ оріенталисты. Экономическое развитіе Месопотаміи сильно опередило экономическій бытъ израильскаго народа, — въ этомъ сомнѣній быть не можетъ. Но какъ въ Месопотаміи возникъ и укрѣпился абсолютизмъ,— это такъ же темно, такъ же не вытекаетъ изъ какихъ бы то ни было данныхъ соціально-экономическаго характера, какъ и сказанія Книги Царствъ о превращеніи еврейскаго царства «въ обыкновенную восточную деспотію» *). Ничего кромѣ догадокъ и домысловъ, обрывковъ и намековъ въ этомъ смыслѣ пока нѣтъ. Раскопки идутъ, и новыя и новыя клинописи расширяютъ знаніе о месопотамскихъ державахъ, — но въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ это расширеніе свѣдѣній касается лишь внѣшней культуры и военной исторіи: экономическое развитіе остается пока — чрезвычайно мало выясненнымъ. То же можно сказать и о Египтѣ, несмотря на рядъ изслѣдованій о соціально-экономическихъ древностяхъ Египта. Пессимистическое отношеніе Еллинека къ результатамъ, добытымъ пока относительно древняго Востока, — къ сожалѣнію,—вполнѣ основательно.

Пояснимъ нашу мысль. Никто не станетъ спорить, что теперь историческая наука знаетъ о Востокѣ много такого, о чемъ еще какихъ-нибудь пятьдесятъ (не гово-

---

*) См. Н. И. Карѣевъ, Монархіи древн. Востока, стр. 34. (Спб., 1904 г.).

римъ уже — сто) лѣтъ тому назадъ не имѣла ни малѣйшаго представленія. Сами по себѣ — ея завоеванія обширны,—но ихъ пригодность въ качествѣ матеріала для детальныхъ соціологическихъ сближеній и сопоставленій болѣе нежели сомнительна. Тамъ, гдѣ прежде въ наукѣ было пустое мѣсто,—теперь появились обломки, обрывки, какъ бы остатки былыхъ соціальныхъ построекъ, — но каковы были самыя постройки, — этого все-таки даже и приблизительно сказать нельзя. И что хуже всего, такъ это—полное безсиліе оріенталистовъ возсоздать хотя бы общія черты *динамики* экономической жизни, измѣненій въ хозяйственной эволюціи той или иной страны въ разныя эпохи. Много-много если возможно дать (съ догадками, фантазіями и домыслами) самую общую гипотезу объ экономическомъ укладѣ древняго Египта, о его «феодализмѣ» и т. п.,—но объ *эволюціи* этого уклада даже и фантазировать не рѣшаются. Представимъ же себѣ соціолога, который, желая оперировать надъ русскою исторіей, считалъ бы себя вправѣ давать «общую» характеристику Россіи въ эпоху отъ нашествія татаръ до Александра III и полагалъ бы, — что за весь этотъ періодъ Россію можно признать неподвижно-стоявшею на одномъ мѣстѣ; представимъ себѣ, что Галлію временъ Цезаря и Францію временъ президента Фальера смѣшиваютъ воедино и тоже даютъ этой странѣ суммарную характеристику. Обладали-ли бы эти характеристики соціологическою цѣнностью, — даже если бы ученые дѣйствительно были поставлены въ такое положеніе, что имѣли бы полное основаніе оправдываться страшной скудостью дошедшаго до нихъ матеріала?

А, вѣдь, египетская исторія длилась по самому умѣренному исчисленію (считая до персидскаго завоеванія) больше двухъ съ половиною тысячъ лѣтъ; неужели же всѣ *измѣненія*, происшедшія въ жизненномъ укладѣ Египта

за этотъ колоссальный періодъ времени, сводились къ тѣмъ незначительностямъ, которыя пока уловила наука?

Итакъ, причины, по которымъ возникалъ, крѣпнулъ и развивался *самый долговѣчный* абсолютизмъ, какой только знаетъ исторія,—абсолютизмъ восточный,—остаются пока скрытыми, невыясненными; силы, которыя его выдвинули, препятствія, которыя онъ долженъ былъ преодолѣть,—обо всемъ этомъ возможно лишь строить догадки. Тотъ здоровый скептицизмъ, который наука въ послѣднее время примѣняетъ, напр., хотя бы къ исторіи Греціи *), — камня на камнѣ не оставилъ бы въ археологіи и исторіографіи древняго Востока,—если бы мыслимы были хоть попытки мало-мальски «округленнаго» и искусственно-связнаго разсказа о соціально-экономической эволюціи древневосточныхъ обществъ. Но даже и для попытокъ такихъ основаній никакихъ не представляется...

Монархія персовъ, монархія Александра Македонскаго, а особенно римская имперія, Византія, — разумѣется, извѣстны полнѣе и со стороны экономическаго состоянія, и со стороны политическаго развитія, хотя, конечно, въ исторіи всѣхъ этихъ державъ (*даже* и римской имперіи), особенно въ ихъ исторіи экономической, темныхъ пунктовъ несравненно больше, нежели вполнѣ выясненныхъ **). Огромныя заслуги новѣйшихъ изслѣдователей (особенно, нѣмецкихъ и русскихъ) въ дѣлѣ разработки экономической исторіи римской имперіи слишкомъ громко говорятъ за себя, чтобы ихъ возможно было хотя бы только пытаться отрицать, — но они же первые признаютъ, что

*) Укажемъ хотя бы на Белоха и Мейера.

**) Бюхеръ согласенъ, впрочемъ, что кое-гдѣ уже были въ древности явленія, присущія зачаточной стадіи городского хозяйства; чрезвычайно серьезныя ограниченія и оговорки къ его теоріи сдѣланы въ капитальномъ трудѣ И. М. Гревса «Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія» (Спб. 1899).

цѣлыя столѣтія въ экономической исторіи Рима въ послѣднія времена его существованія — еще слишкомъ темны и, въ особенности, — что совсѣмъ пока не начерчена мало-мальски полная и обоснованная схема экономической *эволюціи*, которую пережилъ этотъ колоссальный конгломератъ народовъ за время принципата.

Извѣстно обо всѣхъ этихъ монархіяхъ кое-что. Это «кое-что» дало недавно возможность Бюхеру и Мейеру построить двѣ, въ сущности, другъ друга отрицающія гипотезы: о томъ, что весь древній міръ за все время своего существованія не вышелъ изъ стадіи домашняго хозяйства, — и о томъ, что древній міръ не только изъ этой стадіи въ извѣстныя эпохи вышелъ, но что имъ переживалась также отчасти стадія народнаго хозяйства, не говоря уже о ступени хозяйства городского. Повидимому, второму (мейеровскому) мнѣнію суждено получить въ наукѣ преобладаніе, но насъ тутъ занимаетъ не разборъ этихъ мнѣній по существу, — а печальный смыслъ того факта, самого по себѣ, что подобный споръ еще мыслимъ, что подобное разнорѣчіе возникло между двумя первоклассными аналитиками, оперировавшими надъ однимъ и тѣмъ же матеріаломъ. Если даже такія главныя, основныя вѣхи еще не вполнѣ установлены и не всѣмъ кажутся ясными и одинаковыми, — то что же сказать о болѣе сложныхъ, менѣе общихъ вопросахъ, относительно частностей экономической эволюціи, пережитой *отдѣльными* государствами древняго міра въ *отдѣльныя* эпохи?

Можно съ жадностью слѣдить за поступательнымъ движеніемъ науки въ этой области, можно радоваться каждому новому ея завоеванію, — но пока приходится отказаться отъ соблазна строить фантастическія предположенія, насиловать факты, давать имъ распространительное толкованіе, «модернизировать» искусственно древнюю

исторію, — ибо все это было бы зданіемъ, построеннымъ на пескѣ.

И не только скудость фактовъ заставляетъ насъ поступить такъ. Паденіе абсолютистской формы правленія не можетъ быть ясно прослѣжено тамъ, гдѣ одновременно съ абсолютизмомъ гибло и все государство, какъ самостоятельное цѣлое. Такъ погибла Ассирія, завоеванная персами, такъ погибъ завоеванный ими же Египетъ, такъ погибла Персія подъ ударами Александра Македонскаго, такъ погибли тѣ монархіи, на которыя распалось наслѣдство Александра Македонскаго, такъ погибла Римская имперія, подъ вліяніемъ далеко не однѣхъ только внутреннихъ причинъ, какое бы значеніе имъ ни придавать, но и подъ вліяніемъ событій, связанныхъ съ распространеніемъ германцевъ въ римскихъ предѣлахъ. Такъ, наконецъ, погибла и пережившая западную имперію Византія отъ руки османлисовъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ абсолютизмъ погибалъ вмѣстѣ съ государствомъ, — и слѣдовательно, при изслѣдованіи причинъ его гибели, центръ тяжести вопроса переносится на анализъ экономическаго и политическаго состоянія той *посторонней* соціальной группы, которая военною экспедиціею или всенароднымъ походомъ покончила съ *чужимъ* абсолютизмомъ въ *чужомъ* государствѣ; выдвигается и проблема о причинахъ большей силы побѣдителей и меньшей силы побѣжденныхъ, и проблема о причинахъ, обусловившихъ самое столкновеніе, и т. д. и т. д. Но вопросъ о томъ, что было бы безъ этого столкновенія, каковы были бы судьбы даннаго абсолютизма, не произойди крушеніе всего государства, — этотъ вопросъ, конечно, долженъ быть оставленъ, ибо цѣна такимъ гипотетическимъ размышленіямъ не можетъ быть особенно высокою.

Вслѣдствіе отмѣченныхъ только что обстоятельствъ, матеріалъ, который возможно привлечь къ разсмотрѣнію.

даже для такого краткаго, общаго очерка, какъ предлагаемый, до крайности суживается и почти весь сосредоточивается въ періодѣ послѣднихъ полутораста лѣтъ. (Говоримъ «почти», потому что англійскій тринадцатый вѣкъ, — время крушенія абсолютизма въ Англіи, какъ и англійскій семнадцатый вѣкъ, — время неудачной попытки воскресить его, — также не могутъ быть вполнѣ пройдены молчаніемъ).

Весь этотъ матеріалъ тоже не особенно легокъ для пользованія, если подойти къ нему съ классическимъ требованіемъ *полноты* правды и совершеннаго отсутствія фактичныхъ ошибокъ, съ девизомъ: ne quid falsi audeat, ne quid veri non audeat historia. Изъ всего этого матеріала исторія французскаго стараго режима, казалось бы, — одна изъ самыхъ разработанныхъ частей. Но и это миражъ. Мы совершенно не находимъ возраженій противъ такихъ словъ новѣйшаго изслѣдователя административной исторіи предреволюціоннаго періода *). «Если бы разработанность извѣстнаго предмета измѣрялась количественнымъ богатствомъ его «литературы», — то относительно стараго порядка во Франціи, казалось бы, не могло болѣе оставаться мѣста для изслѣдованія. Несмотря, однако, на это поразительное обиліе литературы, приходится признать, что существующія въ ней свѣдѣнія о старомъ порядкѣ вообще и о провинціальной администраціи въ частности далеки отъ того, чтобы не оставлять желать ничего болѣе ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи... Общее, господствующее впечатлѣніе, которое выносишь изъ этого изученія, это — впечатлѣніе хаоса и тумана, въ которыхъ все труднѣе и труднѣе становится разобраться по мѣрѣ того, какъ углубляешься въ дебри этой литературы. Провѣривъ и проанализировавъ это впе-

*) См. Ардашевъ. Провинціальная администрація во Франціи. 1774—1789 гг. Введеніе (Спб., 1900 г.).

чатлѣніе, дѣйствительно, замѣчаешь, *что нѣтъ почти ничего яснаго, ничего несомнѣннаго* въ наличныхъ свѣдѣніямъ о предметѣ, что нѣтъ почти ничего вполнѣ установившагося и безспорнаго въ существующихъ представленіяхъ о немъ, — что, вообще, въ этой области *нѣтъ почти ни одного вопроса*, относящагося къ предмету, начиная *съ самыхъ общихъ* и кончая самыми детальными, который бы не былъ спорнымъ и не имѣлъ бы нѣсколько взаимно другъ друга исключающихъ рѣшеній».

Такова значительная часть имѣющагося у насъ матеріала, — и съ этимъ нужно считаться. Но и такой матеріалъ лучше, чѣмъ тѣ обрывки и отрывки, которые сохранились съ болѣе отдаленныхъ временъ. Эти послѣднія полтораста лѣтъ видѣли паденіе абсолютизма во многихъ странахъ, начиная съ Франціи, и этотъ періодъ времени все-таки извѣстенъ лучше, нежели предшествующая эпоха,—какъ бы мало ни былъ онъ извѣстенъ, говоря безотносительно.

III.

Эти вводныя замѣчанія мы хотѣли бы закончить еще нѣсколькими словами. Послѣ характеристики общей задачи этого очерка и матеріала, относящагося къ темѣ, намъ необходимо коснуться еще одной стороны дѣла.

Рѣчь идетъ о томъ архаическомъ, но удивительно живучемъ явленіи, которое называется морализмомъ въ исторіи. Что скрытый Плутархъ слишкомъ часто оказывается живымъ и здравствующимъ въ иномъ современникѣ Моммзена и Роджерса, что потаенный Геродотъ иногда совсѣмъ неожиданно выглядываетъ вдругъ изъ наисовременнѣйшаго реферата, читаемаго на соціологическихъ съѣздахъ, съ этимъ было бы трудно спорить. Конечно, эти пережитки нѣкогда царившаго метода теперь не такъ наивно и гру-

бо даютъ о себѣ знать, — но дѣло отъ того существенно не мѣняется. Ибо морализмъ есть именно — прежде всего и больше всего — *методъ*, и отъ этого проистекаетъ его особенная вредоносность.

Атавистическое порожденіе теологіи, — морализмъ въ той или иной формѣ, сознательно или безсознательно, подмѣняетъ вопросъ «почему?», вопросъ «какъ?», вопросомъ «за что?» И разъ эта подмѣна произошла, — дѣло морализма сдѣлано. Въ XVIII столѣтіи откровенные моралисты писали, что римская имперія погибла вслѣдствіе пьянства, разврата и вообще предосудительнаго поведенія императоровъ и высшаго общества, въ XIX вѣкѣ тайные моралисты писали, что она погибла, дабы дать мѣсто юному, могучему, дѣвственному и проч. германскому элементу; въ XVIII вѣкѣ историческіе моралисты объясняли возникновеніе религій обманомъ и своекорыстіемъ жадныхъ поповъ; въ XIX вѣкѣ — паденіе папской власти въ концѣ среднихъ вѣковъ ставилось ими въ зависимость отъ распутства папъ и т. д. Фантомы очень медленно исчезали изъ исторической науки и не совсѣмъ исчезли и теперь, ибо фантомомъ называется не только восхваленіе героизма Вильгельма Телля (котораго никогда не существовало), или мудрости Ликурга (котораго также никогда не существовало), — но и другое, напр., всѣ эти размышленія о свѣжихъ, дѣвственныхъ элементахъ, являющихся будто-бы непремѣнно на смѣну старымъ отжившимъ, — о «духѣ» свободы, свойственномъ однимъ націямъ и несвойственномъ другимъ, о «духѣ» индивидуализма, побѣждающемъ своею правдою «духъ» стадности, и тому подобныхъ «духахъ». И кромѣ такихъ «духовидцевъ» исторіографія знаетъ болѣе тонкихъ и иногда высоко-талантливыхъ писателей, которые не сочли возможнымъ (или нужнымъ) воздержаться отъ введенія моралистическаго элемента.

Исторіографія паденія абсолютизма въ разныхъ странахъ не вполнѣ свободна отъ этого элемента. Слишкомъ соблазнительною казалась мысль о возможности примѣнить здѣсь категоріи преступленій и наказанія, чтобы моралисты пренебрегли такою темою, — и было одно обстоятельство, которое именно въ этой области доставило морализму извѣстный успѣхъ. Это обстоятельство заключалось въ томъ, что публицистика всѣми мѣрами старалась тутъ поддержать и использовать моралистическую точку зрѣнія: публицисты тѣхъ странъ, гдѣ абсолютизмъ находился наканунѣ исчезновенія, старались то пригрозить властямъ за ихъ упорство примѣрами изъ исторіи раньше бывшихъ революцій, то использовать эту исторію для восхваленія симпатичнаго имъ направленія политической мысли, или для опороченія направленія антипатичнаго и т. д. Такого рода обстоятельство и давало популярность и широкое распространеніе моралистической точкѣ зрѣнія на историческія событія революціоннаго характера.

Интересно, что человѣкъ, самъ часто тяготѣвшій къ морализму, жившій во время широкаго господства этой точки зрѣнія, иногда наносилъ ей рѣшительные удары. Мы говоримъ о Вольтерѣ, одна мысль котораго невольно приходитъ въ голову, когда дѣло касается паденія абсолютныхъ правительствъ.

«Пробѣгая исторію міра, можно видѣть, что слабости бываютъ наказываемы, но большія преступленія — счастливы; и вселенная есть обширная сцена разбоя,—предоставленная своей участи» *). Тутъ, не взирая на употребленные термины, нѣтъ и тѣни морализма, и именно поэтому подобные тезисы у самого Вольтера часто затемняются и извращаются: ему случалось такими положеніями обмолвиться, но нужны они ему не были. Мы при-

*) Essai sur les moeurs, ch. XXIII.

вели эту мысль Вольтера потому, что она заключаетъ въ себѣ иллюстрацію къ только что высказанному. Вѣдь одно изъ шаблоннѣйшихъ указаній моралистовъ-исторіографовъ именно и заключается въ томъ, что предшествующія преступленія приводятся въ причинную связь съ послѣдовавшими наказаніями, и можно сказать, что Вольтеръ par anticipation возражаетъ цѣлой плеядѣ историковъ и публицистовъ XIX-го столѣтія, начиная съ Маколея и кончая нѣкоторыми современными дѣятелями. Марксъ упрекалъ Маколея въ томъ, что тотъ «поддѣлалъ исторію» въ интересахъ партіи виговъ. Не разбирая тутъ этого мнѣнія по существу, скажемъ, что моралисты *всегда* поддѣлываютъ исторію, и чѣмъ они добросовѣстнѣе, тѣмъ безсознательнѣе дѣлаютъ это дѣло, а чѣмъ талантливѣе, — тѣмъ тоньше. художественнѣе и незамѣтнѣе у нихъ это выходитъ. Морализмъ—оптимистиченъ по самому существу своему,—оттого онъ такъ цѣпко держится; онъ элементаренъ – и потому такъ быстро распространяется; онъ заслоняетъ собою слѣпую и грозную стихію, и поэтому его спѣшатъ подъ тѣмъ или инымъ видомъ возвратить на то мѣсто, откуда онъ казался уже навсегда устраненнымъ. Слѣпая и грозная стихія не становится понятнѣе отъ того обстоятельства, что между нею и человѣкомъ поставленъ заслонъ, но, вѣдь, и до, и послѣ Паскаля слишкомъ многимъ казалось болѣе важнымъ и насущнымъ уйти отъ стихіи, нежели понять ее.

Вольтеръ попробовалъ взглянуть поверхъ заслона, и поскорѣе отвернулся, и всякій разъ, какъ взглядывалъ, дѣлалъ это на мигъ — и отворачивался. Но историческая наука давно сознала свою прямую обязанность изучать прошлое, не вводя въ изученіе морализаціи въ томъ или иномъ видѣ, и нынѣшній морализмъ не есть открыто провозглашаемый принципъ, а лишь атавистическій пережитокъ въ наукѣ. хотя, вѣроятно, ему суждено еще долгое

процвѣтаніе въ историческихъ воззрѣніяхъ широкихъ кру-
говъ. Мы уже сказали, почему въ вводныхъ замѣчаніяхъ
именно къ настоящей работѣ особенно необходимо было
упомянуть о моралистическихъ пережиткахъ. Въ исторіи
мы видимъ и «счастливыя преступленія», и наказанную
добродѣтель, и торжествующій порокъ, и кровь, никогда
не отомщенную, и многое другое, что дѣлаетъ въ глазахъ
нѣкоторыхъ исторію арсеналомъ аргументовъ для песси-
мистической доктрины. Но насъ тутъ будетъ интересо-
вать только причинная связь событій и открывающаяся
въ ней та сила, энергіей которой движется здѣсь жизнь
человѣчества. Чѣмъ болѣе удается разложить сложныя
историческія явленія на простѣйшіе элементы, тѣмъ яснѣе
выступаетъ впередъ значеніе этой силы, и тѣмъ быстрѣе
тускнѣетъ всякая явная или замаскированная морализація,
вносимая или вносившаяся въ историческое описаніе и
объясненіе событій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Абсолютизмъ и революція.

I.

ПОЧЕМУ абсолютизмъ погибалъ именно революціоннымъ путемъ чаще, нежели всякая иная форма правленія? Почему именно революціонная обстановка гибели является для него типичною? Съ разсмотрѣнія этого *соціологически-второстепеннаго* вопроса мы и начнемъ.

Первыя глухія содроганія, первыя подземныя сотрясенія доходили до сознанія абсолютизма не всегда въ видѣ революціонныхъ угрозъ. Экономическій распадъ, хроническое голоданіе націи, сопряженное съ уменьшеніемъ доходовъ фиска — все это давало о себѣ знать непосредственно. Ни голодающіе классы общества, ни правительство, ни самые выдающіеся приверженцы реформъ и не думали приводить хоть въ какую-нибудь связь экономическое состояніе страны съ существованіемъ абсолютизма. Вобанъ и Баугильберъ при Людовикѣ XIV, физіократы при Людовикѣ XV въ своихъ планахъ не трогали абсолютизма и даже прямо къ нему обращались съ проектами экономическихъ и финансовыхъ преобразованій; ни

инстинктъ, ни сознаніе націи не направлялись еще противъ абсолютизма. И бѣдствія представлялись «общими», и мѣры къ ихъ устраненію также предполагалось возможнымъ обсудить сообща, — а осуществить ихъ долженъ былъ, конечно, тотъ же абсолютистскій правительственный аппаратъ. Абсолютизмъ въ качествѣ экономическаго бѣдствія, въ качествѣ логической предпосылки къ государственному банкротству, былъ понятъ далеко не сразу, далеко не въ началѣ своего предсмертнаго періода. Этотъ періодъ любопытенъ больше всего тѣмъ, какъ самъ абсолютизмъ реагировалъ на дѣйствительность. Экономическія затрудненія — были первыми, которыя онъ встрѣчалъ на пути къ отдаленной, къ невидимой еще никому своей гибели. Уже при регентствѣ во Франціи денежная нужда обступала абсолютизмъ съ настойчивостью, исключавшей возможность поставить на очередь дня что-либо иное, кромѣ финансовыхъ реформъ. О революціонномъ движеніи и помину тогда еще не было; монархическая традиція всегда бывала во Франціи особенно могущественна въ начальные моменты новаго царствованія, ибо наивнѣйшая надежда на благость и мудрость новыхъ правителей съ прямо эпидемической быстротой охватывала широкіе слои народа. У абсолютизма и время еще было въ избыточномъ количествѣ, и полное сознаніе необходимости что-нибудь сдѣлать (ибо денежная нужда била его самого непосредственно), и... ничего онъ не сдѣлалъ. И регентъ, и номинальный президентъ финансоваго совѣта маршалъ Вильруа, и фактическій президентъ того же совѣта герцогъ Ноайль превосходно понимали, что съ наступающимъ гнетомъ общаго разоренія нужно тотчасъ же вступить въ борьбу; въ совѣтчикахъ со стороны также недостатка не было. И вотъ мы видимъ сначала растерянное метаніе, а потомъ успокоеніе (правда, по самому существу дѣла лишь временное) на авантюризмѣ.

Среди этого первоначальнаго метанья промелькнула мысль о созывѣ генеральныхъ штатовъ, которые сто лѣтъ уже не созывались и которымъ суждено было еще семьдесятъ четыре года не быть созванными. Какъ извѣстно, старый режимъ такъ и не ушелъ, въ концѣ концовъ, отъ обращенія къ генеральнымъ штатамъ (и тоже подъ непосредственнымъ давленіемъ финансовой нужды), но 1715 годъ былъ еще слишкомъ далекъ отъ 1789 года—и абсолютизму еще предстояла долгая агонія. Тѣмъ болѣе любопытны мотивы, по которымъ не праздный мечтатель, а членъ совѣта регентства, т.-е. правительственное лицо (герцогъ Сенъ-Симонъ), выступилъ съ предложеніемъ созыва генеральныхъ штатовъ. По его мысли. народные представители должны были собраться затѣмъ, чтобы торжественно объявить короля свободнымъ отъ всякихъ долговыхъ обязательствъ. Другими словами, голосъ штатовъ нуженъ былъ въ качествѣ санкціи затѣваемаго абсолютизмомъ государственнаго банкротства. Но регентъ усомнился и отвергъ. Затѣмъ герцогъ Ноайль сдѣлалъ нѣсколько «улучшеній» мелко-фискальнаго характера, отнюдь не затрагивая системы обложенія. Бросаясь во всѣ мѣста за деньгами, Ноайль учредилъ также «chambre de justice», т.-е. особое судилище, которое должно было привлекать къ отвѣтственности всѣхъ чиновниковъ, подозрѣваемыхъ въ вымогательствѣ и присвоеніи податныхъ сборовъ, а также и вообще всѣхъ, кого можно было обвинить въ утайкѣ казенныхъ денегъ и причиненіи вреда казенному интересу. Главнымъ образомъ, дѣло шло о томъ, чтобы подъ разными правосудными предлогами отнять у возможно большаго количества лицъ возможно большую сумму денегъ и этою суммою пополнить истощенное казначейство. Это часто случалось и прежде, — и правъ историкъ, сказавшій, что вся финансовая исторія стараго режима представляетъ собою либо грабежъ народа, производимый фи-

нансистами (особенно, державшими на откупу сборъ податей), либо насилія надъ этими финансистами со стороны властей *). Но въ данномъ случаѣ сказалось вполнѣ отчетливо то проклятіе абсолютизма, что онъ въ эпоху упадка *не можетъ* уже, оставаясь самимъ собою, помочь себѣ сколько-нибудь полно, ибо не только самъ онъ въ сердцѣ своемъ сгнилъ, но и всѣ члены его сгнили, и онъ не можетъ возложить на нихъ никакой серьезной работы. Сначала chambre de justice принялась за дѣло рьяно, съ тою привычкою къ насиліямъ, съ тѣмъ разгуломъ произвола и презрѣніемъ ко всякой законности, которыя были вполнѣ естественны въ бюрократахъ, прошедшихъ школу службы при Людовикѣ XIV. Объявлены были награды доносчикамъ ($^1/_5$ часть конфискаціи), и такія наказанія, какъ смертная казнь, всякому, кто будетъ угрожать или *оскорблять* доносчика, или совращать доносчика съ пути истиннаго. Страшныя наказанія (пожизненная каторга и т. д.) угрожали всѣмъ обвиняемымъ, скрывающимъ свое имущество, ихъ «сообщникамъ». и т. д. Начались смертныя казни, нѣкоторые подозрѣваемые покончили съ собою сами, другіе бросили все и бѣжали, спасая жизнь. Казалось бы, абсолютизмъ, *все* пустивши въ ходъ, воспользовавшись въ данномъ случаѣ *всѣмъ* своимъ арсеналомъ устрашеній, *всею* безконтрольною властью надъ человѣческою жизнью, честью и достояніемъ, могъ бы какихъ-нибудь нужныхъ ему результатовъ достигнуть? Но нѣтъ, онъ достигъ очень мало. Спохватившіеся финансисты стали подкупать, а никогда и не терявшіеся придворные, публичныя женщины, имѣвшія вліяніе на регента, и, наконецъ, сами члены «chambre de justice»

*) L'histoire financière de l'ancien régime n'offre qu'une alternative de deprédations des financiers sur le peuple, et de violences du pouvoir sur les financiers, c'était un cercle d'où l'on ne pouvait sortir. Martin, Hist. de France, XV, p. 19.

стали подкупаться. Дѣло окончилось къ обоюдному и полному удовольствію. Изъ 4.470 подсудимыхъ тремъ тысячамъ удалось совсѣмъ ни одного су не заплатить казнѣ, а остальные въ общемъ уплатили не 220 милл., а всего 70 мил. И правительство въ эдиктѣ, изданномъ въ мартѣ 1717 года, объявляетъ о закрытіи chambre de justice по нижеслѣдующимъ мотивамъ: «чѣмъ больше желали мы *углубиться въ разслѣдованіе причины и прогрессирующаго хода* (*этого*) *зла*, тѣмъ болѣе признавали мы, что порча столь распространилась, что почти всѣ сословія ею заражены такимъ образомъ, что нельзя было употребить самую справедливую строгость для наказанія столь большого числа виновныхъ, не причиняя опаснаго перерыва въ торговыхъ сношеніяхъ и своего рода общаго потрясенія во всемъ государственномъ организмѣ». И это наивное признаніе совершенно правильно оцѣниваетъ положеніе вещей по существу. Абсолютизмъ долженъ былъ либо перестать быть самимъ собою, либо примириться съ совершенною невозможностью бороться противъ явленій, прямо вытекавшихъ изъ его природы. Всякій разъ, когда абсолютизмъ желалъ «approfondir la cause et les progrès du mal», ему приходилось отступать съ урономъ отъ этого предпріятія, ибо результаты «углубленія» оказывались самыми безпокойными и злокачественными.

Никто не будетъ спорить, что высшая власть въ Россіи, пожелавшая въ концѣ 70 годовъ XIX вѣка разслѣдовать и наказать казнокрадство, проявившееся въ такихъ почти волшебныхъ размѣрахъ въ эпоху русско-турецкой войны, на самомъ дѣлѣ желала въ данномъ случаѣ правосудія, ужъ потому, что это было въ прямыхъ интересахъ силы и боевой готовности русской арміи. Столь же мало можетъ быть сомнѣній въ томъ, что когда въ 80-хъ годахъ администрація разворовала башкирскія земли съ совершенно неприличною торопливостью, то высшая власть

рѣшительно захотѣла и въ этомъ дѣлѣ суда и наказанія виновныхъ. Что результаты получились сравнительно съ этими предположеніями въ обоихъ случаяхъ совершенно ничтожные, даже совѣстно было бы доказывать особенно обстоятельно. Эта иллюстрація менѣе ярка, нежели французская, ибо уже смертныя казни, пытки и прочіе пріемы даже и въ началѣ судебнаго преслѣдованія къ подсудимымъ не примѣнялись, но, вѣдь, за то и казна у насъ не получила тѣхъ семидесяти милліоновъ, которыми долженъ былъ удовольствоваться регентъ. А за вычетомъ этого и другихъ различій обстановочнаго характера, за вычетомъ самой остроты финансоваго кризиса, сущность остается одна и для Франціи, и для Россіи, и для королевства обѣихъ Сицилій, и для меттерниховской Австріи: главное и самое тяжкое «ограниченіе», которое, къ удивленію и гнѣву своему, начинаетъ раньше всего ощущать абсолютизмъ въ послѣдній періодъ своей жизни, заключается въ невозможности помочь себѣ, не отказываясь отъ своей сущности. Еще и признака нѣтъ не то, что «девятаго вала», но даже легкаго движенія воды.—а уже абсолютизмъ начинаетъ тонуть «на якорѣ». Всякое его самостоятельное движеніе, съ цѣлью помочь себѣ, ускоряетъ погруженіе; дѣло будущей бури начинаетъ облегчаться задолго до того, какъ первые ея признаки показываются на горизонтѣ. Но, какъ будемъ еще имѣть случай замѣтить далѣе, преувеличивать значенія финансовой нужды въ данномъ случаѣ—не слѣдуетъ.

II.

Въ этотъ начальный періодъ агоніи абсолютизма къ нему и только къ нему обращаются за помощью, ибо безъ него еще *не мыслятъ* общества. Къ нему взываютъ какъ къ суинберновскому «Послѣднему оракулу»: «Ты—

слово, свѣтъ, жизнь, дыханіе, слава, ты можешь помочь и излѣчить, облегчить и убить»! *) Въ такомъ духѣ обращаются къ абсолютизму и Вобанъ, и Буагильберъ, и впослѣдствіе д'Аржансонъ, и физіократы, и другіе, менѣе замѣтные совѣтодатели. Всѣ они рѣшительно убѣждены въ необходимости коренныхъ реформъ и всѣ они даже и не ставятъ вопроса объ уничтоженіи абсолютизма. Мало того, Д'Аржансонъ, напримѣръ, имѣетъ прямое тяготѣніе къ ослабленію бюрократическаго всевластія, онъ любитъ слово «демократія», но нельзя лучше охарактеризовать сущность его идей, какъ напомнивши названіе главнаго его труда: «Размышленія о правительствѣ Франціи» или «до какой степени демократія можетъ быть допущена въ монархическомъ образѣ правленія». Хотя эти Considérations писались еще въ 1737 году, но д'Аржансонъ предваряетъ абсолютизмъ насчетъ возможной опасности: «слѣдуетъ быть столь же на сторожѣ относительно реформы, какъ и относительно злоупотребленій»! **). Вотъ типичный языкъ реформистовъ этого періода, — продолжавшагося большую часть царствованія Людовика XV. (Послѣ семилѣтней войны заговорили иначе). Такъ говорилъ человѣкъ, котораго Жанъ Жакъ Руссо назвалъ «un vrai citoyen»; и, повторяемъ, и тонъ, и содержаніе произведенія д'Аржансона типичны для всей начальной эпохи паденія абсолютизма.

Что касается абсолютизма, то, еще не приступая къ послѣднимъ попыткамъ спасти себя, еще вполнѣ бездѣйствуя (кромѣ моментовъ особенно-гнетущаго обостренія финансовой нужды, когда начинались судорожныя метанья за деньгами), — самодержавное правительство

---

*) Thou — the word, the light, the life, the breadth, the glory etc. (The last oracle)

**) Il faut être autant en garde contre la réforme que contre les abus. D'Argenson, «Considérations».

окончательно проникалось, отчасти подъ вліяніемъ настойчивой, хоть и почтительной «литературы совѣтовъ» тою мыслью, что нищета народа имѣетъ и съ точки зрѣнія интересовъ абсолютизма свои дурныя стороны, перевѣшивающія стороны «хорошія». Тотъ, кто знакомъ съ исторіей Ришелье, не изумится только что написанной нами фразѣ и не усомнится въ возможности для абсолютнаго правительства такихъ «парадоксовъ», какъ признаніе за бѣдностью народа—положительныхъ качествъ. Да, въ эпоху силы своей и расцвѣта, абсолютизмъ позволялъ себѣ роскошь открытаго цинизма и вслухъ выговаривалъ свои мысли. Ришелье держался того мнѣнія, что усиленіе народнаго благосостоянія, влекущее за собою поднятіе просвѣщенія въ народныхъ массахъ, имѣетъ вредную сторону для государства, — ибо подобно тому, какъ нѣтъ животнаго, у котораго все тѣло было бы покрыто глазами, такъ и народу незачѣмъ самому все видѣть и все знать. Бѣдность народа многими абсолютными правителями считалась не лишенною серьезныхъ выгодъ, такъ какъ она сопрягалась съ невѣжествомъ и покорностью.

Эдуардъ Майкльсенъ утверждаетъ, ссылаясь на имѣвшійся у него въ рукахъ дипломатическій документъ, что министръ Николая I графъ Канкринъ сказалъ слѣдующія слова: «Нѣтъ необходимости улучшать положеніе народа, такъ какъ, согласно русссой поговоркѣ, *съ жиру собака бѣсится*» *). Изъ подстрочной ссылки читатель можетъ убѣдиться, что тутъ, дѣйствительно, въ точности переведена на англійскій языкъ русская поговорка, да и весь этотъ пассажъ въ книгѣ Майкльсена отнюдь не носитъ

*) Edward Michelsen, The life of Nicolas I, стр. 69 (Lond. 1854): we have before us a diplomatic memorial of the last thirty years in which Cancrin is reported to have said: There is no necessity to improve the condition of the people, since according to the russian proverb, *«a dog that gats fat, becomes mad»*.

характера вымысла. Что же касается внутренняго содержанія приписываемыхъ Канкрину словъ, — то онъ всецѣло согласуется съ политическими принципами и нравами этой эпохи. Русскій абсолютизмъ не только обходился тогда со своими вѣрноподданными по-плантаторски, какъ выражался Герценъ, — но онъ при всякомъ удобномъ случаѣ и изъяснялъ имъ это свое отношеніе. Когда «дни Аранжуэца» для русскаго абсолютизма миновали, — тогда онъ сталъ во-первыхъ, совсѣмъ по другому говорить о благосостояніи народа и о необходимости его поднять, — а во-вторыхъ, началъ и на самомъ дѣлѣ борьбу противъ общаго обнищанія — тѣми, конечно, мѣрами, на которыя былъ способенъ; а въ 30—40-хъ годахъ еще являлось возможнымъ дозволить себѣ роскошь построенія собственной идеологіи,—гдѣ къ трехчленной формулѣ «оффиціальной народности», къ лозунгамъ, — религіозному, политическому и національному—смѣло могъ быть прибавленъ еще лозунгъ экономическій: народная нищета, возведенная въ государственный принципъ.

Но подобно тому, какъ напр., въ 60-хъ, 70-хъ, 80-хъ или 90-хъ годахъ XIX столѣтія русскій абсолютизмъ уже вполнѣ ясно понялъ, что общее обнищаніе и для него лично есть зло, неуравновѣшиваюшееся никакими «положительными» соображеніями, такъ и абсолютизмъ французскій въ первой половинѣ XVIII вѣка уже не могъ придерживаться мнѣній кардинала Ришелье о народной бѣдности. Но, ясно уразумѣвши, что для него хорошаго въ экономическомъ упадкѣ страны мало, — правительство Людовика XV какъ бы инстинктомъ понимало, что коренныя реформы для него не только не по плечу, но прямо невозможны безъ отказа отъ абсолютной власти. И все, что оно дѣлало, — это боролось съ ближайшими и особенно острыми проявленіями финансоваго оскудѣнія, — однако, и тутъ область возможныхъ поправокъ все суживалась.

Если вся народная масса и даже реформисты еще не мыслили Францію безъ абсолютизма и если абсолютизмъ, не имѣя возможности безъ полнаго самоотрицанія, провести коренныя соціально-экономическія реформы,—вмѣстѣ съ тѣмъ уже такъ былъ гнилъ, что при всѣхъ усиліяхъ, при всей строгости не могъ наказывать или предупреждать систематическое расхищеніе государственнаго достоянія,—то что же ему и оставалось, кромѣ авантюръ, кромѣ житья изо дня въ день? Исторія съ Джономъ Ло и вся финансовая исторія французскаго правительства въ XVIII вѣкѣ и есть почти сплошная лѣтопись авантюръ и житья изо дня въ день. Теперь можно считать вполнѣ доказаннымъ историческимъ фактомъ, что Джонъ Ло былъ виновенъ не въ сознательномъ обманѣ, не въ грандіозномъ мошенничествѣ, въ чемъ его долго обвиняла традиція, но прежде всего и больше всего въ томъ, что онъ затѣялъ, при соучастіи абсолютнаго правительства, такое дѣло, которое требовало именно въ силу своего широкаго (до рискованности) масштаба — особенно строгаго контроля и особенно щепетильнаго отношенія къ принятымъ предъ обществомъ обязательствамъ. Утопичнѣйшая изъ идей Джона Ло въ томъ и заключалась, что онъ какъ бы повѣрилъ въ какую-то внутреннюю сдержку, которая не позволитъ французскому правительству воспользоваться выпускомъ бумажныхъ денегъ для возможно скорѣйшаго обмана частныхъ лицъ и обогащенія казны, безъ всякой тревоги насчетъ близкаго и неминуемаго банкротства. Сложную кредитную операцію, всецѣло основанную на довѣріи общества, Джонъ Ло проводилъ при помощи того самаго правительственнаго организма, — одинъ изъ руководящихъ членовъ котораго (онъ же другъ регента) — кардиналъ Дюбуа такъ опредѣлялъ абсолютную монархію: «правительство, которое прибѣгаетъ къ банкротству, когда хочетъ (un gouvernement qui fait

la banqueroute quand il veut)». Конечно, при подобныхъ условіяхъ, если бы дѣло съ системою Ло не окончилось банкротствомъ, то это было бы чудомъ, а такъ какъ чудесъ не бываетъ, то банкротство и произошло. Правительство, —теоретики, апологеты и практическіе дѣятели котораго проводили идею о томъ, что король имѣетъ права собственника на всю французскую землю; правительство, по своему желанію секвестровавшее тѣ земельныя угодья, которыя ему хотѣлось, подъ нелѣпыми предлогами, вродѣ напр. недостаточности актовъ о пріобрѣтеніи (хотя бы это пріобрѣтеніе было совершено предками владѣльца за сто лѣтъ до того и никѣмъ никогда не оспаривалось); правительство, принуждавшее людей по нѣсколько разъ уплачивать за одни и тѣ же права, — открыто обманывая покупщика, — это правительство ни въ какомъ случаѣ банкротства бояться не могло. Частичное банкротство оно, напримѣръ, и произвело въ маѣ 1717 года, незадолго до развитія дѣятельности Джона Ло: правительство раздѣлило по собственному усмотрѣнію своихъ кредиторовъ на четыре категоріи, — и однимъ заплатило $^4/_5$, другимъ $^3/_5$, третьимъ $^2/_5$ своего долга. Протестовать никто не посмѣлъ, такъ что, кромѣ выгоды ничего отъ этой операціи не получилось. Таковы были «ауспиціи», при которыхъ Джонъ Ло началъ свою дѣятельность; надо было быть такимъ мечтателемъ, какъ онъ, чтобы не разглядѣть сразу своихъ контрагентовъ и ихъ обхожденія съ чужимъ имуществомъ.

Характерно, что слуга того же абсолютизма, герцогъ Ноайль, сначала всѣми мѣрами противился планамъ Джона Ло: ему хотѣлось избѣжать слишкомъ широкой и рискованной авантюры. Тутъ сказывалась больше бюрократическая рутина, нежели что-нибудь болѣе «возвышенное», ибо, напр., противъ государственныхъ банкротствъ Ноайль ничего не имѣлъ и, даже, самъ ихъ производилъ, такъ

что перспектива новаго банкротства его пугать не могла. Но насъ тутъ интересуютъ не мотивы его оппозиціи, а то, что Ноайль вздумалъ указать регенту на возможность поправить дѣла инымъ путемъ, — именно сокращеніемъ расходовъ. Онъ предложилъ, между многимъ прочимъ, уничтоженіе безчисленныхъ пенсій и неизвѣстно за что выдававшихся жалованій. Конечно, рѣшительно ничего отсюда не получилось: страшная борьба закипѣла вокругъ регента,—и Филиппъ долженъ былъ совершенно отказаться отъ всякой мысли объ экономіи. Абсолютизмъ кормилъ вокругъ себя такую массу людей, что для борьбы съ ними ему нужно было бы опереться на сочувствіе и поддержку народной массы. И тогда эти сочувствіе и поддержка еще, несомнѣнно, были бы получены абсолютизмомъ: стоитъ лишь вспомнить, какъ злорадствовала и ликовала толпа въ 1716—1717 г.г., во время начавшихся было неистовствъ «chambre de justice», когда народу внушалось, что правительство преслѣдуетъ финансистовъ и откупщиковъ за обиды и притѣсненія, чинимыя бѣднякамъ. Но демагогизмъ былъ въ тѣ времена еще совершенно ненужною роскошью для абсолютизма,—и потому онъ лишь случайно и вполнѣ небрежно, слегка только, и безъ особой обдуманности прибѣгалъ къ этому средству. А возбуждать массы противъ царедворцевъ герцогъ Ноайль, конечно, и самъ ни за что не согласился бы, и регентъ не позволилъ бы, и исполнители не нашлись бы: вѣдь всѣ эти люди во главѣ съ регентомъ и Ноайлемъ совершенно убѣждены были въ самоцѣнности абсолютизма, *для котораго* существуетъ народъ, — и никакіе факты еще не нарушали полноты и спокойствія этого убѣжденія, слѣдовательно, вмѣшивать народъ въ семейную распрю слугъ абсолютизма было бы совершенно безтактно. Если же распрѣ нужно было остаться семейной,—то, конечно, побѣда должна была быть одержана большинствомъ, т.-е.

всѣми терявшими отъ плановъ Ноайля, надъ меньшинствомъ (сводившимся на дѣлѣ чуть ли не къ одному Ноайлю).

Вскорѣ послѣ крушенія плана объ экономіи и устраненія Ноайля отъ дѣлъ, Джонъ Ло окончательно завладѣлъ ареною. Намъ совершенно не нужно передавать здѣсь всей короткой исторіи системы Джона Ло. Въ глазахъ абсолютизма эти три года, — съ января 1817 г. по 14-е декабря 1720 года, когда Ло бѣжалъ изъ Парижа,—были только эпизодомъ, временемъ любопытнаго эксперимента. Система Ло погибла такъ быстро именно вслѣдствіе совершенно произвольнаго и сначала грубо-насильственнаго, а потомъ столь же грубо-недобросовѣстнаго поведенія правительства въ этомъ дѣлѣ. Вина Ло, кромѣ вышеуказанной принципіальной его ошибки, заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что самъ онъ, все желая основать на кредитѣ, не гнушался пользоваться указами правительства, имѣвшими цѣлью поддержать принудительнымъ путемъ обращеніе кредитныхъ ассигнацій, — а затѣмъ не имѣлъ мужества настоять на прекращеніи явно-гибельнаго злоупотребленія кредитомъ, которое представляли собою чуть-ли не всѣ мѣры со стороны вмѣшавшагося въ дѣло регента. Абсолютизмъ, надо это помнить, боялся банкротства несравненно меньше, нежели Джонъ Ло,—и пострадалъ, въ концѣ концовъ, тоже несравненно меньше, нежели Джонъ Ло. То-есть, съ точки зрѣнія тогдашняго правительства, съ точки зрѣнія житья изо дня въ день, абсолютизмъ, можно сказать, даже и вовсе не пострадалъ: ни Филиппъ, ни его дочери, ни маленькій король, — не понесли убытковъ матеріальныхъ, а объ ущербѣ нравственномъ они не заботились. Ло умеръ въ бѣдности, до конца оставаясь мечтателемъ и теоретикомъ, до конца твердо вѣря въ свою погибшую систему. А правительство регента прибѣгло къ новому государственному банкротству. Пра-

вительство устроило себѣ самому широчайшія льготы и самыя либеральныя отсрочки по уплатѣ своихъ долговъ, часть долговъ совсѣмъ была оставлена безъ уплаты, другая часть стала погашаться весьма выгоднымъ для правительства и столь же невыгоднымъ для кредиторовъ образомъ,—и дѣло тѣмъ окончилось. Разоренія, самоубійства разоренныхъ, страшное потрясеніе кредита — все это реальной и непосредственной опасности для строя не представляло, — а больше ничего и не требовалось. По прежнему потекла изо дня въ день, безъ плана, безъ руководящей мысли, безъ будущаго—жизнь правительственнаго аппарата, — отъ случайности къ случайности, отъ авантюры къ авантюрѣ, съ единственной заботою—перехватить гдѣ-нибудь денегъ, ибо дефицитъ продолжалъ оставаться на очереди дня.

III.

Существуютъ такія истины, которыя необыкновенно быстро поддаются вульгаризаціи, фатально влекущей за собой неточность и рѣзкость формулировки; а изъ-за этого истины перестаютъ быть истинами и превращаются въ предразсудокъ и повѣрье. Совершенно несомнѣнно, что абсолютизмъ (какъ и всякое иное правительство) слабѣетъ отъ послѣдовательныхъ дефицитовъ,—и сила его *будущаго* сопротивленія *будущей* революціи постепенно въ теченіе всего послѣдняго періода его существованія все уменьшается. Столь же несомнѣнно, что дѣло тутъ не въ дефицитахъ самихъ по себѣ, а въ ненормальности всего жизненнаго уклада, характеризующагося несоотвѣтствіемъ политическаго и соціальнаго строя съ экономическими потребностями. Но говорить о томъ, что именно финансовая нужда *вызываетъ* революцію, — есть предразсудокъ

и повѣрье. Если бы, напр., русское самодержавіе должно было считаться *только* съ финансовою нуждою,—то оно, конечно, существовало бы и въ наше время столь же благополучно, какъ при Аракчеевѣ, когда рубль стоилъ около двадцати копѣекъ (въ 1814 году), или какъ при Елисаветѣ Петровнѣ, когда русскому правительству иностранцы отказывали въ ссудѣ въ нѣсколько сотъ тысячъ флориновъ.

Этотъ предразсудокъ возникаетъ по весьма понятнымъ причинамъ: какъ уже сказано, борьба съ безденежьемъ обыкновенно начиналась у абсолютизма въ то время, когда не было еще революціи,—и эта борьба со всѣми ея главными перипетіями особенно глубоко поэтому запечатлѣвалась въ памяти современниковъ и потомства. Всѣ сознательные элементы оппозиціи въ Россіи 70—80-хъ г.г. внимательно слѣдили за ростомъ финансовыхъ затрудненій правительства, — и ядовитыя замѣчанія Щедрина о своевременности переименованія рубля въ полтинникъ и т. д.— какъ въ зеркалѣ отражаютъ въ себѣ эту черточку оппозиціоннаго настроенія. Но 90-е годы принесли французскій союзъ,—и французскіе милліарды почти на полтора десятка лѣтъ избавили абсолютизмъ отъ острыхъ финансовыхъ безпокойствъ. За это время страна вынесла двѣ большія и нѣсколько среднихъ голодовокъ, крестьянство продолжало нищать, промышленность искусственно вздувалась на счетъ нищаго народа, — рядъ грозныхъ вопросовъ скоплялся въ Россіи,—но правительство не чувствовало себя отъ этого хуже, и *его* финансовыя дѣла до поры до времени устраивались изъ года въ годъ,—и къ началу революціи—государственнаго банкротства вовсе не было. Война съ Японіей проглотила все это дутое благополучіе, т.-е. ускорила то, что и безъ нея не могло не случиться при данномъ соціально-экономическомъ состояніи Россіи,— и вотъ уже скоро два года, какъ наше правительство на-

ходится въ хроническомъ исканіи новыхъ кредиторовъ; а такъ какъ за это время успѣла вспыхнуть революція, — то наблюдается любопытный феноменъ: въ моменты подъема революціи—вопросъ о финансовой нуждѣ правительства отходитъ сразу на второй планъ и заслоняется въ глазахъ общества другими,—а въ моменты отлива или сравнительнаго затишья, въ моменты торжества реакціи онъ опять выступаетъ на авансцену. Опять начинаются въ обществѣ размышленія о томъ, дастъ-ли Мендельсонъ денегъ, или не дастъ, не пошлютъ-ли вторично г-на Коковцова путешествовать и т. д. и т. д. Этотъ переживаемый нами психологическій опытъ подтверждается и исторіей: финансовыя злоключенія французскаго ancien régime'а считались въ 1789 году, еще *до начала* революціи, при нотабляхъ и въ *первый* моментъ собранія генеральныхъ штатовъ до такой степени серьезнымъ двигателемъ ожидаемаго прогресса, что Жоресъ въ своей «Исторіи учредительнаго собранія» прямо объясняетъ холодную встрѣчу, оказанную сравнительно оптимистическому докладу Неккера, именно боязнью штатовъ, какъ-бы и въ самомъ дѣлѣ шансы двора не оказались противъ ожиданія слишкомъ хорошими. «Въ дефицитѣ—надежда націи, ея будущее, ея освобожденіе!» Эта парадоксальная (только на первый взглядъ) мысль владѣла многими умами въ началѣ борьбы, — а Неккеръ вздумалъ очаровать собраніе успокоительными финансовыми перспективами. Ясно, что именно по этому пункту онъ особенно долженъ былъ ошибиться въ своей аудиторіи. Но стоило революціи развить свою силу, — и финансовый вопросъ отошелъ въ тѣнь, что особенно замѣчательно, если принять во вниманіе дѣйствительно критическое положеніе казначейства въ продолженіе всей революціонной эпохи и рядъ весьма важныхъ мѣръ по этой части, предпринятыхъ по-очереди всѣми представительными собраніями революціи. Но эти

мѣры, при всей важности ихъ, не владѣли уже умами современниковъ: вѣяніе могучей силы историческаго реализма, столь свойственное революціоннымъ эпохамъ, уже охватило французское общество 1790-хъ годовъ,—и люди типа Кондорсэ поняли сознаніемъ, а люди типа Анахарсиса Клотца уразумѣли инстинктомъ, что дѣло идетъ о столь глубокой и грандіозной перемѣнѣ, при которой анализъ состоянія въ данный моментъ государственныхъ финансовъ есть занятіе по меньшей мѣрѣ второстепенное. Подчиненное значеніе вопроса о финансовомъ положеніи правительства еще болѣе бросается въ глаза, если вспомнить исторію Пруссіи, Австріи, Россіи.

Исторія агоніи абсолютизма въ этихъ странахъ, а особенно въ Россіи показываетъ, что, являясь серьезною, иногда колоссальною поддержкою освободительнаго движенія уже во время развитія революціи, финансовая нужда правительства вовсе не служитъ непосредственнымъ толчкомъ къ *началу* революціи, къ ея первому взрыву.

Что касается Австріи, то вплоть до мартовской революціи 1848 года бюджетъ не обнародовывался вовсе, и кромѣ Меттерниха и придворной камарильи (и то не всей, а только той части ея, которая не находилась въ антагонизмѣ съ Меттернихомъ) никто не имѣлъ понятія объ австрійскихъ государственныхъ финансахъ,—но кредитъ государства стоялъ въ общемъ твердо. Провѣрить тѣ «указанія», которыя правительство заблагоразсудило дать уже послѣ начала революціи, сразу было невозможно, а по этимъ указаніямъ выходило, будто бы за 1841—1847 г.г. не только не было дефицита, но даже получился избытокъ въ 38 милліоновъ слишкомъ, и только въ 1847 году былъ маленькій дефицитъ всего въ 5 милліоновъ флориновъ*). На

*) См. Adolf Beer, Die Finanzen Oesterreichs im XIX Jahrhundert (Prag. 1877), стр. 202, 203 и сл.; о бумажныхъ деньгахъ см. Kramar, Das Papiergeld in Oesterreich seit 1848. (Leipzig. 1886).

самомъ дѣлѣ, дефицитъ былъ ежегоднымъ явленіемъ, хотя очень ловко маскировался и тщательно скрывался отъ посторонниxъ взоровъ. Иначе и быть не могло: абсолютизмъ становился на всѣхъ путяхъ препятствіемъ для естественно развивающейся хозяйственной жизни страны и, разоряя страну, неуклонно подкапывалъ собственное свое благополучіе. Но, тѣмъ не менѣе, до поры до времени концы сводились и до финансоваго краха въ моментъ начала революціи было еще очень далеко.

Едва ли не самымъ худшимъ для вѣнскаго правительства бюджетнымъ годомъ былъ именно послѣдній предреволюціонный годъ; въ 1847 году дефицитъ былъ равенъ пятидесяти семи милліонамъ (процентовъ по государственному долгу въ этомъ году пришлось уплатить 46 милліоновъ съ небольшимъ). Однако, какъ уже сказано, даже и тутъ не только удалось скрыть совершенно эту цифру до мартовскаго взрыва, но удалось уже *послѣ* мартовскаго взрыва всенародно солгать, заявивши о дефицитѣ въ 5 милліоновъ, — и удалось скрывать истину не только въ теченіе 1848—49 г.г., но и значительно дольше. И вопроса о финансовомъ положеніи правительства серьезно не подымалось въ бурные мартовскіе дни *), — такъ что

---

*) Если не считать прочтенной 13 марта предъ толпою вслухъ рѣчи Кошута, гдѣ тотъ говоритъ о недовѣріи къ вѣнскому банку; но и тутъ публика услышала слѣдующее: «другая причина, почему я не намѣренъ входить въ глубокія подробности банковыхъ отношеній, заключается въ томъ, что, какъ извѣстно, биржевой курсъ государственныхъ бумагъ можетъ считаться барометромъ общаго положенія, *а въ 1830 году дѣло обстояло несравненно хуже, чѣмъ въ настоящее время; вообще, я убѣжденъ, что вѣнскому банку пока еще не угрожаетъ непосредственная опасность, которая могла бы породить основательное безпокойство* и что такая опасность явилась бы лишь въ томъ случаѣ, если бы ложная политика изо дня въ день приводила государство къ все возрастающимъ жертвамъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ которыхъ будетъ государственное банкротство» (Бахъ, Ист. Австріи). И *такъ* говорилъ проникнутый революціоннымъ настрое-

нѣтъ ни малѣйшей возможности говорить о дефицитѣ (котораго никто къ тому же въ точности и не зналъ), какъ о причинѣ, или хотя бы объ одномъ изъ поводовъ, вызвавшихъ революцію. Мало того. Всѣ жесточайшія свои затрудненія по части борьбы съ Вѣною, съ Италіею, съ Венгріею за весь этотъ 1848 годъ правительство пережило, главнымъ образомъ лишь увеличивши на 46 милліоновъ (съ 132 милл. до 178) свой долгъ государственному банку и прибѣгнувши къ ограниченію въ размѣнѣ бумажныхъ денегъ, а потомъ и къ прекращенію его. Вообще же особенно серьезныя затрудненія обступили правительство именно уже послѣ начала революціи и ея развитія, когда нужно было ликвидировать венгерское возстаніе, финансовыя послѣдствія войны съ Пьемонтомъ и т. д. Но это уже касается другого фазиса борьбы абсолютизма за свое существованіе, — отнюдь не фазиса начальнаго, — и поэтому выходитъ изъ рамокъ настоящей главы.

Не финансовое положеніе государства вызвало и мартовскіе дни 1848 года въ Берлинѣ. Въ противоположность Австріи, — въ Пруссіи (съ 1821 года) публиковались смѣты расходовъ и доходовъ, но въ самыхъ общихъ чертахъ и, къ тому же, завѣдомо ложныя, такъ какъ наряду съ публикуемыми во всеобщее свѣдѣніе составлялись тайныя бюджетныя смѣты (geheime Etats), — для дѣйствительнаго соображенія высшей правящей бюрократіи. Нечего и говорить, что въ публикуемыхъ смѣтахъ все обстояло наиблагополучнѣйшимъ образомъ, но уже самая возможность длительнаго обмана и утаиванія въ *этой* области отчасти указывала на то, что правительство не

ніемъ человѣкъ въ Пресбургѣ 3 марта: *такія* слова слышала революціонная толпа въ Вѣнѣ 13 марта. Можетъ ли быть болѣе наглядное доказательство въ пользу защищаемаго нами взгляда?

стоитъ *наканунѣ* финансоваго краха. Напротивъ, прусскій абсолютизмъ былъ, безспорно, наименѣе разложившейся изъ всѣхъ тѣхъ политическихъ организацій, которымъ пришлось выдержать удары революціи 1848 года,—и въ прусской налоговой системѣ, какъ въ прусскомъ финансовомъ управленіи было гораздо болѣе отчетности и контроля, гораздо менѣе хаоса и легальныхъ растратъ народныхъ денегъ, чѣмъ хотя бы, напр., въ Австріи меттерниховскаго періода. «Финансы пользовались завиднымъ процвѣтаніемъ; это всегда оставалось сильною стороною правленія Фридриха-Вильгельма»,—говоритъ одинъ изъ историковъ эпохи*). Тутъ слѣдовало бы только внести «поправку»: *казалось*, что финансы пользуются завиднымъ процвѣтаніемъ. Мнѣніе Блосса, что прусское государство *казалось* (наканунѣ революціи) чрезвычайно крѣпкимъ **) — довольно справедливо. Въ подобныхъ утвержденіяхъ историки-націоналисты въ родѣ Трейчке сходятся часто съ историками-соціалъ-демократами въ родѣ Блосса.

Конечно, невозможно допустить «процвѣтаніе» финансовъ, какъ это склоненъ дѣлать Трейчке. Факты показываютъ, что въ 1846 г. не удался заемъ, и что вообще приходилось сильно и тщетно искать денегъ. Марксъ въ своей «Германіи въ 1848—50 г.г.», въ несравненно большемъ согласіи съ фактами и ихъ логикою, склоненъ считать, что хотя Фридрихъ-Вильгельмъ IV нашелъ при вступленіи на престолъ государственные финансы, дѣйствительно, въ сравнительно благоустроенномъ состояніи, — но уже черезъ два года положеніе ухудшилось и финансовыя затрудненія чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе возростали. Впрочемъ и a priori можно сказать, что при экономическомъ разстройствѣ страны, обусловливаемомъ про-

---

*) Treitschke, Deutsche Geschichte, т. V, стр. 494 (Leipzig, 1894).

**) Bloss, Die deutsche Revolution, стр. 122 (Stuttgart, 1893).

должающимся существованіемъ стараго порядка, финансы — какъ прямое отраженіе общихъ экономическихъ условій — и не могутъ «процвѣтать». Но до государственнаго банкротства Пруссіи, во всякомъ случаѣ, было еще далеко; не финансовыя затрудненія страны стояли на первомъ планѣ у *общества*, которое къ тому же, кромѣ лживыхъ смѣтъ и неясныхъ слуховъ,— ничего въ этой области не знало, не финансовыя затрудненія сыграли въ исторіи прусскаго абсолютизма *роковую* роль, не финансовыя затрудненія вызвали революцію, хотя *они*, главнымъ образомъ, вызвали къ бытію «Соединенный ландтагъ», мирно разошедшійся до революціи.

Все это показываетъ, что преувеличеннаго значенія финансовой нуждѣ правительствъ, какъ фактору, вызывающему революцію, придавать не слѣдуетъ. Революціонное стремленіе къ реформѣ строя наступало тамъ и тогда, гдѣ и когда нуждающіеся въ этой реформѣ соціальные слои были въ силахъ преодолѣть на время или уничтожить вовсе противившійся реформѣ строй. Экономическое разстройство страны, обусловленное несоотвѣтствіемъ соціально-политическаго строя съ развитіемъ производительныхъ силъ, — вотъ что составляетъ совершенно необходимую логическую предпосылку революціи, — независимо отъ состоянія государственныхъ финансовъ въ моментъ революціоннаго взрыва. Конечно государственные финансы именно въ виду вышеуказанныхъ экономическихъ причинъ и *не могутъ* въ такомъ государствѣ быть поставлены нормально; но, какъ мы видѣли, далеко не всегда *къ началу* революціоннаго взрыва наблюдается *та степень финансоваго разоренія правительства, которая бы находилась въ полномъ соотвѣтствіи съ экономическимъ упадкомъ страны.* Во Франціи къ 1789 году это соотвѣтствіе было въ большей или меньшей степени достигнуто, и старый режимъ принужденъ былъ собственными руками взять

въ руки заступъ и начать рыть себѣ могилу; въ Пруссіи и Австріи ни предъ 1848-мъ годомъ, ни въ 1860-хъ г.г., когда старый режимъ въ обѣихъ странахъ окончательно провалился, — *эта* степень финансоваго оскудѣнія достигнута еще не была; наконецъ, финансы Россіи за все пятнадцатилѣтіе, предшествовавшее *началу* революціи, были еще далеки отъ полнаго соотвѣтствія съ истиннымъ экономическимъ состояніемъ русскаго народа. И въ этихъ трехъ послѣднихъ странахъ революція началась съ возстанія народа, за которымъ послѣдовало вырванное у власти рѣшеніе созвать представительство, а во Франціи власть еще *до* революціи созвала представителей народа, которые должны были уладить финансовый вопросъ,— и этотъ фактъ послужилъ какъ бы сигналомъ къ возстанію. Это характерное отличіе *начала* трехъ названныхъ революцій XIX—XX вв. отъ начала французской революціи XVIII вѣка и зависѣло ближайшимъ образомъ отъ того, что во Франціи предъ 1789 годомъ абсолютизмъ *уже* не располагалъ возможностью *препятствовать* установленію полнаго соотвѣтствія между своимъ финансовымъ положеніемъ и экономическимъ состояніемъ народа, тою драгоцѣнною возможностью, какою еще располагалъ абсолютизмъ Пруссіи, Австріи, Россіи въ соотвѣтствующіе историческіе моменты, пережитые этими странами. Тѣ биржевые и всякіе иные truc'и и манипуляціи, которыми возможно нѣкоторое время спасать благообразіе финансоваго «лица», когда страшный недугъ пожираетъ все экономическое существо народа,—немного, разумѣется, стоютъ и ничего не предотвращаютъ. Они только обусловливаютъ возможность для даннаго правительства не «начать» революцію по собственному, такъ сказать, «почину», — прямымъ обращеніемъ къ націи, а продолжать жить изо дня въ день, ожидая, когда революція «сама» наступитъ.

IV.

«Абсолютизмъ, несогласный болѣе съ новыми требованіями, съ новыми экономическими и соціальными нуждами націи, приводитъ къ финансовому краху; финансовый крахъ влечетъ неминуемо начало революціи; слѣдовательно, для абсолютизма революціонная обстановка гибели типична». Этотъ силлогизмъ въ силу вышесказаннаго совершенно не можетъ быть принятъ: вторая посылка не выдерживаетъ исторической критики, ибо неоднократныя финансовыя банкротства абсолютизма проходили ему часто даромъ и никакой революціи не вызвали, а, съ другой стороны, революціи нерѣдко начинались тогда, когда еще финансоваго краха вовсе не было. Этотъ силлогизмъ подвергся широкой вульгаризаціи именно подъ вліяніемъ поразившаго умы начала французской великой революціи; это не мѣшаетъ силлогизму быть грубо-искусственнымъ и неправильнымъ.

Но, отвергая его, мы остаемся все при томъ же вопросѣ: каковы причины, дѣлающія для абсолютизма типичною именно революціонную обстановку гибели?

Ни одна форма правленія не даетъ такого *видимаго* преобладанія значенію отдѣльныхъ личностей, какъ абсолютизмъ, и поэтому, во времена процвѣтанія «культа героевъ» въ исторіографіи, обыкновенно, указывалось на свойства лица, сидѣвшаго въ моментъ революціи на престолѣ, какъ на главную причину, которая и обусловила насильственный характеръ событій. Морализмъ, съ своей стороны, и въ наукѣ, и въ публицистикѣ, всегда старался указывать и подчеркивать ошибки и преступленія верховной власти съ цѣлью либо предупредить, либо напугать властителей новѣйшихъ — «дурнымъ примѣромъ» властителей старинныхъ; для пущей же поучительности значе-

ніе этихъ ошибокъ и преступленій расширялось до полной неправдоподобности.

Слишкомъ заманчива была тема; съ внѣшней стороны обстояло дѣло такъ: отъ широты взгляда, уступчивости, искренности и другихъ добродѣтелей монарха зависѣло спасти и себя, и отечество отъ революціи, но, вотъ, ничего этого проявлено не было,—и все окончилось гибелью и бурею. Могъ ли морализмъ не воспользоваться, могла ли политическая литература не увлечься подобнымъ сюжетомъ?

Исторія революцій знала два главныхъ типа монарховъ, съ противодѣйствіемъ которыхъ приходилось считаться возставшему народу. Образцомъ перваго типа можетъ считаться Карлъ Стюартъ; разновидностью этого типа является, напр., Марія Каролина, неаполитанская королева конца XVIII-го и начала XIX-го в. Люди этого типа обладали натурою энергичною и рѣшительною; пойти на уступки они могли только въ видѣ военной хитрости и всегда послѣ этихъ уступокъ проявляли, при наступленіи удобнаго момента, еще болѣе неукротимую, еще болѣе смертельную ненависть къ противникамъ. Въ случаѣ побѣды, хотя бы временной, не было жестокости, предъ которою они остановились бы; въ случаѣ пораженія, они удивляли врага своимъ холоднымъ презрѣніемъ и стойкостью. Обыкновенно, это были люди, убѣжденные въ правильности отстаиваемыхъ ими началъ. Карлъ I, человѣкъ, погибшій на попыткѣ превратить конституціонную монархію въ неограниченную, *уже стоя на эшафотѣ* утромъ 30-го января 1649 года, сказалъ составлявшимъ его послѣдній кортежъ Джекстону и Томлинсону, что не дѣло подданныхъ принимать участіе въ управленіи *). Вѣроломство и коварство, жестокость и неутомимая ненависть

*) «It is nottheir having a share in the government». Gardiner. The history of Great civil war, vol. III, стр. 596 (London, 1891).

по отношенію къ врагу были съ ихъ точки зрѣнія обязательными, диктовались самымъ смысломъ ихъ существованія. Погибали они, лишь исчерпавъ всѣ средства къ продолженію борьбы.

Ко второму типу относятся такіе люди, какъ Людовикъ XVI. Они бываютъ не злы по натурѣ, но не это характерно для даннаго типа (ибо разновидности этого типа бывали иной разъ вполнѣ и безнадежно равнодушны къ людскимъ страданіямъ и жестоки отъ собственной трусости, т.-е. злы самою безпощадною злостью). Они терялись, застигнутые обстоятельствами, и когда дѣлали уступки, то иной разъ пресерьезно бывали убѣждены, что все это дѣлается ими прочно и искренно,—а когда нарушали свое слово и подкапывались подъ собственныя обѣщанія, то столь же серьезно полагали, что никакого вѣроломства не совершаютъ. Основная изъ ихъ личныхъ бѣдъ заключалась въ томъ, что они, обыкновенно, не понимали первой буквы во всемъ, что вокругъ нихъ творилось, — и продолжали не понимать впредь до окончательной гибели. Собственная растерянность и нерѣшительность сначала ихъ, обыкновенно, мучили,—но потомъ, какъ бы вполнѣ убѣдившись въ невозможности что-нибудь понять и кому-нибудь довѣриться, они замыкались въ броню странной апатіи, равнодушія, какъ бы нравственнаго и умственнаго онѣмѣнія. Не по своей иниціативѣ Людовикъ XVI рѣшился на бѣгство и сѣлъ въ карету, которая повезла его къ границѣ; машинально ѣлъ персикъ въ законодательномъ собраніи 10 августа 1792 г., въ день паденія монархіи; совершенно апатично выслушалъ онъ приговоръ, отправлявшій его на гильотину. Но это было уже въ 1791 — 1793 гг., — а Людовикъ 1789 года или Людовикъ эпохи Тюрго — человѣкъ, еще не сложившій рукъ, еще не отчаявшійся уразумѣть положеніе вещей. Душевное онѣмѣніе, охватывавшее ихъ по мѣрѣ

развитія революціи, характерно для людей этого типа. Защищало-ли это душевное онѣмѣніе отъ сумасшествія или отчаянья (какъ, быть можетъ, защищало оно Людовика XVI), или же чаще само являлось особой формою душевной болѣзни (какъ это было въ 1848 г. съ австрійскимъ императоромъ Фердинандомъ I),—это вопросъ, насъ тутъ не интересующій.

Къ этимъ основнымъ двумъ типамъ примыкаютъ разновидности, на характеристикѣ которыхъ останавливаться подробнѣе не къ чему. Выводъ же, который историкъ въ правѣ сдѣлать послѣ анализа характера самыхъ разнообразныхъ монарховъ революціонныхъ эпохъ, заключается въ слѣдующемъ: къ какому бы изъ вышеописанныхъ двухъ типовъ ни принадлежалъ носитель верховной власти, это никогда не имѣло *существеннаго* значенія и вліянія на событія, ибо разнороднѣйшіе представители абсолютизма одинаково оказывались неспособными въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ произвести безъ революціоннаго давленія тѣ соціально-политическія измѣненія, которыя повелительно требовались нуждами націи. Дѣло тутъ всегда было въ свойствахъ всего правительственнаго организма, въ свойствахъ, которыя обусловливали почти полную неизбѣжность революціоннаго взрыва. Не тогда только абсолютизмъ погибалъ *насильственно*, когда постигалъ его финансовый крахъ, и не оттого, что его представители были слишкомъ упорны или слишкомъ нерѣшительны, слишкомъ мягки или слишкомъ жестоки, но прежде всего оттого, что ему всегда бывало труднѣе, нежели всякой иной формѣ правленія выполнить выпавшую ему на долю задачу, такъ какъ для него она выражалась въ томъ, чтобы добровольно отказаться отъ собственнаго существованія.

Ибо именно это фактически требуется отъ него въ опредѣленный моментъ соціально-экономической эволюціи

общества, именно это ведутъ съ собою тѣ политическія и юридическія перемѣны, которыя должны явиться результатомъ реформы или революціи, послѣ долгихъ или непродолжительныхъ перипетій борьбы. Трудность задачи, можно сказать, *противоестественность* такого самоубійства, уже сама по себѣ являлась почти непреодолимою преградою для мирнаго разрѣшенія вопроса въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ; и еще тяжелѣе было преодолѣть эту преграду тогда, какъ вплоть до начала революціи задача эта во всемъ ея объемѣ недостаточно ясно была сознана и поставлена. Предъ паденіемъ французскаго абсолютизма задача уничтоженія абсолютизма не пользовалась такимъ вниманіемъ общества, какъ другія сопряженныя съ нею и подчиненныя ей задачи, не такъ была сознана, не провозглашалась такъ страстно и убѣжденно. Когда революція вспыхнула, — тогда въ этомъ смыслѣ произошелъ крутой переломъ (о чемъ мы уже вскользь упоминали въ самомъ началѣ этой работы и о чемъ подробнѣе рѣчь будетъ впереди),—но въ періодъ, непосредственно предшествующій революціонному взрыву,—можно сказать, что къ самому же абсолютизму обращались не только за рѣшеніемъ задачи, но и за вполнѣ ясною ея постановкою. Объ уничтоженіи абсолютизма отчетливо и громко масса заговорила лишь тогда, когда онъ уже de facto палъ. Тогда и только тогда буржуазія, какъ классъ, примкнула къ мысли Мирабо, который заявилъ, что конституція должна *ограничивать* королевскую власть, «только затѣмъ, чтобы сдѣлать ее сильнѣе». Но такъ заговорила буржуазія, когда уже вихрь событій сломилъ абсолютизмъ, а еще за нѣсколько лѣтъ дѣло обстояло не такъ. «Въ 1774 году, когда умеръ Людовикъ XV, желанія были гораздо скромнѣе», говоритъ Сорель въ полномъ согласіи съ огромнымъ большинствомъ изслѣдователей идеологіи временъ стараго поряд-

ка *): «народъ довѣрялъ королю, и общественное мнѣніе не стало бы торговаться съ нимъ изъ-за власти, если бы онъ воспользовался ею для желанныхъ реформъ. Никогда еще не говорили такъ много о Генрихѣ IV и никогда не расхваливали въ такой степени Ришелье. Воображеніе рисовало идеальный образъ короля-законодателя и, въ силу какого-то страннаго атавизма, философы придавали государю будущаго— черты легендарнаго героя среднихъ вѣковъ». Быть можетъ, послѣдняя фраза возбудитъ удивленіе, — но Сорель не выдумалъ ничего; -- общая неясность въ постановкѣ вопроса объ абсолютизмѣ *даже* иной разъ на верхахъ умственной жизни, *даже* иногда среди нѣкоторыхъ дѣятелей просвѣтительной философіи доходила, дѣйствительно, до того, что порою реставрировался образъ Карла Великаго (конечно, миѳическаго, а не настоящаго, ибо исторіографія среднихъ вѣковъ находилась тогда въ весьма плачевномъ состояніи). Эта неясность была такъ велика, что, какъ мы уже видѣли, теоретикъ народовластія Жанъ Жакъ Руссо хвалилъ типичнаго апологета просвѣщеннаго абсолютизма — д'Аржансона, — а вѣдь несомнѣнно, что никто изъ философовъ XVIII вѣка въ такой мѣрѣ, какъ Руссо, не ставилъ своею задачею нанести рѣшительный ударъ всѣмъ политическимъ принципамъ, противорѣчащимъ принципу народнаго суверенитета. Но если мы признаемъ, что критика общественныхъ отношеній, представленная философами XVIII вѣка, въ конечномъ счетѣ, безспорно стремилась расшатать всѣ устои, на которыхъ еще держался абсолютизмъ, и поэтому логически, eo ipso, требовала его упраздненія, если мы даже закроемъ глаза на всѣ неясности и недоговоренности, которыя въ этомъ от-

---

*) Сорель, Европа и франц. революція, т. I, стр. 164—165 (Спб. 1892). Въ подлинникѣ мысль выражена еще сильнѣе—les voeux étaient infiniment plus modestes и т. д. (Sorel, vol. I, p. 208).

ношенія были такъ характерны для воззрѣній тогдашней политической литературы, если забудемъ такіе многозначительные факты, какъ, напр., то, что еще въ 1789 году полемическая публицистика *реакціоннаго* лагеря ссылалась на Монтескье въ защиту существующаго образа правленія противъ революціонныхъ нападеній *),—если мы, словомъ, согласимся даже признать, что, въ общемъ, просвѣтительная философія будто-бы явственно стремилась уничтожить абсолютизмъ и отчетливо выражала эти свои стремленія,—то и тогда вышеуказанный фактъ отсутствія въ до-революціонномъ *обществѣ* сколько-нибудь распространенной и замѣтной тенденціи именно къ уничтоженію абсолютизма еще болѣе оттѣняется наличностью громкаго, рѣзкаго, рѣшительнаго и проникнутаго страстью протеста противъ другихъ сторонъ стараго порядка, въ родѣ пережитковъ феодализма, сословныхъ привилегій, религіозной нетерпимости и т. д.

Правда, нѣкоторые дѣятели просвѣтительной философіи (въ родѣ Вольтера, предсказавшаго, что произойдетъ «un beau tapage») пророчествовали въ самыхъ общихъ словахъ гибель *всему* строю и гибель насильственную, но каково могло быть практическое значеніе этихъ пророчествъ? Въ своей интересной (какъ и почти все, что имъ написано) книгѣ «La société future» Жанъ Гравъ очень хорошо выяснилъ, какова подобнымъ пророчествамъ реальная цѣна **): «философъ, который приходитъ къ заключенію о необходимости революціи для преобразованія общества, можетъ работать сколько угодно надъ разъясненіемъ этой идеи тѣмъ, къ кому онъ обращается,—но не его предсказаніямъ приблизить революцію хотя бы на одну

---

*) Объ этомъ, между прочимъ, см. и у Koch'a, Beiträge zur Geschichte der politischen Ideen und der Regierungspraxis, B. II, s. 203 (Berlin. 1896).

**) Grave, La société future (Paris. 1895), стр. 6—7.

іоту. И,—предполагая совершенный абсурдъ,—если-бы ему удалось убѣдить всю массу въ необходимости революціи,—эта революція произойдетъ, только когда обстоятельства сдѣлаютъ ее неизбѣжною... И сколько есть людей, теперь полагающихъ, что они никогда не должны принять участіе въ революціи,—которые, когда день наступитъ,—явятся, быть можетъ, самыми горячими ея защитниками!» И пророчества просвѣтительной философіи ни на іоту не приблизили революцію. Она наступила, когда силы враждебныхъ старому режиму слоевъ населенія созрѣли настолько, что могли предпринять рѣшительную борьбу противъ стараго строя, и когда вполнѣ выяснилось безсиліе и нежеланіе правительства ликвидировать старый строй мирнымъ путемъ.

Первое обстоятельство обусловило рѣшительную постановку вопроса о реформахъ; второе обстоятельство придало революціонную окраску всему историческому моменту.

Генеральные штаты требовались общественнымъ мнѣніемъ, и правительство, послѣ колебаній, рѣшилось на эту мѣру, потому что, прежде всего, ожидало отъ нея поправленія финансовъ. Что эта мѣра можетъ посодѣйствовать гибели стараго строя и, прежде всего, *оформить* гибель абсолютизма, что генеральные штаты возьмутъ въ свои руки всю полноту фактической власти,—объ этомъ еще въ эпоху 1786, 1787, 1788 гг. не было и рѣчи. Ни абсолютизмъ этого не боялся, ни общественное мнѣніе такъ вопроса не ставило; колебанія же двора были больше отъ рутины и отъ смутнаго безпокойства, всегда внушавшагося мыслью объ этомъ старинномъ представительствѣ. Вѣдь, какъ уже было сказано, еще въ началѣ XVIII вѣка, когда общество ни о какихъ генеральныхъ штатахъ не помышляло,—само правительство регента Филиппа Орлеанскаго, по собственной инціативѣ, подумывало о созывѣ штатовъ (и тоже подъ непосредственнымъ вліяніемъ фи-

4*

нансовой нужды),—но и тогда столпы системы забили тревогу. Дюбуа прямо высказалъ, что не даромъ короли всегда старались подальше держать эти штаты, именно потому, что король безъ подданныхъ—ничто,—и подданные могутъ ясно это увидѣть, когда ихъ представители соберутся вмѣстѣ. «Это было бы истиннымъ отчаяніемъ для Вашего Высочества, если-бы вводить сюда англійскіе порядки»,—заявлялъ съ жаромъ старый развратникъ. Его послушали,—и мысль была оставлена. И это безпокойство проявлялось тогда, когда только что схоронили человѣка, говорившаго «L'état c'est moi» и благосклонно взиравшаго на то, какъ подъ мордою лошади его конной статуи (при жизни ему поставленной) возжигались благоговѣйныя лампады. Это говорилось, когда еще абсолютизмъ былъ за семьдесятъ пять лѣтъ отъ своей гибели: когда оппозиціоннаго общественнаго мнѣнія почти не существовало. Ибо Дюбуа, съ негодованіемъ ссылавшійся на англійскіе порядки, смотрѣлъ въ сущности на общественное мнѣніе такъ, какъ, напр., русскій канцлеръ Нессельроде въ аналогичную эпоху существованія русскаго абсолютизма (кстати, Нессельроде тоже не одобрялъ англійскихъ порядковъ): «если во Франціи и въ Англіи,—говорилъ министръ Николая I посланнику второй республики Ламорисьеру,—вы принуждены считаться съ общественнымъ мнѣніемъ,—то здѣсь, у насъ, есть императоръ, непоколебимую твердость котораго вы знаете» *). Удивительнымъ, значитъ, могло-бы скорѣе показаться не то, что абсолютизмъ предъ своимъ концомъ нѣкоторое время колебался насчетъ генеральныхъ штатовъ, а то, что онъ такъ мало предчувствовалъ опасность. Вѣдь конецъ

*) Вотъ подлинныя слова: «Car si en France et en Angleterre vous êtes obligés de compter avec l'opinion publique, ici nous avons l'empereur, dont vous connaissez l'inebranlable fermeté». См. Bapst, L'empereur Nicolas et la deuxième Republique (Paris. 1898), стр. 107.

XVIII вѣка уже видѣлъ общественное мнѣніе, которое всегда такъ презираютъ всякіе Дюбуа и Нессельроде въ болѣе счастливыя времена абсолютизма; оно еще не проявило всей своей силы, но съ нимъ уже считались.

И если, все-таки, абсолютизмъ былъ далекъ отъ истины, то виноваты не только его безпечность и непредусмотрительность. Мы сказали, что вопросъ о реформѣ рѣшительно былъ поставленъ на историческую очередь, когда созрѣли силы тѣхъ слоевъ, которымъ необходимо было эту реформу осуществить. Стихійный характеръ надвигавшихся событій яснѣе всего сказывается въ томъ, что не только правительство, но и эти враждебные старому порядку слои *тоже* были далеки отъ пониманія истиннаго взаимоотношенія силъ. Эти слои были сильны, и въ полной мѣрѣ не знали этого, подобно тому, какъ правительство было слабо—и тоже въ полной мѣрѣ не знало этого. Мы только что сказали, что лишь *нѣкоторые* дѣятели просвѣтительной философіи въ общихъ словахъ предсказывали въ теченіе XVIII-го вѣка—революцію: подтвердимъ же это выраженіе, приведемъ часто цитируемыя слова, показывающія, что иные философы діаметрально противоположнымъ образомъ оцѣнивали будущее. За пять лѣтъ до взрыва революціи, одинъ изъ философовъ, наиболѣе радикально настроенныхъ, заявилъ: «Ахъ, кончено! Мы слишкомъ низко пали, нравы слишкомъ ослабѣли. Никогда, о, никогда уже не придетъ революція!» Сказалъ это Мабли въ 1784 году. Никогда за все царствованіе Людовика XVI придворно-аристократическая клика не чувствовала себя такою торжествующей, какъ именно въ эти годы, отъ отставки Неккера въ 1781 году до того предвѣстія революціи, какимъ было созваніе нотаблей. Первый изслѣдователь, который обстоятельно отмѣтилъ этотъ совсѣмъ просмотрѣнный наукою фактъ, былъ Шерэ, авторъ двухтомнаго изслѣдованія, посвященнаго исклю-

чительно исторіи двухъ лѣтъ, предшествовавшихъ революціи (1787—1789 гг.). Сопоставляя рядъ данныхъ, онъ пришелъ къ неопровержимому выводу, что среди оппозиціонныхъ слоевъ, среди буржуазіи и, вообще, во всемъ народѣ, за вычетомъ ликовавшей кучки царедворцевъ, аристократовъ и аристократическихъ прелатовъ, настроеніе было самое подавленное. Уныніе и апатія воцарились въ тѣхъ общественныхъ слояхъ, которые до 1780 годовъ, т.-е. до полнаго торжества реакціи, все надѣялись на королевскія реформы и милости. (А вѣдь *другой* надежды за все царствованіе Людовика XVI, съ самаго 1774 года, въ массѣ оппозиціонной буржуазіи и не проявлялось). Если-бы возгласъ Мабли, уже понявшаго, что отъ Людовика XVI ждать нечего и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отчаявшагося въ возможности революціи,—стоялъ одиноко,—можно было бы сказать: testis unus — testis nullus, одно свидѣтельское показаніе и для исторіи не всегда можетъ имѣть много вѣса. Но вотъ, помимо него, иллюстраціи положенія вещей *).

Вотъ картина Франціи наканунѣ созыва нотаблей и значитъ за два года до начала революціи: эта картина, по словамъ очевидца, «была вѣрнымъ изображеніемъ того, чѣмъ еще теперь являются всѣ деспотическія государства. Въ деревняхъ люди работаютъ, страдаютъ и молчатъ. Въ провинціи мало есть голосовъ, настолько сильныхъ, чтобы заставить себя выслушать; въ столицѣ— великіе міра сего интригуютъ, богачи тѣшатъ себя увеселеніями, академики—игрою ума». Общественная апатія замѣчалась и въ литературѣ: въ 1786 году, напр., по вопросамъ современности вышло всего шесть брошюръ (сохранившихся). Въ трехъ изъ нихъ—восхваляется путешествіе Людовика XVI изъ Парижа въ Шербургъ; въ

*) См. Aimé Cherest, La fin de l'ancien régime (Paris. 1884), vol. I, стр. 75 и слѣд. У него же о шести брошюрахъ.

четвертой Людовикъ XVI просто восхваляется не по поводу поѣздки въ Шербургъ,—а вообще, причемъ онъ называется «отцомъ народа»; въ пятой предлагается разсмотрѣніе проекта памятника благополучно здравствующему Людовику XVI; шестая (озаглавленная Quelle nation! Elle va toute seule) столь же безсодержательна. Вотъ и все, что сохранилось отъ 1786 года. Но, можетъ быть, были сочиненія, подвергшіяся преслѣдованію и поэтому не поступившія въ обращеніе или изъятыя? Обращаемся къ списку осужденныхъ сочиненій, приложенному къ книгѣ Рокэна *), и видимъ, что за весь 1786 годъ два печатныхъ произведенія было запрещено и одно — сожжено; значитъ, политическая мысль въ этомъ году шевелилась очень слабо.

Это можно сказать и обо всемъ періодѣ отъ 1781 года до созыва нотаблей; кромѣ единичныхъ (2—3) исключеній—та-же мертвая глушь въ области политической литературы. Настроеніе буржуазіи повсюду рисуется подавленнымъ. Одинъ современникъ говоритъ, что «безъ призыва, изошедшаго отъ престола, третье сословіе продолжало бы склонять голову и молчать». Таково было впечатлѣніе, производимое на современниковъ этимъ сословіемъ, которое заявило на весь міръ — два — три года спустя — что оно желаетъ быть *всѣмъ*. Это впечатлѣніе подтверждается и другимъ современникомъ (Болье): «если исключить эту манію къ полученію дворянства... то среднее сословіе мало чего желало. Оно хотѣло нѣкотораго облегченія налоговъ или только болѣе упорядоченнаго ихъ распредѣленія и нѣкотораго улучшенія въ отправленіи правосудія; его желанія далѣе не распростирались». Объ уничтоже-

*) Esprit révolutionnaire avant la Revolution. Есть на русскомъ яз. «Движеніе обществ. мысли во Франціи въ XVIII в.» (Спб. 1902).

ніи или *даже измѣненіи* монархіи никто не думалъ, говоритъ этотъ свидѣтель. Въ провинціи всюду являются взору за этотъ періодъ слѣды всеобщей летаргіи, какъ-бы охватившей страну. Реакція была такъ увѣрена въ себѣ, что привилегированныя сословія ничего не боялись,—и именно этимъ Шерэ объясняетъ рядъ ошибокъ, безпечно совершенныхъ правящими кругами: если бы всякая тѣнь опасности не отсутствовала, то знать не афишировала бы своего сочувствія возставшей Америкѣ; «Женитьба Фигаро» не была бы поставлена и не получила бы такого ласковаго пріема со стороны аристократовъ; домашнія дрязги по поводу дѣла объ ожерельѣ не были бы нарочно вынесены на улицу, если бы можно было бояться, что улица хоть сколько-нибудь безпокойно настроена; и, несмотря ни на какія финансовыя затрудненія, Калонъ, можетъ быть, и не рѣшился бы созвать нотаблей. «Большая часть ошибокъ, совершенныхъ привилегированными и правительствомъ 1781 года, объясняются *только* полною увѣренностью,—а эта увѣренность въ свою очередь объясняется пассивнымъ поведеніемъ средняго сословія... Что вѣрно, это то, что въ концѣ 1786 года никто не вѣрилъ въ возможность близкой революціи и что даже послѣ событія современники остались при убѣжденіи, что ее легко было тогда избѣжать» *).

Самая реакція, наступившая послѣ паденія Неккера въ 1781 году и явственнаго отказа правительства произвести хоть какія-нибудь реформы, сопровождалась поспѣшнымъ, какъ бы злораднымъ возстановленіемъ тѣхъ злоупотребленій, которыя успѣли было уничтожить Тюрго, а затѣмъ, отчасти, Неккеръ; мало того, вводились новыя оскорбительнѣйшія для буржуазіи ограниченія по военной службѣ, реставрировались самыя безобразныя и ненавистныя фи-

*) Cherest, vol, I, 80.

скальныя мѣры временъ Людовика XV, словомъ, король, дѣйствительно, по выраженію Рокэна, «какъ бы насмѣхался надъ обществомъ». Таковы факты. Выводъ вытекаетъ отсюда до такой степени самъ собою, что послѣ всего вышесказаннаго онъ можетъ показаться тавтологіей: наканунѣ революціи обоимъ противникамъ одинаково мало извѣстно было взаимоотношеніе ихъ силъ, и ни та, ни другая сторона къ мысли о близкомъ конфликтѣ вовсе не готовились и конфликта этого не желали. Повторяемъ: будущіе революціонеры-побѣдители не знали, что они будутъ революціонерами и побѣдителями,—а дворъ и правительство не знали о себѣ, что имъ предстоитъ борьба и пораженіе. Стихія, несшая однимъ торжество, а другимъ гибель, надвинулась на тѣхъ и на другихъ одинаково неожиданно.

Теперь возвращаемся къ высказанной мысли. Абсолютизму во Франціи было трудно предупредить революцію не только потому, что ему необходимо было для этого отказаться отъ себя самого, но и потому, что, какъ мы только что видѣли, даже и противники его (какъ классъ) ясно этой задачи ему не ставили, съ этимъ требованіемъ къ нему не подходили, а, кромѣ того, именно наканунѣ схватки совсѣмъ почти умолкли, совсѣмъ какъ бы впали въ уныніе, все разрѣшили абсолютизму. Все было готово, все созрѣло для ихъ торжества, нуженъ былъ внѣшній толчокъ только, чтобы ихъ сила и слабость абсолютизма мигомъ обнаружились, и какъ разъ передъ этимъ толчкомъ они какъ бы покорно примирились со своею участью.

Они и сами обманывались на счетъ истинныхъ размѣровъ своихъ силъ,—*и абсолютизмъ обманывали.* Ясно, что если политическое самоубійство безъ всякихъ принужденій представляетъ собою трудность, граничащую съ невозможностью,—то такое политическое самоубійство,

къ которому не только никто *не принуждаетъ*, но даже *вопроса* о которомъ никто не ставитъ, явилось бы для любой формы правленія nonsens'омъ. Такимъ nonsens'омъ былъ бы и въ глазахъ французскаго соціально-политическаго стараго порядка добровольный отказъ отъ самого себя *наканунѣ* революціи. А такъ какъ въ виду всего комплекса соціально-экономическихъ отношеній этой эпохи старый порядокъ дальше существовать не могъ,—то роль добровольнаго «самоубійства» фатально должно было сыграть насиліе. Логика событій вела къ вполнѣ обусловленному результату: перемѣнѣ всего соціально-политическаго строя; новое *хозяйство* должно было сотворить и сотворило на самомъ дѣлѣ новое *право*. Если человѣческая логика абсолютизма медлила понять эту болѣе сложную и скрытую логику исторіи, если моментъ добровольнаго отказа отъ себя самого былъ абсолютизмомъ пропущенъ (*и не могъ не быть пропущенъ*),—тѣмъ хуже должно было оказаться для людей, поддерживавшихъ осужденную на гибель систему и вокругъ нея питавшихся. Результатъ былъ предрѣшенъ всею историческою эволюціею французскаго народа, революціонному поколѣнію оставалось выполнить продиктованную задачу.

Абсолютизмъ рукъ на себя не наложилъ, и сотни тысячъ рукъ поднялись на него: только слащавый либеральный морализмъ могъ видѣть матеріалъ для нравоученій—въ первомъ обстоятельствѣ, и только партійная откровенно-реакціонная идеологія пыталась отрицать неизбѣжность второго.

V.

По замѣчанію одного современнаго ученаго, воззрѣніе Лайеля на катаклизмы, какъ на простые случаи частичнаго и мѣстнаго характера,—примѣнимо не только

къ геологіи, но и къ исторіи человѣчества *). Съ методологической точки зрѣнія, при изученіи катаклизмовъ соціальныхъ, это надо понимать такъ, что *причины* частичнаго и мѣстнаго характера обусловливали наступленіе въ данной странѣ въ данный моментъ—революціоннаго кризиса,—почему эти причины именно и нужно изучать, если хотятъ понять ихъ детерминирующую въ этомъ смыслѣ силу. Тезисъ, согласно которому абсолютизмъ *не можетъ* сойти со сцены иначе, какъ революціоннымъ путемъ,—никогда не удалось бы сдѣлать соціологическимъ закономъ, даже если бы умышленно забыть Данію, Японію, Черногорію и т. п. Этотъ тезисъ былъ бы ложенъ въ корнѣ, въ самой основѣ своей, ибо стремился бы возвести въ законъ то, что всегда зависило и зависитъ отъ причинъ «частичныхъ и мѣстныхъ», отъ причинъ, вся *второстепенность*, вся *соціологическая* незначительность которыхъ вполнѣ отчетливо вырисуется, если сравнить ихъ съ причинами, обусловившими конечный *результатъ* кризиса. Какія причины вызвали измѣненія въ соціально-политическомъ строѣ,—этотъ вопросъ всегда премируетъ въ обществовѣдѣніи надъ вопросомъ: какія причины привели къ тому, что эти измѣненія были достигнуты вотъ такимъ, а не другимъ путемъ. Рѣчь теперь у насъ идетъ, какъ сказано, о томъ, за какими именно изъ обстоятельствъ (частичныхъ и второстепенныхъ по самому характеру своему, по самой своей соціологической *роли*) возможно, на основаніи историческаго опыта, признать значеніе причины, обусловившей революціонный характеръ кризиса тамъ, гдѣ подорванный историческою эволюціею абсолютизмъ былъ уничтоженъ путемъ насильственнымъ, а

---

*) *Giacomo Pagano*, Le forme di governo e la loro exoluzione popolare (Palermo, 1900), томъ I, стр. 231: «i cataclismi sono semplici accidenti parziali e locali...»

не мирнымъ. Рѣшеніе этого вопроса разъяснитъ намъ и проблему, поставленную въ началѣ настоящей главы: почему революціонная обстановка гибели является для абсолютизма типичною, столь часто (хоть и не всегда) кончающей его историческій путь?

Мы уже отмѣтили, что личность верховнаго представителя системы въ этомъ смыслѣ рѣшающей роли не играла, что явствуетъ уже изъ разнородности психологическихъ типовъ монарховъ революціонныхъ эпохъ,—не говоря ужъ о методологической наивности и безплодности всякихъ попытокъ воскрешенія (такою постановкою вопроса) культа героевъ *); мы видѣли также, что роль *рѣшающей* причины во внезапномъ *наступленіи* революціи не играла даже и та язва, разъѣдавшая въ большей или меньшей степени абсолютистскій организмъ, которая называется перманентнымъ дефицитомъ: ибо факты не позволили бы обобщить такое утвержденіе; наконецъ, было сказано, что такою причиною можетъ быть признана вполнѣ естественная и весьма могущественная черта, встрѣчающаяся всюду: необычайная трудность,—въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ доходившая до невоз-

---

*) Такія попытки иногда встрѣчаются и у выдающихся изслѣдователей; несвободенъ отъ нихъ, напр., Трейчке. Приступая къ разсказу о крушеніи до-революціоннаго строя въ Германіи, онъ констатируетъ, что самодержавіе (die alte fürstliche Selbstherrschaft) давно уже было готово къ гибели,—и «переходъ къ новому необходимому порядку вещей все еще могъ наступить мирнымъ путемъ». Но «судьба» такъ устроила, что монархи оказались чужды желаніямъ народа и пр. При этомъ предлагается такая общая философема: «Die grossen Wandlungen der Geschichte kann der Denker wohl aus ihren Vorbedingungen und Nachwirkungen als nothwendig begreifen. Doch niemals vermag er zu erweisen, warum der Umschwung so und nicht anders erfolgen. *Warum im entscheidenden Augenblicke diese und nicht andere Männer an entscheidender Stelle stehen mussten*». Дальше идетъ рѣчь о «божественномъ разумѣ», управляющемъ законами, коимъ подчинены дѣйствія историческихъ лицъ... (См. Deutsche Geschichte, изданіе 1894 г. (Leipzig), т. V, стр. 649).

можности,—для абсолютизма рѣшиться на отказъ отъ собственнаго существованія, не сдѣлавши предварительно попытокъ помѣряться силою съ врагами. Такого рода отказъ отъ себя былъ всегда труденъ для всякой формы правленія,—но въ концѣ настоящей главы мы остановимся на томъ, почему именно для абсолютизма задача эта не могла не явиться особенно непосильной, особенно неразрѣшимой; почему для мирнаго рѣшенія этой задачи абсолютизмъ по своей соціологической природѣ оказывался *особенно* неприспособленнымъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ.

Теперь же необходимо показать, что самый вопросъ въ безпримѣсномъ видѣ ставится именно такъ. На примѣрѣ французскаго абсолютизма, мы видѣли, что трудность задачи мирнаго самоуничтоженія осложнялась въ данномъ случаѣ для этой формы правленія еще тѣмъ, что классъ, которому суждено было ее уничтожить, самъ еще въ массѣ своей наканунѣ революціи далеко не отчетливо представлялъ себѣ именно *эту* часть своего будущаго дѣла (т.-е. разрушенія стараго порядка); мы видѣли, что еще предъ созваніемъ нотаблей, т.-е. за два съ небольшимъ года до революціи, оппозиціонное теченіе казалось особенно подавленнымъ и особенно покорнымъ своей участи,—а реакція особенно торжествующей; мы напомнили, что въ общественномъ мнѣніи бродили наканунѣ революціи смутные (и идеализированные иногда до сентиментальности) образы «благожелательныхъ» властителей—Карла Великаго, Генриха IV, Ришелье.

Но какъ обстояло дѣло, когда *этого* осложненія не было, т.-е. когда абсолютизмъ прекрасно зналъ, что именно его хотятъ уничтожить и что именно его упорство въ самообороиѣ причина разгорающейся революціи? Исторія говоритъ, что и при наияснѣйшей постановкѣ этого вопроса абсолютизмъ оказывался неспособенъ на выпол-

неніе мирнымъ путемъ поставленной предъ нимъ задачи. Напротивъ, бросая уступки наступающему возстанію, онъ всѣми силами заботился лишь объ одномъ: чтобы механизмъ угнетенія не былъ сломленъ, не былъ обезсиленъ, и чтобы послѣ временнаго бездѣйствія его возможно было пустить въ дѣло полнымъ ходомъ. «Весь аппаратъ контръ-революціи въ нѣмецкомъ, венгерскомъ и специфически-австрійскомъ вопросѣ лежалъ поблизости и наготовѣ», такъ выражается Вальтеръ Рогге, объясняя быстроту реакціи въ 1848—9 гг. *). Эта забота о сохранности «аппарата контръ-революціи» характерна и для послѣдняго (по времени) абсолютизма, агонію котораго уже успѣла отчасти занести на свои скрижали всемірная исторія. И эта забота, дающая о себѣ знать въ то же самое время, какъ дѣлаются уступки, показываетъ нагляднѣе всего, что сравнительно ясно понимающій свое положеніе абсолютизмъ оказывается столь же неспособнымъ примириться со своею участью, какъ и такой абсолютизмъ, который вплоть до начала революціи еще можетъ искренно льстить себя мыслью о возможности примирить собственное существованіе съ требуемыми реформами. Для абсолютизма *типично* не то непониманіе своей несовмѣстимости съ требованіями жизни, которое было на-лицо при дворѣ Людовика XVI до 1789 года, а то желаніе лучше все поставить на карту, нежели подчиниться своей судьбѣ,—которое сказывалось въ дѣйствіяхъ того же двора послѣ 1789 года, которое проявлялось въ еще болѣе трагическомъ видѣ позже, въ аналогичныя эпохи при разныхъ другихъ дворахъ.

VI.

Повторяемъ, нѣтъ организаціи, которой труднѣе было бы мирнымъ путемъ сойти съ исторической сцены, нежели

*) W. Rogge, Oesterreich von Vilagos bis zur Gegenwart, B, 1, s. 3 (Leipz. 1872).

абсолютной монархіи. Прежде всего потому, что никакой другой формѣ правленія *исторія* не ставитъ этого требованія въ столь категорическомъ видѣ (даже тамъ, гдѣ эта категоричность вплоть до начала революціи совершенно отсутствуетъ *въ рѣчахъ, мысляхъ и чувствахъ* оппозиціонныхъ классовъ). Чтобы дать выходъ и удовлетвореніе новымъ нуждамъ и стремленіямъ, чтобы прекратить противорѣчіе между старымъ правомъ и новымъ хозяйствомъ,— абсолютизмъ въ опредѣленный моментъ своего существованія долженъ не измѣниться, а уничтожиться, примириться не съ модификаціями, а съ самоубійствомъ. Штаммлеръ назвалъ соціальную исторію исторіею цѣлей: абсолютизму и предъявляется въ такой моментъ (и предъявляется иногда внезапно) требованіе, чтобы захваченному кризисомъ поколѣнію, идущему къ этимъ цѣлямъ, онъ далъ перешагнуть чрезъ свой трупъ. Землевладѣльческая аристократія, съ 1817 по 1832 годъ упорно отказывавшая Англіи въ парламентской реформѣ, чуть не довела страну до открытой революціи, а между тѣмъ ей, этой аристократіи, нужно было примириться вовсе не съ полнымъ своимъ уничтоженіемъ, а лишь съ дѣлежомъ своей власти.

Для абсолютизма же предъявленіе требованія, чтобы онъ подѣлился властью, чтобы онъ превратился въ ограниченную монархію, равносильно предъявленію смертнаго приговора, ибо абсолютизмъ *ограниченный* есть логическій и фактическій абсурдъ, какъ бы хитроумно возможность его ни доказывалась иными краснорѣчивыми и преданными перьями. И если неуступчивымъ, чуть не вызвавшимъ насильственнаго кризиса историческимъ отвѣтчикомъ оказалась, напр., даже англійская аристократія, которой былъ предъявленъ менѣе суровый, менѣе фатальный счетъ, то что же удивительнаго, если еще болѣе неуступчивымъ оказывался въ исторіи сплошь и рядомъ абсолютизмъ, когда историческіе истцы ставили ему тре-

бованіе покончить съ собою добровольно и немедленно? «Я никогда не могла повѣрить въ конституціонное призваніе короля, который рожденъ при деспотизмѣ, воспитанъ для деспотизма и привыкъ имъ пользоваться» *), читаемъ мы у г-жи Роланъ, близко наблюдавшей карьеру Людовика XVI. Еще труднѣе допустить «конституціонное призваніе» у многовѣковаго политическаго организма, въ которомъ все отъ начала до конца, отъ сердца до всѣхъ точекъ периферіи складывалось для удовлетворенія другихъ потребностей и достиженія другихъ цѣлей. Если для г-жи Роланъ затруднительно было согласиться съ ея мужемъ и съ Клавьеромъ насчетъ возможности перерожденія *абсолютнаго монарха*, то еще затруднительнѣе было бы вѣрить въ самоотреченіе (безъ попытокъ борьбы) со стороны самого *абсолютизма*. Ибо монархъ увидѣлъ смерть только въ 1793 году,—а *абсолютизмъ* увидѣлъ смерть прямо предъ собою еще весною 1789 года, когда люди, *его* поражавшіе и *его* хоронившіе, еще кричали: «vive le roi»; монарху была дана отсрочка,—абсолютизму нѣтъ; отъ монарха требовалось, чтобы онъ примирился съ ограниченіемъ власти, отъ абсолютизма—eo ipso, чтобы онъ немедленно уничтожился. На дѣлѣ, конечно, монархъ отождествилъ себя съ абсолютизмомъ и раздѣлилъ его участь, но существенно не это: существенно то, что безъ попытокъ борьбы абсолютизмъ продать свою жизнь не захотѣлъ.

Не хотѣлъ онъ сдѣлать это и во всѣхъ революціяхъ XIX—XX столѣтій,—и боролся тѣмъ яростнѣе, чѣмъ больше къ тому имѣлъ возможности. Онъ боролся остатками физической силы, обрывками старыхъ народныхъ суевѣрій, производилъ диверсіи, устраивалъ засады, при-

*) Mémoires de m-me Roland (Paris. 1840). Tome I, p. 286 (notices historiques sur la révolution).

творялся и гриммировался, предавалъ своихъ слугъ, лобызался съ врагами, онъ дѣлалъ все, чтобы отсрочить гибель. И тотъ, кто будетъ удивляться тому, что абсолютизмъ все это дѣлалъ,—обнаружитъ удивленіе во всякомъ случаѣ не «философское», которое такъ цѣнитъ Шопенгауэръ; ибо несравненно удивительнѣе былъ бы *отказъ* отъ этой послѣдней борьбы. Кромѣ трудности задачи, кромѣ категоричности и рокового характера требованія, съ которымъ исторія обращается къ абсолютизму въ рѣшительный моментъ,—есть еще одно обстоятельство, подготовлявшее почти всегда невозможность мирнаго разрѣшенія кризиса. Это обстоятельство коренится въ тѣхъ же основныхъ, генетическихъ чертахъ неограниченной монархіи: именно вслѣдствіе сознанія или предчувствія того, что всякая коренная реформа политическаго строя для него равнозначуща съ самоупраздненіемъ,—абсолютизмъ еще задолго *до* кризиса такъ упорно гонитъ отъ себя мысль о реформѣ и помощь реформаторовъ. Онъ до послѣдней минуты не начинаетъ уступать, до послѣдней минуты либо не обращаетъ вниманія на предостерегающіе голоса, либо—гораздо чаще—ихъ преслѣдуетъ всѣми имѣющимися средствами. Онъ отстраняетъ отъ себя Вобановъ, Тюрго, даже Неккеровъ,—потому что въ нихъ чуетъ предвѣстниковъ гибели. Онъ сжигаетъ за собою мосты, не ищетъ спасительныхъ тропинокъ, потому что для него всякій шагъ впередъ даже по обходной тропинкѣ—есть шагъ къ гибели. Заблаговременно, исподоволь приготовиться къ своей участи ему трудно, потому что,—снова и снова,—участь эта—есть исчезновеніе со сцены. На компромиссахъ онъ всегда теряетъ и ничего не выигрываетъ, ибо, по существу дѣла, компромиссы его *) ослабляютъ, отнюдь не отдаляя гибели;—и весь (иногда долгій) періодъ предъ обостреніемъ кризиса проходитъ въ топтаніи на

*) Не *монархію*, а именно *его*, *абсолютизмъ*.

мѣстѣ и въ тщетныхъ попыткахъ обманомъ или насиліемъ, или обманомъ и насиліемъ вмѣстѣ, задержать наступленіе рѣшительнаго момента. А свобода въ дѣйствіяхъ, которою онъ пользуется при самозащитѣ, превосходитъ свободу въ дѣйствіяхъ, свойственную всякому иному режиму. Только одна венеціанская республика въ концѣ среднихъ вѣковъ и началѣ новаго времени (изъ другихъ режимовъ) можетъ въ этомъ отношеніи сравниться съ абсолютизмомъ. И эта доступность и легкость самыхъ устрашающихъ насилій, это естественное во всякомъ абсолютистскомъ государствѣ сближеніе борьбы внутренней съ войною внѣшней, это приравненіе враговъ режима къ врагамъ отечества,—все это свойственно абсолютизму болѣе, чѣмъ всякой иной формѣ правленія. И все это воспитывало и укрѣпляло почти всегда рѣшимость въ руководителяхъ абсолютизма понимать политическую борьбу со своими противниками въ чисто военномъ смыслѣ, переводить эту борьбу, пока не поздно, на языкъ пушекъ и ружей. Ни одинъ режимъ, по существу дѣла, не являлся (въ эпоху кризиса) никогда въ такой степени похожимъ на обособленный станъ завоевателей среди покореннаго народа, какъ именно абсолютизмъ: и—появленіе, напр., довольно широко распространившагося въ былыя времена истолкованія французской революціи, какъ возстанія побѣжденныхъ галловъ противъ покорителей-франковъ—*психологически* вполнѣ понятно *). И если у погибающаго

*) Любопытно, что одною изъ первыхъ ухватилась за подобное объясненіе — самодержица всероссійская Екатерина II. Вотъ что она писала въ 1793 году: «Savez-vous ce que c'est que vous voyez en France? Ce sont les Gaulois qui ont essayé de chasser les Francs: mais vous verrez revenir les Francs et les bêtes féroces avides du sang humain seront ou exterminés ou obligés de se cacher où elles pourront». Эта фантазія и не могла не понравиться наиболѣе умному изъ всѣхъ лицъ, представлявшихъ въ тогдашней Европѣ абсолютизмъ,—ибо подобная «теорія» сводила все значеніе революціи—къ расовой войнѣ, къ продолженію племенной борьбы, начатой еще въ

абсолютизма теплилась еще вѣра во что-нибудь, то это обыкновенно была вѣра въ насиліе, въ остатки былого могущества, въ борьбу,—гдѣ это еще было возможно,— не на жизнь, а на смерть со своими врагами. Больше всякой иной формы правленія онъ и привыкъ къ безпримѣсному насилію, и держался въ эти предсмертныя эпохи преимущественно насиліемъ,—и такъ какъ ему ставилась задача исчезнуть, то насиліе оставалось не только самымъ привычнымъ, но и единственнымъ средствомъ попытать счастья или хоть отстрочить гибель,—если рѣшимости на мирное самоустраненіе не хватало. Это естественное предрасположеніе абсолютизма къ насилію, съ своей стороны, способно было, конечно, лишь ускорить открытую пробу силъ.

Таковы общія причины, дѣлающія для абсолютизма типичною именно революціонную обстановку гибели. Теперь намъ необходимо обратиться къ разсмотрѣнію другого вопроса: какія обстоятельства въ революціонныя эпохи дѣлали абсолютизмъ какъ бы центральною мишенью борьбы? Мы говорили о томъ, какими свойствами обладалъ абсолютизмъ въ качествѣ историческаго отвѣтчика; посмотримъ же теперь, какъ созрѣвало рѣшеніе именно *ему* предъявить фатальный для него искъ.

Но такъ какъ паденіе абсолютизма есть лишь частный случай соціальной эволюціи, то прежде всего необходимо остановиться на общихъ причинахъ, по которымъ классовая борьба всегда тяготѣетъ къ тому, чтобы принять видъ борьбы за политическое преобладаніе, и почему это тяготѣніе усиливается въ подавляющей степени, параллельно съ ростомъ интенсивности переживаемаго кризиса.

эпоху переселенія народовъ. А если такъ,—то грозный всеобщій характеръ революціи, конечно, скрадывался, сводился для другихъ странъ къ нулю.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Абсолютизмъ и классовая борьба.

I.

Политическія революціи, въ самомъ главномъ и существенномъ, обусловливаются тѣмъ, что извѣстная форма управленія не только перестаетъ отвѣчать матеріальнымъ и моральнымъ потребностямъ общества, но что дальнѣйшее ея существованіе становится прямою угрозою для нормальнаго удовлетворенія нуждъ и интересовъ соціально-сильныхъ слоевъ народа. Соціально-сильный союзъ буржуазіи, крестьянства и городского пролетаріата произвелъ революцію 1789 года во Франціи; соціально-сильный, хотя и мимолетный, союзъ буржуазіи, рабочихъ и крестьянъ произвелъ германскія революціи 1848 года. Политическія революціи обусловливаются соціально-экономическими трансформаціями народной жизни: это ихъ основная причина, ихъ корень; *характеръ* можетъ зависѣть уже отъ иныхъ причинъ. Но ихъ неизбѣжные, обусловленные соціально-экономическою эволюціею общества *результаты*, т.-е. требуемыя этою эволюціею измѣненія политическаго строя, могутъ быть достигнуты съ сравнительно небольшимъ количествомъ насиль-

ственныхъ актовъ, тогда это революція «мирная», на подобіе англійской избирательной реформы 1832 года, или путемъ цѣлаго ряда насильственныхъ актовъ, а иногда и цѣлыхъ гражданскихъ войнъ. И вотъ, если будетъ поставленъ вопросъ объ условіяхъ, придающихъ данному кризису физіономію «мирной» реформы или насильственной революціи, то здѣсь мы тотчасъ же почувствуемъ необходимость сузить или, вѣрнѣе, разбить на части поле изслѣдованія; ибо если по своему правъ Генрихъ Риккертъ, видящій характерную черту исторической науки въ воспроизведеніи и познаніи *однократнаго* и *индивидуальнаго*, то правы также и тѣ, которые дальнѣйшій прогресъ обществовѣдѣнія усматриваютъ въ выдѣленіи изъ этого однократнаго и индивидуальнаго — повторяющихся и общихъ чертъ. Однократенъ и индивидуаленъ тотъ пестрый хаосъ событій, который застылъ въ памяти человѣчества подъ названіемъ французской революціи, «великаго англійскаго бунта» XVII вѣка, объединенія Италіи и т. д., и сколько бы мы ни выдѣляли изъ этихъ сложнѣйшихъ клубковъ общихъ нитей, все равно каждый изъ нихъ сохранитъ нѣчто только ему свойственное и нигдѣ болѣе не встрѣчавшееся. Но отказаться отъ аналитической работы отдѣленія общихъ чертъ отъ чертъ индивидуальныхъ значило бы отчаяться въ возможности установленія и въ далекомъ будущемъ обществовѣдѣнія на сколько-нибудь прочныхъ основаніяхъ.

Каждая революція имѣла видимою и сознанною цѣлью передачу политической власти изъ рукъ одного общественнаго класса въ руки другого или другихъ общественныхъ классовъ, и чуть не всѣ революціи показываютъ, что именно завоеванная этими революціями для облагодѣтельствованныхъ ими общественныхъ классовъ политическая власть является наиболѣе хрупкимъ изъ всѣхъ пріобрѣтеній. Англійскій средній классъ уже управлялъ Англіею въ эпоху

долгаго парламента, въ сороковыхъ годахъ XVII вѣка, онъ же, путемъ вторичной революціи, въ 1688 году опять отстоялъ конституціонную свободу, и спустя полтораста лѣтъ ему же, цѣною долгой и яростной борьбы, пришлось опять настаивать на своемъ правѣ участвовать въ управленіи государствомъ. Буржуазія, сознавшая себя во Франціи силою, провозгласившая, что она должна быть «всѣмъ», захватившая въ революціонную эпоху политическую власть въ свои руки, принуждена была, спустя сорокъ лѣтъ послѣ своего краткаго политическаго всемогущества, снова завоевывать себѣ его въ іюльскіе дни 1830 года. Шведская аристократія дважды за одинъ (XVIII вѣкъ) завоевывала и теряла политическую власть, не утрачивая, въ мало-мальски серьезной степени, ни единаго изъ своихъ соціальныхъ преимуществъ и феодальныхъ прерогативъ, хотя всегда видимою, непосредственною, главенствовавшею въ сознаніи цѣлью аристократическихъ революцій была именно политическая власть. Число этихъ примѣровъ весьма легко было бы умножить, и всѣ они показываютъ одно: обусловленныя повелительною матеріальною необходимостью, соціально-экономическія измѣненія остаются прочнымъ достояніемъ пережившаго революцію общества, а измѣненія политическаго строя лишь постольку бываютъ прочны, поскольку нужны для закрѣпленія и торжества этихъ соціально-экономическихъ измѣненій.

Вотъ почему потеря внезапно достигнутой политической власти обыкновенно тревожила лишь отдѣльныя единицы, а не весь утрачивавшій ее классъ, если только въ этомъ классѣ существовала увѣренность въ обезпеченности соціально-экономическихъ перемѣнъ. Послушаемъ апологета французской буржуазіи, любящаго хвалить ее за свободолюбіе и прочія качества. Пришелъ солдатъ и забралъ всю власть въ свои руки: «Нужно это констатировать,

—буржуазія, очень далекая, на другой день послѣ 18-го Брюмера, отъ безпокойства, была полна спокойствія и довѣрія. Она надѣялась тогда на все, даже на сохраненіе обезпечивающихъ правовыхъ нормъ со стороны необыкновеннаго человѣка, отъ котораго прежде всего она требовала освѣщенія революціи гражданскаго быта *). Еще отчетливѣе выражена эта мысль въ слѣдующихъ словахъ: «Буржуазія тогда задала себѣ вопросъ: что же она должна сохранить отъ революціи? Эти люди... уже не вѣрили въ республику и свободу. Они придавали меньше важности формѣ правленія, нежели составу общества. Лишь бы общество осталось на основѣ равенства, лишь бы вліяніе духовенства было подавлено, лишь бы старая дворянская аристократія была уничтожена, и *существенное* изъ революціи казалось имъ сохраненнымъ**). Эту послѣднюю фразу (l'essentiel de la Revolution leur parut conservé) приходится вспоминать, читая любую исторію любой послѣ-революціонной реакціи. Эта слишкомъ хорошо извѣстная черта революцій особенно интересна именно потому, что политическія завоеванія, захватъ власти, являющіеся такими хрупкими и кажущіеся такими «*несущественными*» на другой день *послѣ* революціи, представляютъ собою часто одинъ изъ самыхъ яркихъ и шумныхъ лозунговъ *до* и *во время* революціи. Что тутъ такое происходитъ? Отъ чего зависитъ это измѣненіе и какова его психологія? Въ центрѣ поставленнаго нами вопроса стоитъ сложное понятіе, играющее въ обществовѣдѣніи огромную роль,—понятіе правительственной власти.

Правительство являлось главною изъ тѣхъ видимыхъ цитаделей, въ которыя била революціонная волна въ началѣ движенія, и *правительство* отступало въ обще-

---

*) Bardoux, «La bourgeoisie française» 1789—1848 (Paris. 1886), стр. 102—103.

**) Bardoux, l. cit., стр. 109.

ственномъ сознаніи на задній планъ, переставало интересовать послѣ движенія; это второе правительство иногда усваивало себѣ очень многіе аллюры и черты перваго правительства и все-таки это не возбуждало прежней бури. Таковъ фактъ, къ разсмотрѣнію котораго мы обратимся, а разсмотрѣніе это не можетъ не привести насъ, прежде всего, къ проблемѣ о соціологической роли правительственной власти. Мы далеки, конечно, отъ намѣренія въ этой небольшой работѣ представить сколько-нибудь полный анализъ этой проблемы: мы отмѣтимъ лишь то, что непосредственно необходимо для нашей темы, и начнемъ съ правительствъ абсолютныхъ.

Никто не будетъ спорить противъ того положенія, что правительственная форма являлась въ исторіи порожденіемъ экономически-преобладающихъ силъ и что, въ свою очередь, она долженствовала закрѣпить и продолжить на неопредѣленное время (молившіяся за него лица выражались: «во вѣки вѣковъ») это соціальное господство представляемыхъ ею классовъ населенія. Такъ оно было всегда въ теоріи, но не всегда на практикѣ, потому что на практикѣ встрѣчались отклоненія. Мы не назвали бы эти отклоненія «уродливыми», потому что уродливъ горбъ, выросшій на спинѣ Аполлона Бельведерскаго, но совершенно естественъ онъ на спинѣ верблюда, родившагося съ зачатками этого горба. Абсолютныя правительства, какъ бы ни была прочна и соціологически вполнѣ ясно опредѣлима та почва интересовъ и нуждъ, которая ихъ вызвала къ жизни, въ силу самой природы своей, не могли не обнаружить вышеупомянутыхъ отклоненій. Суть и смыслъ этихъ отклоненій заключались въ томъ, что въ извѣстный моментъ своей долгой жизни (ибо въ исторіи они были почти всегда изъ числа долговѣчныхъ) абсолютныя правительства начинали утрачивать понемногу

(а съ теченіемъ времени все быстрѣе и быстрѣе) свой характеръ классового представительства, и все болѣе и болѣе превращались въ самостоятельную соціальную группу со своими особыми интересами, со своею индивидуальностью, со своею отдѣльною отъ *всѣхъ* классовъ общества духовною жизнью. Ихъ существованіе становилось какъ бы самоцѣлью, и такъ какъ эта эпоха, обыкновенно, хронологически совпадала съ началомъ политическаго пробужденія тѣхъ общественныхъ классовъ, которые издавна находились въ соціальной приниженности, то подобное деклассировавшееся правительство, въ моментъ рѣшительной схватки, лишено было возможности развить всѣ средства самозащиты, которыя были бы въ его распоряженіи, если бы оно не превратилось въ оторванное отъ взростившей его почвы растеніе. Но это уже касается обстановки гибели этихъ правительствъ, теперь же мы должны подробнѣе остановиться на характерныхъ чертахъ названнаго періода ихъ жизни. Оговоримся: мы не видимъ серьезнаго возраженія въ такомъ, напримѣръ, указаніи, что если всякая правительственная форма есть порожденіе и представительство тѣхъ или иныхъ общественныхъ классовъ, то какъ же мыслимъ періодъ, когда она перестаетъ этимъ представительствомъ быть? Во-первыхъ, *за это* она и гибнетъ, и подобный періодъ является именно предвѣстникомъ сторожащей ее гибели; во-вторыхъ, для немедленной гибели даже не многовѣкового, а эфемернаго правительства, необходима не только слабость защиты, но и наличность и сила нападенія, а это послѣднее обстоятельство зависѣло всегда отъ того, насколько ускоренно пойдетъ политическая мобилизація новыхъ общественныхъ слоевъ, выступающихъ на арену, т.-е. уже отъ цѣпи причинъ другого порядка. А отъ начала пробужденія этихъ слоевъ до рѣшительнаго выхода ихъ на арену борьбы можетъ пройти и сто лѣтъ, и

больше; подобные промежуточные періоды—тоже исторія, хотя и не «сразу» укладывающаяся въ какую бы то ни было «строгую» теорію. Вторая наша оговорка касается слѣдующаго. Исторія политической идеологіи учитъ, что именно тогда, когда абсолютное правительство отрывалось отъ своей классовой почвы и становилось самоцѣлью, оно и его проповѣдники и апостолы начинали особенно усердно поучать и провозглашать, что тѣмъ-то оно и хорошо, что оно заботится не объ отдѣльномъ сословіи, но обо всѣхъ; что для него всѣ классы одинаковы; что оно «внѣ» классовъ; что, подобно любвеобильному отцу семейства, и проч., и проч. Другими словами, совершенно очевидно, что деклассировавшееся и *поэтому* ослабѣвшее правительство убѣждено было, что оно не ослабѣло, а стало крѣпче, вслѣдствіе пережитаго имъ измѣненія. Это очевидно. Но обществовѣдѣніе должно, слѣдуя совѣту Гарднера, «учиться не довѣрять очевидному и смотрѣть подъ поверхностью, цѣнить фактъ болѣе, нежели мнѣніе, и тенденціи болѣе, нежели аргументы». Поэтому, хотя очевидно, что деклассировавшіяся правительства выставляли своею силою то, что было ихъ слабостью, хотя, по своимъ «мнѣніямъ» и «аргументамъ», они очень радовались, что стоятъ «внѣ классовъ», но ихъ *тенденціи* всегда направлялись въ сторону судорожно-поспѣшной реставраціи классовыхъ началъ, а *факты* ихъ предсмертной дѣятельности (тамъ, гдѣ еще это было возможно) сводились къ возможно скорѣйшему водворенію, напримѣръ, дворянской политики и дворянской «эры», и т. п. Разумѣется, эти конвульсивныя содроганія уже ни къ чему привести и ничего спасти не могли, но мы только указываемъ, что сами обреченныя правительства, говоря одно, хвалясь однимъ, *дѣлали* другое, инстинктомъ понимая, *что* именно было для нихъ важно въ невозвратномъ прошломъ.

Эти золотыя слова совѣта *) «цѣнить фактъ болѣе, чѣмъ мнѣніе, и тенденціи, болѣе, нежели аргументы», постолько необходимо помнить историку, поскольку инстинктъ (и, особенно, инстинктъ самосохраненія) играетъ роль въ исторической эволюціи націй, классовъ и общественныхъ институтовъ.

II.

«Praesis ut prosis!» восклицалъ св. Бернардъ, обращаясь къ папѣ Евгенію IV, и въ этой сжатой формулѣ онъ выразилъ всю *логику* происхожденія всякой власти. Власть поставлена выше всѣхъ, *чтобы* она «всѣмъ» была полезна, или, иначе, *потому что* она «всѣмъ» нужна. И до, и послѣ Гоббеса эта мысль подвергалась многочисленнымъ комментаріямъ и разнообразнымъ формулировкамъ. Абсолютная власть,—пока выдвинувшіе ее «всѣ» (т.-е. соціально-сильные круги населенія, которымъ она была необходима) за нее держались, ею дорожили и свое кровное сродство съ нею чувствовали,—была сильна и полна жизни. Римскіе императоры первыхъ вѣковъ, Людовикъ XI во Франціи, Вильгельмъ Завоеватель въ Англіи, Фердинандъ Католикъ или Филиппъ II въ Испаніи, московскіе князья и цари XIV—XVII вв.—вотъ нѣкоторые изъ примѣровъ этой полноты жизненныхъ силъ, которая била ключомъ въ абсолютистскихъ правительственныхъ организмахъ, когда они не переставали сознавать свою соціальную роль и свою классовую или общенаціональную задачу. Ни пережитки болѣе свободнаго строя не являли опасности для римскаго принципата или побѣдителя англосаксовъ Вильгельма или испанскихъ королей, ни могущественные феодалы ничего не подѣлали съ Людовикомъ XI,

*) ...to value fact more than opinion and tendencies more than arguments.

ни удѣлы, ни татары не продержались предъ Москвою. И этой исторической юности, бодрости, полноты жизненныхъ силъ абсолютизму хватало на вѣка, потому что агонія начиналась, обыкновенно, далеко не сразу послѣ того, какъ соціальная функція абсолютной власти была уже выполнена. Абсолютизмъ погибалъ не тогда, когда становился безполезенъ, даже не тогда, когда становился вреденъ, а тогда, когда начиналъ угрожать дальнѣйшему существованію либо всей націи, какъ самостоятельной единицы, либо значительныхъ слоевъ населенія, доведенныхъ имъ до близкой перспективы голодной смерти. Но если тогда онъ *погибалъ*, то *разлагался* онъ именно со времени завершенія своей соціальной функціи, а въ исторіи разложеніе вовсе не однозначуще съ гибелью, что можетъ подтвердить хотя бы благополучное существованіе повелителей правовѣрныхъ, какъ Абдулъ-Гамида, такъ и долгаго ряда его предковъ, и т. п. Это разложеніе знаменовалось или, точнѣе, обусловливалось вышеуказанною деклассаціею абсолютной власти, и замѣчательно, что никогда политическая идеологія, поэзія, церковныя проповѣди, такъ не возвеличивали, не воспѣвали, не обожествляли абсолютную власть, какъ именно тогда, когда она переставала быть нужною, когда она начинала становиться неистощимымъ пандориным ящикомъ всякихъ соціальныхъ бѣдствій. Никогда Людовику XI не льстили съ такимъ упоеніемъ и въ стихахъ и въ прозѣ, и съ церковнаго амвона, какъ Людовику XIV или, даже, Людовику XV; никогда первые Габсбурги не имѣли при себѣ такихъ славословящихъ хвалителей, какими были куртизаны Франца II или меттерниховскіе журналисты. И важно отмѣтить даже не столько это, т.-е. наличность хорошо оплачиваемыхъ хвалителей, сколько то, что ихъ слушали и имъ, въ общемъ, вѣрили. Монархизмъ въ чувствѣ и въ мысли широко распространялся именно тогда,

когда уже начиналась долгая эпоха соціальной ненужности абсолютной власти. Безспорно, однимъ изъ ингредіентовъ, создававшихъ этотъ психологическій феноменъ, являлось то обстоятельство, что абсолютная власть, только что оказавшаяся сильною, только что сослужившая службу, возбуждала преувеличенныя и розовыя надежды. Даже о французской буржуазіи предреволюціоннаго періода ея историкъ (и историкъ восторженный) говоритъ, что «традиціи ихъ были сервилистическими», и приписываетъ это проникшему въ душу буржуазіи преклоненію предъ монархіей *). И насколько эти чувства и традиціи крѣпко укоренились, показываетъ вся исторія первыхъ лѣтъ революціи съ ея крестьянами, жгущими замки при крикахъ: «vive le roi!»,—съ ея буржуазіей, упорно сваливающей всю вину за всѣ поползновенія къ предательству на «аристократовъ» и «дурныхъ совѣтниковъ», съ голодными пролетаріями Парижа, убѣжденными, что все зло только отъ одной «австріячки». Мы рѣшительно не можемъ найти возраженій противъ мнѣнія Жореса, высказаннаго имъ въ его «Исторіи учредительнаго собранія», что французская монархія должна была уже послѣ начала кризиса совершить рядъ ошибокъ одна другой непоправимѣе, чтобы погибнуть, иначе же она могла бы стоять и стоять, конечно, примѣнившись къ обстоятельствамъ и ставши искренно-конституціонной. Мы только сказали бы: ставши снова классовымъ представительствомъ, которымъ она давно перестала быть,—но уже на этотъ разъ не дворянства, а буржуазіи. Какъ монархія абсо-

---

*) ...Leur admiration raisonnée pour les maîtres qui se sont appelés. Louis XI, Richelieu, Loius XIV—avaient laissé dans leur intelligence politique des traces inéfacables... Le spectacle d'un despote réalisant les réformes démocratiques avait été leur éducation historique. de telle sorte que dans la pratique les traditions chez eux étaient serviles. Bardoux, op. cit, стр. 45.

лютная она, конечно, погибла съ момента собранія генеральныхъ штатовъ.

Но если, такимъ образомъ, абсолютизмъ поддерживается (и долго, и сильно поддерживается) монархическою идеологіею и монархическими традиціями, если въ этотъ періодъ долгаго разложенія, когда онъ уже никому, кромѣ своихъ креатуръ, не нуженъ, и почва изъ-подъ него уходитъ, онъ продолжаетъ проживать моральный и матеріальный капиталъ, накопленный въ предыдущую эпоху, то съ другой стороны есть могущественная и непреодолимая сила, которая дѣятельно борется съ идеологіей и съ традиціями, которая съ расточительностью и слѣпотою стихіи растрачиваетъ капиталъ абсолютизма, которая бьетъ абсолютизмъ тѣмъ болѣе страшно, что дѣлаетъ это его же собственными руками. Эта враждебная абсолютизму сила коренится въ стремленіи абсолютизма къ дѣятельности, къ проявленіямъ своего могущества, къ использованію своихъ средствъ въ теченіе всего разбираемаго періода—періода его разложенія.

Пояснимъ сказанное. Эмпирическій законъ обществовѣдѣнія, который можетъ быть подтвержденъ на многочисленныхъ примѣрахъ, заключается въ томъ, что никакое соціальное могущество, избавленное отъ своей первой заботы (т.-е. заботы о самосохраненіи), *не можетъ* оставаться празднымъ, спокойнымъ, неиспользованнымъ. Въ области духовныхъ вѣрованій этотъ законъ привелъ римское папство къ провозглашенію догмата непогрѣшимости; въ области экономическихъ отношеній онъ приводитъ капиталъ въ эпохѣ трестовъ и къ мечтамъ о «единомъ трестѣ»; въ области политической онъ приводилъ, обыкновенно, абсолютныя правительства къ нанесенію себѣ самимъ страшныхъ дезорганизующихъ ударовъ въ формѣ самыхъ безумныхъ и чудовищныхъ предпріятій. Пока папы боролись съ непокорными епископами сначала, съ

соборными притязаніями затѣмъ, пока они не совсѣмъ были увѣрены въ своемъ духовномъ абсолютизмѣ въ католической церкви, догматъ о непогрѣшимости не провозглашался; и именно, когда фактически этотъ абсолютизмъ давно уже установился, догматъ былъ провозглашенъ, потому что Пію IX нужно было идти до конца, до послѣдней точки послѣдняго предѣла. Абсолютизмъ же политическій тоже всегда хотѣлъ идти до конца, но несчастье его было, во-первыхъ, въ недостижимости цѣли, во-вторыхъ, очень часто даже въ неясномъ ея пониманіи.

Абсолютная власть, переживающая *начало* отмѣченнаго нами періода, всегда почти представляетъ собою грандіознѣйшее соціальное могущество, какое только возможно вообразить. Враждебныя силы внутри страны сломлены, бояться соперниковъ нечего, всѣ они повержены въ прахъ; всѣ войны, нужныя для государства, или для господствующихъ классовъ, окончены съ желательными результатами. Инстинктъ самосохраненія, можетъ быть, впервые послѣ столѣтій, наконецъ замолчалъ. Огромная сила освободилась.

Это и есть обстоятельство, полное величайшихъ опасностей, сначала только для государства, а въ концѣ концовъ для самого абсолютизма. Сила освободилась, но не остановилась, и не можетъ остановиться въ виду самой своей громадности. Какъ сорвавшаяся съ цѣпей пушка на кораблѣ, описываемая Викторомъ Гюго, она бьетъ въ стѣны качающагося корабля, который ее носитъ, слѣпо разрушаетъ и этотъ корабль, и подвертывающихся людей, и себя. И далеко не послѣ первыхъ шаговъ ея разрушительной карьеры жертвы этой силы начинаютъ сознавать, что все несчастіе не въ ея неудачахъ, не въ ея необдуманностяхъ, даже не въ ея преступленіяхъ, а въ самомъ *фактѣ ея существованія*. Эта окончательная мысль при-

ходитъ, обыкновенно, слишкомъ поздно, хотя она очень проста. Но совершенно справедливо повторяетъ за Аристотелемъ Зиммель, что самое важное въ предметѣ является нашему познанію позже всего; совершенно справедливо говоритъ онъ, что *простѣйшій результатъ* мышленія именно и *не есть* результатъ *простѣйшаго мышленія* *). Вотъ почему прежде, чѣмъ обратить вниманіе на существо машины, цѣлыя поколѣнія сначала не перестаютъ ей же приносить жалобы на ея собственныя функціи; не перестаютъ почтительнѣйше сѣтовать предъ костромъ, который когда-то былъ разложенъ ихъ желавшими согрѣться предками и который во-время не былъ потушенъ, на пожары, имъ теперь распространяемые. Абсолютизмъ становился вреденъ съ того самаго времени, какъ становился безполезенъ, потому что по природѣ своей онъ въ покоѣ не могъ оставаться. И всѣ эти историческія сумасшествія, которыя онъ продѣлывалъ, всѣ эти «великодушныя» войны, «принципіальные» походы, истребленіе религіозныхъ диссидентовъ, порыванія къ всемірной гегемоніи и т. д. и т. д., все это были аргументы, которыми чудовищная соціальная сила неустанно доказывала людямъ, что если имъ уже не нужно ее утилизировать, то они *обязаны* ее разбить, потому что безъ дѣла она стоять не можетъ и не будетъ.

III.

Мы приведемъ лишь очень немногія иллюстраціи для поясненія вышесказаннаго.

Борьба абсолютизма съ его внутренними врагами, всѣ его ухищренія на этой почвѣ, все это намѣренно нами

*) Simmel, Ueber die sociale Differenzierung. Sociologische und psychologische Untersuchungen. Leipzig, 1890, стр. 3.

устраняется изъ числа подобныхъ иллюстрацій. Тутъ самооборона, тутъ абсолютизмъ подчиняется другому порядку импульсовъ, о чемъ у насъ рѣчь будетъ дальше. Мы беремъ его въ пору полнаго спокойствія за свою жизнь, въ эпоху свободы отъ заботъ самосохраненія. И мы видимъ, напримѣръ, что рѣдко какой абсолютизмъ въ такой счастливый періодъ своего существованія воздерживался отъ преслѣдованія еретиковъ и диссидентовъ, хотя это не вызывалось рѣшительно никакими потребностями ни его самого, ни тѣхъ классовъ, которые являлись его поддержками; и при томъ, чѣмъ могущественнѣе еще чувствовалъ себя абсолютизмъ, тѣмъ яростнѣе были преслѣдованія, разорявшія иногда не только гонимыхъ, но и правовѣрныхъ, наносившія тяжкій ударъ торговлѣ, промышленности, всему государству въ его цѣломъ. Но даже не жестокость, а именно полная безсмысленность этихъ преслѣдованій при названныхъ условіяхъ характернѣе всего. Ибо далеко *не* всегда и не при всѣхъ обстоятельствахъ религіозныя преслѣдованія могутъ быть названы безсмысленными, какъ бы гнусны и отвратительны для нашего нравственнаго чувства они ни были.

Въ психической жизни, прожитой человѣчествомъ, вопросъ о религіозныхъ преслѣдованіяхъ оставилъ странные (иногда до дикости) и сложные слѣды. И гонимые, и гонители смотрѣли на этотъ предметъ въ разныя времена—разно, но, при всемъ разнообразіи ихъ взглядовъ, возможно разсмотрѣть въ нихъ двѣ главныя точки зрѣнія: религіозную и государственную. Точка зрѣнія религіозная характеризуется, напримѣръ (со стороны гонимыхъ), мыслью Тертулліана, полагавшаго, что первопричина религіознаго преслѣдованія есть испытующая Божья воля, а «діаволъ», т.-е. въ данномъ случаѣ преслѣдователи, является лишь орудіемъ испытанія мучениковъ въ крѣ-

ности ихъ вѣры *). Со стороны гонителей религіозная точка зрѣнія въ самомъ безпримѣсномъ своемъ видѣ выражена, по нашему мнѣнію, въ одной фразѣ, вычитанной нами среди документовъ, относящихся къ исторіи вальденсовъ и катаровъ и собранныхъ покойнымъ Деллингеромъ: «кому же больше вѣрить, Христу или еретику?» **) Въ этомъ отчаянномъ вопросѣ психологія гонителей въ вѣка вѣры. Другая точка зрѣнія—государственная. Ею вдохновлялись, напр., Вильгельмъ III, гнавшій и разорявшій «католиковъ» Ирландіи, потому что они стояли за Стюартовъ, неаполитанскіе Бурбоны, преслѣдовавшіе всякое религіозное разномысліе, потому что усматривали въ немъ признакъ вражды къ установленной формѣ правленія, Карлъ V, всю свою жизнь тщетно желавшій потушить реформацію, въ которой онъ видѣлъ ослабленіе императорской власти. Иногда къ этимъ побужденіямъ примѣшивалось (въ качествѣ вспомоществующаго психологическаго фактора) и личное суевѣріе гонителей, иногда этого и вовсе не было, какъ не могло его быть, напр., у *католика* лорда Бристоля, подавшаго голосъ въ палатѣ лордовъ за лишеніе католиковъ всякихъ политическихъ правъ (хотя эта мѣра изгоняла его самого изъ парламента), такъ какъ, по его мнѣнію, католики были угрозою для государственнаго блага и спокойствія Англіи. Часто эти два побужденія проявлялись одновременно, со-

---

*) см. Liber de fuga in persecutione гл. II (Patrologiae curs. comp. Migne, т. II, стр. 104):... praecedere enim Dei voluntatem circa fidei probationem quae est ratio persecutionis, sequi autem diaboli iniquitatem ad instrumentum persecutionis, quae ratio est probationis.

**) «Cui ergo est amplius credendum—Christo vel haeretico?» (см. De VIII haeresibus novis per quas modo dyabolus mulios subvertit, et quomodo cognoscantur haeretici per tria eum venerint ad pervertendum. T. II. стр. 313). Beiträge zur Sectengeschichte des Mittelalters von Ign. v. Döllinger. Dokumente vernehmlich zur Geschichte der Valdesier und Katharier (Münch. 1890).

дѣйствуя общему результату; напр., государственная власть по своимъ соображеніямъ начинала преслѣдованія, а духовенство, подчиняясь собственнымъ импульсамъ, продолжало, расширяло и усиливало начатыя гоненія.

Но тѣ религіозныя преслѣдованія, о которыхъ мы начали говорить, какъ объ одной изъ характерныхъ эманацій абсолютизма, не знающаго на что употребить свою силу, представляютъ собою явленіе иного порядка; и мы нарочно отмѣтили выше два главныхъ вида преслѣдованій, чтобы оттѣнить особыя черты феномена, о которомъ теперь будетъ рѣчь.

Совершенно очевидно, что безгранично жестокое преслѣдованіе гугенотовъ государственными надобностями при Людовикѣ XIV уже не вызывалось и не оправдывалось. Со времени Ришелье и тѣни сепаратистскихъ тенденцій у гугенотовъ не было, и признака былой политической силы у нихъ не оставалось; поползновенія къ союзу съ Англіей, республиканскія мечты, требованіе крѣпостей,— все это было и быльемъ поросло, и въ 80-хъ годахъ XVII столѣтія гугеноты являлись смирнымъ и чуждымъ всякимъ политическимъ интересамъ слоемъ населенія, склоннымъ не менѣе остальныхъ народныхъ массъ въ это время относиться съ глубочайшимъ почтеніемъ къ личности короля и существующему политическому строю. Но преслѣдовать ихъ было не только вполнѣ безполезно *) для правительственной власти, а наносило ей еще существеннѣйшій вредъ. Недаромъ Кольберъ всю свою жизнь умолялъ короля не трогать гугенотовъ, потому что это страшно вредило планамъ торгово-промышленнаго развитія Франціи. Но еще при жизни его начались преслѣдо-

*) Прекрасно говоритъ объ этомъ Giraud-Teulon: «Louis XIV detruisit inutilemente les protestants: ceux-ci, depuis Richelieu, n'étaient plus un danger dans l'Etat et contre eux la Royauté absolue ne luttait plus pour son existence» (La Royauté et la bourg., стр. 49).

ванія, а стоило ему закрыть глаза, какъ король, m-me Ментенонъ и Лувуа вплотную принялись за дѣло искорененія ереси. Такъ какъ все безмолвствовало и раболѣпствовало предъ королемъ, то принялись выискивать обиды и нашли обиду королю въ исповѣдываніи не той религіи, къ которой принадлежалъ «великій» монархъ. Это выискиваніе обидъ характернѣйшая черта абсолютизма, избавленнаго отъ реальныхъ заботъ и желающаго занять свои досуги. Если не было революціонеровъ, преслѣдовались умѣренные реформисты; не было реформистовъ—преслѣдовались, вообще, всякія лица, даже идеализующія данный строй, но осмѣливающіяся дѣлать это хоть немного не по-казенному, хоть немного по-своему *); не было и такихъ,—преслѣдовались религіозные отщепенцы, еретики и сектанты; казалось ихъ мало,—преслѣдовались круглыя шляпы, куреніе папиросъ на улицахъ, участіе въ масонскихъ ложахъ и т. д. и т. д. Такова историческая логика абсолютизма, который былъ въ движеніи, не только потому, что ему нужно было двигаться къ извѣстной цѣли, а и потому, что онъ не могъ не двигаться.

Истребленіе гугенотовъ сопровождалось какъ извѣстно, такими ужасами, предъ которыми поблѣднѣетъ содержаніе любого бульварнаго романа; оно длилось десятилѣтія, разорило сотни тысячъ семействъ, которыхъ не успѣло уничтожить, потрясло французскую промышленность и торговлю, обезсилило королевскую казну какъ разъ тогда, когда нужны были деньги на двѣ послѣднія войны Людовика XIV, значительно ухудшило дипломатическое положеніе Франціи, такъ какъ облегчило Вильгельму англійскому образованіе коалиціи съ протестантскими державами, возбудило отчаянную гражданскую войну въ Севеннахъ, словомъ могущественно содѣйствовало и въ не-

*) Какъ преслѣдовались III-мъ отдѣленіемъ при Николаѣ I—славянофилы.

посредственныхъ, и въ болѣе далекихъ своихъ послѣдствіяхъ моральному крушенію абсолютизма. Вся безсмыслица преслѣдованія гугенотовъ была вполнѣ очевидна даже тѣмъ многочисленнымъ придворнымъ авантюристамъ, которые наживались на избіеніи и грабежѣ этихъ людей, и какъ только они почувствовали, что уже кормящему ихъ государственному организму пора думать о собственномъ своемъ сохраненіи, что красные деньки абсолютизма прожиты, такъ сейчасъ же нечестивую ересь «de la réligion prétendue réformée» они оставили въ покоѣ, забросили, забыли и принялись рѣзать уши и клеймить плечи продавцамъ революціонныхъ памфлетовъ, появившимся въ XVIII вѣкѣ, и ссылать на галеры разносчиковъ нелегальныхъ книгъ и брошюръ, отпечатанныхъ въ Голландіи.

Абсолютно ничѣмъ невызванное преслѣдованіе оборвалось столь же абсолютно немотивированно, какъ и началось. Остальная Франція такъ же безучастно отнеслась къ концу этого каприза, какъ и къ его началу и его страшнымъ послѣдствіямъ. И только въ революціонную эпоху нѣкоторые органы печати злорадно замѣтили, что отмѣною нантскаго эдикта монархія сослужила большую службу освобожденію Франціи, такъ какъ эта мѣра наглядно разъяснила цѣлымъ поколѣніямъ все безуміе стараго строя.

Какъ разъ, когда во Франціи свирѣпствовали драгоннады, въ московскомъ государствѣ шла борьба съ расколомъ. Но мы намѣренно оставимъ въ сторонѣ расколъ XVII столѣтія, когда онъ могъ еще возбуждать извѣстныя опасенія политическаго характера, когда у него была сила нѣсколько лѣтъ оборонять соловецкій монастырь, когда, словомъ, борьба противъ него могла иногда казаться самозащитою государственной власти (мы говоримъ тутъ лишь о возможныхъ тогда воззрѣніяхъ на расколъ). По-

этому, несмотря на соблазнительное хронологическое совпаденіе, русскій расколъ конца XVII вѣка и борьба противъ него не могутъ здѣсь быть сопоставлены съ гугенотами и отмѣною нантскаго эдикта. Мы беремъ расколъ въ XIX вѣкѣ, когда политическія опасенія исчезли совершенно.

За все существованіе россійской имперіи не было эпохи, болѣе кипуче-дѣятельной по части мѣропріятій противъ раскола, нежели время Николая I. Не говоря уже объ Александрѣ II, отмѣнившемъ очень многое изъ этой области и сильно облегчившемъ положеніе раскольниковъ, но и Александръ I оставлялъ ихъ, сравнительно, въ спокойствіи. Вотъ что читаемъ объ этомъ у противника раскола: *) «Внѣшне окрѣпшій въ предшествовавшій періодъ, расколъ теперь вызвалъ обширную систему мѣръ, и прежде всего гражданскихъ. Царствованіе Николая Павловича является выдающимся въ этомъ отношеніи. Въ это время законовъ по части раскола было издано очень много, болѣе снисходительныхъ въ началѣ царствованія и болѣе строгихъ подъ конецъ его. Были учреждены секретные совѣщательные комитеты съ центральнымъ комитетомъ въ Петербургѣ. Самъ Государь Императоръ неустанно слѣдилъ за общимъ чтеніемъ раскольническихъ дѣлъ, которыя, доводились до свѣдѣнія Его Величества особо установленнымъ для нихъ порядкомъ» Всякій, кто хотя бы только приступалъ къ изученію царствованія Николая I, очень хорошо знаетъ, что эти мѣропріятія далеко не оставались только на бумагѣ. Сложнѣйшая система приводила къ тому, что все существованіе раскольника было обставлено сѣтью преградъ и препятствій. Хотѣлъ-ли онъ отлучиться изъ мѣста приписки, хотѣлъ-ли начать торговлю, собирался-ли жениться, рождались-ли у него дѣти, нужно-ли было хоронить отца,

*) П. Смирновъ. Исторія русскаго раскола — старообрядчества, стр. 217 (Рязань, 1893).

приходилось-ли даже чинить сгнившую крышу въ молельнѣ,—все это сопровождалось придирками, запрещеніями, условными дозволеніями, грабительскими взятками; и еще счастье, что брали взятки, ибо законъ стремился совсѣмъ сдѣлать жизнь раскольника невыносимою. Даже среди царившаго рабства,—раскольникъ былъ паріей, жестоко и дѣятельно преслѣдуемымъ. Кто изучалъ исторію раскола въ николаевскую эпоху, тотъ едва-ли можетъ забыть получающееся при этомъ впечатлѣніе, будто нѣкто зорко и неустанно бдитъ надъ раскольниками изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ и все боится что-нибудь изъ быта этихъ загнанныхъ людей оставить безъ полнаго своего вниманія. Но если задать себѣ при этомъ вопросъ: зачѣмъ? Cui prodest? Какой государственной надобности или даже, какому классовому эгоизму все это должно удовлетворять? то такъ при этихъ вопросахъ и останешься. И чѣмъ больше углубляться въ конкретныя подробности, тѣмъ ярче, тѣмъ нагляднѣе (почти до карикатурности) становится это характерное политическое искусство для искусства.

«Въ 1836 году томскій прокуроръ далъ знать губернатору, что переселившійся изъ оренбургской губерніи въ 1825 году и причисленный къ деревнѣ А҆ѣ крестьянинъ Абабковъ привезъ съ собою человѣка, коего ложно выдаетъ за отца своего Варѳоломея, и что этотъ мнимый Варѳоломей проживаетъ гдѣ-то въ лѣсныхъ горахъ, куда для богомолья приходятъ къ нему какіе-то другіе люди, затѣмъ неизвѣстно куда скрывающіеся» *). Разумѣется, государственная власть обезпокоилась и стала искать. «Нашли его въ избушкѣ, въ 50 верстахъ отъ деревни», затѣмъ нашли еще болѣе грозную опасность для существовавшаго соціальнаго строя въ лицѣ раскольника Паисія,

*) Д. Н. Бѣликовъ. Томскій расколъ, 73. (Извѣстія Импер. Томск. Универс. за 1901 годъ, кн. 18-я).

«устроившаго себѣ помѣщеніе въ кедровомъ дуплѣ, среди неприступныхъ скалъ», гдѣ ни онъ никого, ни его никто не видѣлъ...

Этотъ образъ могущественнѣйшей въ мірѣ власти, считающей для себя непереносимымъ, чтобы въ кедровомъ дуплѣ среди неприступныхъ сибирскимъ скалъ отъ нея спрятался раскольникъ, и просовывающей за нимъ туда «государственный мечъ»—этотъ образъ, при всей своей каррикатурности, замѣчательно ярко символизируетъ внутренній смыслъ разсматриваемыхъ явленій. Этотъ внутренній смыслъ—соціальная безцѣльность—въ подобныхъ случаяхъ заслоняетъ въ глазахъ изслѣдователя другую любопытную черту, присущую «психологіи» описываемыхъ фактовъ: безграничную и наивную вѣру во всемогущество насилія, въ возможность гдѣ угодно и когда угодно пустить эту панацею въ ходъ, ибо то, что разсказываетъ въ своихъ «Письмахъ о Россіи» Молинари о губернаторѣ, просвѣщавшемъ язычниковъ, характерно не для страны, а для историческаго фазиса, переживавшагося въ разное время всѣмъ европейскимъ континентомъ: **) «хотятъ-ли знать, какъ понимаются религіозные вопросы нѣкоторыми высшими сановниками? Вотъ *достовѣрный* анекдотъ, который позволитъ объ этомъ судить. Въ царствованіе Николая I, былъ посланъ управлять западною Сибирью одинъ почтенный нѣмецъ, ультра-формалистъ, каковымъ и долженъ быть всякій добрый нѣмецъ. Узнавши, что язычество еще существуетъ въ его губерніи, онъ почелъ долгомъ своимъ его искоренить. Прежде всего онъ произвелъ разслѣдованія о состояніи язычества и положеніи язычниковъ. Это разслѣдованіе ему показало, что не только каждое племя имѣло своихъ особыхъ боговъ, но, также, что одно племя имѣло ихъ больше, другое

**) Lettres sur la Russie. par M. G. de Molinari (Paris, 1877), стр. 105.

меньше. Онъ началъ съ прекращенія этой недопустимой анархіи, путемъ приведенія язычества къ единообразію. Съ этою цѣлью онъ издалъ приказъ, устанавливающій каталогъ *оффиціальныхъ* боговъ, которыхъ разрѣшалось почитать, при исключеніи всѣхъ прочихъ боговъ. Таковъ былъ первый шагъ къ прогрессу; но этого было недостаточно. Дѣло шло о привлеченіи мало-по-малу язычниковъ въ лоно православной церкви. Какъ поступить? Между идолопоклонствомъ, даже регламентированнымъ и единообразнымъ, и православіемъ разстояніе было, положительно, слишкомъ велико. Сразу его перешагнуть было невозможно. Требовалась переходная ступень. Хорошо объ этомъ подумавши, нашъ бюрократъ пришелъ къ заключенію, что онъ разрѣшилъ дѣло, и обратился къ правительству съ длиннымъ мемуаромъ, въ которомъ доказывалъ необходимость постепенно обращать язычниковъ въ христіанство, путемъ *предварительнаго* ихъ обращенія... въ магометанство. Не было-ли разрѣшеніе этой задачи столь же ново, какъ и прекрасно, и не свидѣтельствовало-ли оно лишній разъ о наивной вѣрѣ бюрократіи въ свою врожденную способность разрѣшать всякаго рода вопросы, вплоть до вопросовъ религіозныхъ?» Такимъ вопросомъ кончаетъ Молинари свое повѣствованіе о губернаторѣ съ апостольскими тенденціями *). Но точнѣе, — это вѣра во всеобщую приложимость и пригодность насилія, соединенная съ фатальной необходимостью для власти, незнающей препонъ, бросаться всюду, ища точекъ приложенія своей силы.

IV.

Не выходя изъ области «внутренней политики», мы могли бы, и помимо религіозныхъ преслѣдованій, указать

*) Не его-ли назвалъ Герценъ «равноапостольнымъ нѣмцемъ?» Мы не нашли этой замѣтки, которую знаемъ лишь по заглавію.

на цѣлыя категоріи фактовъ, подтверждающія высказанную выше мысль. Но мы перейдемъ теперь къ другому порядку явленій, иллюстрирующихъ саморазрушительную работу абсолютизма, когда онъ превратился въ особый надъ-общественный организмъ. Ничто такъ эту работу не характеризуетъ, какъ предпріятія и авантюры военно-дипломатическаго свойства.

Абсолютная власть часто предпринимала наступательныя войны тогда, когда это требовалось въ интересахъ пріобрѣтенія нужной населенію территоріи, или для упроченія и усиленія возникающей торговопромышленной дѣятельности, или для обезпеченія такимъ путемъ государства отъ грозящаго въ будущемъ удара. Такія войны, обыкновенно, и получали характеръ «національныхъ», и цѣлесообразность ихъ съ точки зрѣнія государственнаго благосостоянія или, хотя бы съ точки зрѣнія нуждъ опредѣленныхъ классовъ, бывала вполнѣ доступна общественному сознанію. Такого рода войны, конечно, должны быть совершенно устранены отъ нашего разсмотрѣнія. Точно также мы здѣсь не коснемся, пока, и другого рода войнъ, которыми пестрятъ анналы исторіи абсолютныхъ правительствъ: войнъ, предпринимавшихся для такъ называемаго «отвлеченія вниманія» общества отъ внутреннихъ дѣлъ (въ родѣ войнъ Наполеона III и тому подобныхъ). О такого рода предпріятіяхъ придется говорить, когда рѣчь будетъ идти о самооборонѣ абсолютизма. Здѣсь же насъ интересуютъ тѣ войны, которыя предпринимались абсолютизмомъ рѣшительно безъ всякой нужды, какъ для государства, такъ и для него самого.

Противорѣчитъ-ли самое утвержденіе, что были мыслимы такія войны, основному нашему воззрѣнію на зависимость политическихъ феноменовъ отъ соотношеній соціальныхъ классовъ въ данной націи? Не противорѣчитъ нисколько. Подобныя войны имѣли непосредственною

причиною своею психологическія свойства абсолютизма, о которыхъ выше шла рѣчь; а *возможны* онѣ были потому, что соціально-экономическія условія общества въ данный историческій моментъ допускали не только безпрепятственное существованіе абсолютизма, но и давали ему нестѣсняемый просторъ для проявленія этихъ его психологическихъ свойствъ. Опредѣленная классовая структура общества детерминируетъ лишь *возможность* того «однократнаго и индивидуальнаго», какимъ, по мнѣнію Риккерта, является всегда всякое историческое событіе; но spiritus movens, который обусловливаетъ *неизбѣжность* этого или однороднаго событія, есть сила производная, хотя, въ конечномъ счетѣ, и вытекающая изъ того же источника, то-есть изъ соціально-экономической структуры данной среды. Эта психологическая производная сила, въ данномъ случаѣ, — и есть то состояніе абсолютизма, уже отслужившаго свою историческую службу, но еще не отправленнаго въ отставку, которое *не позволяетъ* ему *не* растрачивать самымъ хищническимъ образомъ накопленный раньше капиталъ.

Иногда эти военно-дипломатическія конвульсіи абсолютизма получали видъ стремленія къ европейской гегемоніи (какъ это было, напр., во второй половинѣ царствованія Людовика XIV), иногда онѣ никакого вида не получали, а такъ и оставались откровенными капризами двора (какъ это было при Людовикѣ XV и его фавориткахъ), иногда, наконецъ, онѣ являлись міру въ качествѣ «великодушныхъ» попытокъ спасти угрожаемый принципъ, выручить «сосѣда» и т. п. Тутъ область примѣровъ и иллюстрацій, вообще, ограничена, ибо роскошь подобныхъ проявленій силы могъ себѣ позволить, по самому существу дѣла, не всякій абсолютизмъ, а лишь такой, который водворился въ могущественномъ національномъ организмѣ.

Собственно внѣшняя схема такой политики сводилась, обыкновенно, въ конечномъ счетѣ, къ тому ироническому опредѣленію, которое Вольтеръ далъ исторіи крестовыхъ походовъ: «государи, послѣ ограбленія своихъ королевствъ, съ цѣлью выкупить страну, которая никогда имъ не принадлежала, окончательно разоряли свои земли уже для личнаго своего выкупа *). Иногда могли быть удачны отдѣльные періоды этихъ войнъ, но, вообще говоря, удача тутъ являлась исключеніемъ и, во всякомъ случаѣ, къ прочнымъ результатамъ не приводила. Мы не будемъ останавливаться на причинахъ этихъ неудачъ, разбирать, играла-ли тутъ главную роль апатія солдатъ, которыхъ вели на бойню по непонятнымъ для нихъ соображеніямъ, или органическая неспособность абсолютизма въ разбираемый періодъ его жизни создать и поддержать на требуемой высотѣ сложную и дѣеспособную военную машину, или еще иныя какія-либо причины. Достаточно указать на результатъ, *почти* всегда, но не всегда наносившій серьезный ударъ моральному и матеріальному престижу иниціаторовъ подобныхъ войнъ. Вся французская внѣшняя политика за шестидесятилѣтнее царствованіе Людовика XV (особенно же со времени королевскаго совершеннолѣтія) была почти сплошной безсмыслицею. Ненужныя и нелѣпыя войны съ Англіей, еще болѣе нелѣпое вмѣшательство въ семилѣтнюю войну, неумѣлая и неудачная оппозиція политикѣ Екатерины II—все это именно и было тѣмъ стихійно расточительнымъ пожираніемъ ранѣе накопленнаго капитала, о которомъ мы говорили раньше. Абсолютизмъ въ свое время создавался и крѣпъ на внѣшнихъ войнахъ, и на нихъ же въ разсматриваемый періодъ обнаруживалъ яснѣе всего свою истинную дряхлость, прикрытую обманчивою репутаціею силы и бод-

*) Dictionnaire philosophique, слово «Fanatisme» (изд. 1857 г., т. V, стр. 562).

рости; и нерѣдко война, начатая абсолютизмомъ какъ бы отъ избытка силы, кончалась такимъ крахомъ, который открывалъ собою періодъ агоніи. Тутъ давно существовавшій въ скрытомъ видѣ фактъ разомъ переходилъ въ сознаніе и абсолютистскихъ верховъ, и всѣхъ окружающихъ: соціальная опасность строя обнаруживалась въ одно время съ его слабостью, и иногда это влекло за собою предъявленіе накопившихся счетовъ. Но чаще внѣшнія войны не имѣли столь непосредственно рѣшающаго значенія и только становились однимъ изъ самыхъ внушительныхъ и крѣпкихъ звеньевъ въ той цѣпи, которая медленно, но съ фатальною неуклонностью обвивалась вокругъ абсолютизма, чтобы его задушить въ моментъ развязки борьбы. Войны Людовика XV отозвались впослѣдствіи, когда насталъ тотъ «потопъ», о которомъ, по преданію, такъ весело говорилъ старый король.

Русскій правительственный организмъ достигъ кульминаціи своего могущества къ концу царствованія Екатерины II, и затѣмъ, послѣ нѣкотораго перерыва, этотъ моментъ для него повторился послѣ низложенія Наполеона I. Русское правительство екатерининскихъ временъ было правительствомъ классовымъ, дворянскимъ по преимуществу, но этотъ свой характеръ оно въ слѣдующую эпоху стало утрачивать, хотя и не сразу, а постепенно. Но организмъ, уже начинавшій жить своею совсѣмъ особою, самодовлѣющею жизнью, уже становился *надъ-общественнымъ*, уже не упускалъ при случаѣ подчеркнуть свой взглядъ на *всѣ* сословія, какъ на нѣчто, имѣющее, такъ сказать, лишь пьедестальное значеніе. Павелъ Петровичъ заявлялъ, что у него знатенъ тотъ, на кого онъ смотритъ, и до тѣхъ поръ, пока онъ на него смотритъ. «Вы видите, дѣти, что съ людьми слѣдуетъ обходиться, какъ съ соба-

ками», внушалъ Павелъ своимъ дѣтямъ*), и безпристрастный историкъ всегда признаетъ, что тутъ слово рѣдко расходилось съ дѣломъ, и что это специфическое «уравненіе» дворянства съ прочими классами общества проводилось довольно усердно на основѣ высказаннаго Павломъ государственнаго принципа. Въ теченіе всей первой половины XIX вѣка русское правительство не можетъ быть названо, съ полною точностью, представительствомъ дворянскихъ интересовъ, потому что надъ-общественный его характеръ становился все рельефнѣе.

Но разобщенность между отдѣльными соціальными группами была такъ велика, отсутствіе какой бы то ни было организаціи среди угнетенныхъ классовъ — столь полнымъ, разбросанность населенія такъ мѣшала подготовкѣ къ борьбѣ, земля до такой степени являлась подавляюще-преобладавшей формою капитала, общій уровень матеріальной и умственной культуры былъ такимъ низкимъ, что строй могъ себя чувствовать спокойнымъ. Онъ, собственно, не былъ силенъ, но онъ не былъ аттакуемъ ни изнутри, ни, до Крыма, извнѣ; а это обстоятельство, субъективно, въ сознаніи правившихъ круговъ, вполнѣ компенсировало отсутствовавшую въ самомъ дѣлѣ силу.

Что внѣшняя политика этого періода расходилась очень часто съ прямыми или косвенными интересами Россіи, это признаютъ теперь, кажется, всѣ мало-мальски безпристрастные историки; многіе (напр., Шильдеръ) даже расширяютъ хронологически этотъ періодъ, но мы тутъ остановимся лишь на эпохѣ, начавшейся пушечною пальбою на Сенатской площади и кончившейся пушечною пальбою у Малахова кургана.

---

*) Vous voyez, mes enfants, qu'il faut traiter les hommes, comme les chiens. См. Шильдеръ, «Павелъ I», стр. 249.

Прежде всего необычайная *дѣятельность* бросается въ глаза при изученіи исторіи россійской дипломатіи въ эту эпоху. Врагъ режима Герценъ отмѣчаетъ, что никогда русское правительство не было столь поглощено чужими дѣлами, никогда не давало столько совѣтовъ, такъ во все не вмѣшивалось. Другъ режима (и отчасти авторъ «совѣтовъ») графъ Нессельроде, министръ иностранныхъ дѣлъ, въ теченіе всего періода, по существу совершенно согласенъ въ этомъ вопросѣ съ Герценомъ. Никогда не пойметъ *психологію* тѣхъ явленій, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, тотъ, кто полѣнится прочесть произведеніе пера этого маленькаго стараго куртизана, помѣченное 20-го ноября 1850 г. Это — французская записка, написанная тою изящнѣйшею прозою, какою владѣли съ такимъ искусствомъ дипломаты до-бисмарковскаго періода, и представленная графомъ Нессельроде Николаю Павловичу по поводу исполнившагося двадцатипятилѣтія царствованія. Почтительный восторгъ проникаетъ всю записку, имѣющую цѣлью вкратцѣ охарактеризовать политику Россіи съ 1825 года по 1850. Вотъ небольшія изъ нея выдержки *).

---

*) ...Bientôt des bouleversements amenés en 1830 par la chute de la branche aînée des Bourbons ont ouvert une période nouvelle à la politique de Votre Majesté. Ils ont imprimé à son règne le veritable charactère qui le distinguera dans l'avenir. A la suite des ces révolutions, elle est devenue pour le monde le representant de l'idée monarchique, le soutien des principes d'ordre et le défenseur impartial de l'equlibre Européen. Mais des laborieux efforts, une lutte sans cesse renaissante étaient attachés à ce noble rôle... La Hollande était sacrifiée, dans son conflit avec les Belges à l'extrême partialité de la France et de l'Angleterre. Si notre éloignement géographipue et la timidité de nos alliés n'ont malheureusement pas permis qu'elle conservât la possession intacte des provinces qui formaient jadis avec elle le Royaume des Pays-Bas, au moins l'appui de Votre Majesté et son insistance énergique ont-ils servi à obtenir au roi meilleures conditions territo-

«... Вскорѣ перевороты, вызванные въ 1830 году паденіемъ старшей линіи Бурбоновъ, открыли новый періодъ въ политикѣ Вашего Величества. Они придали царствованію Вашего Величества истинный характеръ, который въ грядущемъ будетъ его отличать. Вслѣдствіе этихъ революцій Ваше Величество сдѣлались для міра представителемъ монархической идеи, поддержкою принциповъ порядка и безпристрастнымъ защитникомъ европейскаго равновѣсія. Но многотрудныя усилія, но безпрерывно возобновляющаяся борьба были связаны съ этою благородною ролью...» Нессельроде самую значительную и характерную часть именно и отводитъ благородной роли, такъ что передъ читателемъ Россія и ея интересы отходятъ куда-то даже не просто на второй планъ, а совсѣмъ въ даль и мракъ. Заботы о томъ, чтобы пагубные принципы гдѣ-нибудь на краю свѣта не восторжествовали, явственно предстаютъ въ видѣ главныхъ движущихъ пружинъ. Даже тихая грусть по тому поводу, что «географическая отдаленность» не позволила Россіи поддержать голландскаго короля въ борьбѣ съ бельгійскими мятежниками, до такой степени звучитъ въ тонъ всему краснорѣчію русскаго канцлера, что какъ-то уже и въ голову не придетъ естественный вопросъ: а какое было Россіи дѣло до голландскаго короля и бельгійскихъ мятежниковъ? Тутъ психологія совсѣмъ особая, тутъ роскошь фантазіи въ политикѣ, далеко превосходящая всякія «объявленія войны тиранамъ», о которыхъ шла рѣчь въ эпоху Конвента.

---

riales allegé poids des ses sacrifices pécuniaires, modifie ce que les clauses qu'on voulait lui imposer présentaient de trop onéreux pour ses interêts financiers et commerciaux.

Partout où chancelaient les trônes, où la societé minée fléchissait sous l'effort des doctrines subversives, le bras puissant de Votre Majesté se fait deviner ou sentir.

Записка цѣликомъ была напечатана въ «Русской Старинѣ» и перепечатана въ V томѣ Treitschke («Deutsche Geschichte»).

Когда въ Петербургъ пришли первыя извѣстія о провозглашеніи во Франціи республики въ 1848 году, государь сказалъ гвардейскимъ офицерамъ, чтобы они сѣдлали коней. Это первое намѣреніе смѣнилось выжиданіемъ, по мѣрѣ того, какъ революція охватывала весь континентъ. Затѣмъ, усмиреніе іюньскаго возстанія рабочихъ въ Парижѣ до такой степени понравилось Николаю I, что отношеніе его къ Франціи перемѣнилось. Любопытно, что на него произвелъ особенно отрадное внечатлѣніе такой совершенно побочный фактъ, какъ генеральскій чинъ усмирителя *). Сейчасъ же канцлеру Нессельроде было приказано написать любезнѣйшее письмо, которое Киселевъ и вручилъ генералу Кавеньяку. Затѣмъ начались чрезвычайно ласковыя отношенія къ французскому послу,—тогда какъ, напр., втеченіе всего царствованія Луи-Филиппа Николай I, а за нимъ и весь петербургскій свѣтъ, упорно «не замѣчали» французское посольство, на томъ основаніи, что Луи-Филиппъ — «король баррикадъ», принялъ корону изъ рукъ іюльской революціи и т. д. Но эта внезапная милость къ Франціи была вновь положена на гнѣвъ, когда Луи-Наполеонъ Бонапартъ захватилъ престолъ. Казалось бы, съ точки зрѣнія торжества «принциповъ», лучше ничего и пожелать нельзя было, но нѣтъ: согласно договорамъ 1814—15 гг. Бонапарты не имѣли правъ на французскій престолъ, а посему возстановленіе имперіи одобренія и не получило. Начались взаимныя колкости **), замѣна

*) L'Empereur qui, avant tout, était un soldat, fut flatté de ce que l'anarchie avait été vaincue par l'armée et la société sauvée par un général. A l'instant il se prit de sympathie pour le général Cavaignac qui venait de triompher de l'emeute et il vint à le féliciter. См. *Edmond Bapst*, «L'Empereur Nicolas I et la deuxieme République française», стр. 11 (Paris, 1898).

**) О *первомъ* періодѣ отношеній къ Наполеону III можно привести слова Флеровскаго, какъ вполнѣ точныя: «Наполеонъ III въ

обычнаго «mon cher frère» обращеніемъ: «mon bon ami», безъ всякой нужды обострялись отношенія съ могущественною державою, и ко времени столкновенія съ Турціей страшнѣйшій изъ союзныхъ враговъ былъ для Россіи окончательно приготовленъ ея же собственною «принципіальною» дипломатіею.

Но если по отношенію къ первоклассной военной державѣ можно было очень долго позволять себѣ капризы, внезапности и неожиданности, если отношенія къ Франціи за весь этотъ долгій періодъ обусловливались въ каждый данный моментъ не интересами Россіи, а внутренними дѣлами французскаго государства, до которыхъ Россіи не было ни малѣйшаго основанія касаться, если эта политика только къ самому концу періода принесла свои горькіе плоды, то относительно другихъ менѣе важныхъ и сильныхъ державъ подобное принципіальное поведеніе было тогда совсѣмъ безопасно, — и иногда даже (какъ въ 1849 году) увѣнчивалось тріумфомъ. Нужно, кстати, по поводу 1849 года отмѣтить, что *военное* свое выступленіе режимъ на этотъ разъ счелъ долгомъ какъ бы оправдывать чѣмъ-то въ родѣ нуждъ государственныхъ: венгровъ надо было усмирить на всякій случай, чтобы со временемъ и поляки не взбунтовались и т. п. Но все это выходило весьма сбивчиво. Интересно, что, впрочемъ, этотъ послѣдній мотивъ упоминался не на первомъ планѣ. Вотъ что сказалъ Николай по поводу венгерскаго похода французскому послу Ламорисьеру: «Не думайте, чтобы я хотѣлъ защищать поведеніе Австріи въ этомъ дѣлѣ. Она нагромоздила самыя серьезныя ошибки однѣ на дру-

---

его глазахъ былъ блудный сынъ, который стремится исправиться. Онъ относился къ нему высокомѣрно, покровительственно, считалъ себя вправѣ читать ему наставленія, порицалъ его, напр., за конфискацію имуществъ Людовика-Филиппа». Потомъ отношенія стали еще хуже.

тія. Но въ конечномъ счетѣ *она допустила наводненіе Венгріи самыми субверсивными ученіями.* Правительство въ Венгріи попало въ руки людей безпорядка, а они призвали къ себѣ на помощь поляковъ. Это было возстаніе у моихъ дверей, обезпеченное убѣжище для тѣхъ, кто *хотѣлъ бы сѣять* возстаніе у меня. Нужно было его потушить или постоянно быть имъ угрожаемымъ»*). Уже изъ этихъ словъ видно, что Николай не боялся *непосредственнаго* возстанія въ Польшѣ, и что *прежде всего* онъ думалъ о гибельныхъ лжеученіяхъ, коимъ отдана на жертву Венгрія. Окончательно эта мысль торжествуетъ въ словахъ Николая I, обращенныхъ къ тому же Ламорисьеру 15-го августа 1849 года послѣ полученія извѣстія о побѣдѣ Людерса надъ Бемомъ: «Генералъ, дѣло, изъ-за котораго мы только-что сражались, *есть то самое, за которое бились вы въ іюнѣ прошлаго года*; противъ анархіи и демагогіи боролись мы» **). Здѣсь, въ терминахъ, рѣшительно ничего не оставляющихъ желать въ смыслѣ ясности и откровенности, борьба русскихъ войскъ противъ венгровъ приравнивалась къ борьбѣ французскихъ войскъ противъ парижскихъ рабочихъ въ іюнѣ 1848 года, и заявлялось, что вся эта война была предпринята для подавленія торжествовавшихъ *въ Венгріи* политическихъ принциповъ, антипатичныхъ русскому правительству. Спустя пять лѣтъ «спасенная» вѣнская бюрократія въ мрачный финальный моментъ Николая заняла явно-враждебную и сильно повредившую Россіи позицію, а венгры открыто выражали тогда же по этому поводу свой полный восторгъ. Вотъ на какой почвѣ, впервые послѣ усмиренія 1849 года, произошло минутное «единеніе меж-

---

*) См. Bapst, l. c., стр. 73.

**) Général, la cause pour laquelle nous venons de combattre est celle pour laquelle vous vous êtes battus au mois de Juin de l'année dernière; c'est contre l'anarchie et demagogie que nous avions lutté.

ду пастыремъ и пасомыми» въ габсбургской монархіи, то единеніе, о которомъ столь сладостно пѣли газетныя рептиліи, апплодировавшія возстановленію въ Венгріи стараго порядка въ 1849 году: оно произошло на почвѣ ихъ общей ненависти къ Россіи. Таковы были реальныя послѣдствія этой политики. Въ видѣ «реванша» остались, впрочемъ, слѣды поэтическіе: «Прочь, прочь—австрійскаго Іуду — отъ гробовой его доски», — восклицалъ поэтъ Тютчевъ по поводу прибытія австрійскаго эрцгерцога во главѣ депутаціи на похороны Николая. Столь огорчены были придворные и дипломатическіе круги, представителемъ которыхъ являлся Тютчевъ, забвеніемъ русскихъ національныхъ интересовъ, обнаруженнымъ австрійскими правительственными лицами.

V.

Мы въ этихъ предварительныхъ, вводныхъ замѣткахъ только вскользь отмѣтили образчики того, что считала своею задачею русская дипломатія въ періодъ Николая I. Въ общемъ, она столь же мало заботилась въ эту эпоху объ оправданіи своихъ капризовъ въ глазахъ общества, какъ и въ годы Павла I, сегодня отправлявшаго въ Италію Суворова поражать французскую гидру, а завтра замышлявшаго въ союзѣ съ этою же гидрою изгнать изъ Индіи англичанъ. Sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas, — таковъ былъ при Павлѣ I и остался еще на очень долгое время послѣ него принципъ русской внѣшней политики. Этотъ самый принципъ торжествовалъ въ аналогичныя эпохи и въ другихъ государствахъ. Бэконъ былъ того мнѣнія, что смѣлость очень опасна при обсужденіи и полезна только въ дѣйствіи; что при обсужденіи хорошо видѣть опасности, но при выполненіи дѣла ихъ

слѣдуетъ потерять изъ вида, если только онѣ не грозятъ совсѣмъ уже непосредственно. Вышеуказанная политика грѣшила не только фантастичностью и ненужностью цѣлей, которыя она себѣ ставила, но именно безграничною «смѣлостью» при обсужденіи способовъ и средствъ. Это и вело къ тому, что дѣйствительнѣйшими (въ смыслѣ быстроты дѣйствія) предпріятіями, которыя абсолютизмъ, повинуясь своей природѣ, пускалъ въ ходъ для собственнаго своего разрушенія, были обыкновенно предпріятія военно-дипломатическія.

Такъ тратился огромный капиталъ и ускорялась эволюція политическихъ формъ. Но это была лишь одна сторона дѣла: отмѣченныя черты психологіи абсолютизма дѣйствовали на него ослабляющимъ образомъ, уменьшали въ будущемъ его способность къ самооборонѣ, подтачивали тѣ историческіе корни, на которыхъ онъ держался, разъясняли и демонстрировали наглядно всю степень опасности его дальнѣйшаго существованія для государства и т. д. Тѣмъ не менѣе, никогда политическія формы не погибали *только* вслѣдствіе своей ненужности, вредности и, даже, внутренней слабости, а всегда для этого должны были предъ ними еще предварительно вырости новыя враждебныя силы. Если же этого налицо не было, старое правленіе продолжало въ мирѣ и тишинѣ свое дальнѣйшее гніющее существованіе. Обществовѣдѣніе имѣетъ дѣло съ такимъ необъятнымъ матеріаломъ, какъ вся человѣческая жизнь въ ея прошломъ и настоящемъ; что же удивительнаго, что термины здѣсь часто оказываются недостаточно точными? Мы уже имѣли случай подчеркнуть, что въ исторіи—понятіе *разложеніе* и понятіе *гибель* отнюдь не совпадаютъ, напомнимъ же объ этомъ снова и снова. Когда произносится такая фраза: «данный режимъ насквозь прогнилъ и испортился, а *потому* не могъ не смѣниться новымъ, свѣжимъ» и пр. и пр., то можно утвердительно сказать,

что это не научное утвержденіе, а словесный шаблонъ, съ которымъ истинная наука n'a rien à faire. Почему «не могъ не смѣниться»? Только потому, что сгнилъ?

Дѣло въ томъ, что къ исторіи, гдѣ такъ много стихійнаго и безсознательнаго, гдѣ такъ много природы и такъ мало телеологіи, до сихъ поръ часто подходятъ съ готовыми прописными формулами даже тѣ, которые считаютъ себя за тысячу верстъ отъ нихъ. Такъ какъ живой организмъ, пораженный внутренними недугами, начавшій заживо разлагаться, неминуемо и скоро гибнетъ, то «значитъ» такъ происходитъ или должно происходить и съ правительственнымъ строемъ,—подобная аналогія (даже часто въ устахъ тѣхъ, которые давно и категорически отвергли *методъ* біологическихъ аналогій) лежитъ въ основѣ всѣхъ подобныхъ выводовъ. Африканскіе царьки съ незапамятныхъ временъ продавали своихъ подданныхъ за сходную цѣну; германскіе государи дѣлали то же самое въ XVIII столѣтіи. Теперь африканскіе царьки продолжаютъ это занятіе, а германскіе прекратили. Но кто же будетъ отрицать, что существенная причина, обусловившая эту перемѣну, заключается въ силѣ сопротивленія, обнаружившейся въ Германіи и не обнаружившейся въ Африкѣ? Кто будетъ отрицать, вмѣстѣ съ тѣмъ, что африканскій строй можетъ продолжать благополучно гнить еще новую серію вѣковъ, отнюдь не разрушаясь окончательно и не погибая? Въ 1782 году одинъ наблюдатель писалъ (не объ одной Франціи, но о *всей* Европѣ): «Европа представляется мнѣ наканунѣ ужасной революціи. Масса такъ испорчена, что кровопусканіе могло бы быть необходимо»*). Но, вѣдь, «масса» была не менѣе испорчена хотя бы въ эпоху тридцатилѣтней войны, и однако никто не говорилъ, подобно Форстеру въ 1779 году: «Дѣла не

*) Sorel, L'Europe et la révolution française, I, стр. 103.

могутъ оставаться, какъ теперь; всѣ симптомы на это указываютъ». Симптомы на это указывали не потому, что «масса» была «испорчена», и не потому, что «строй сгнилъ», а потому, что въ концѣ XVIII вѣка было то, чего не было въ эпоху тридцатилѣтней войны; было въ широкихъ общественныхъ классахъ сознаніе необходимости измѣнить соціально-политическую структуру, мѣшавшую ихъ свободному матеріальному и моральному развитію, и была вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренность въ достаточныхъ для того силахъ.

Возводить себя въ перлъ созданія и въ законъ исторіи, смотрѣть на всякія попытки къ перемѣнѣ, какъ на святотатство, свойственно всякому слишкомъ зажившемуся въ свѣтѣ политическому строю. Чаще всего въ это заблужденіе впадалъ абсолютизмъ, но случалось это и съ конституціоннымъ порядкомъ. Напримѣръ, ганзардовское собраніе парламентскихъ дебатовъ даетъ читателю, просматривающему его за 1817—1832 гг., много курьезныхъ образчиковъ того, съ какимъ восхищеніемъ противники парламентской реформы въ Англіи говорили о достоинствахъ старыхъ, предназначенныхъ къ сломкѣ, порядковъ, которые на всякій непредубѣжденный взглядъ являлись глумленіемъ надъ здравымъ смысломъ. Любопытно также, что господствующіе слои, въ какія бы разнообразныя политическія формы ни было облечено ихъ владычество, охотно при, всякомъ случаѣ, адресуютъ «низшіе» классы къ Провидѣнію, когда рѣчь заходитъ о невыносимой ихъ нуждѣ. Послѣ 1812 года петербургская бюрократія расхватала въ видѣ наградъ и поощреній себѣ самой весьма много народныхъ денегъ, что же касается до народа, то она отдѣлалась указаніемъ, что *Господь Богъ воздастъ* мужикамъ должное за ихъ патріотическое поведеніе. Въ такомъ же духѣ и Тьеръ заявилъ въ 1850 году, въ эпоху второй республики, очевидно для нази-

данія рабочему классу: «Нищета есть неизбѣжное условіе въ общемъ планѣ Провидѣнія: нынѣшнее общество, покоясь даже на самыхъ справедливыхъ основахъ, не могло бы быть улучшено» *).

Но даже и безъ такихъ заявленій, всѣмъ своимъ поведеніемъ правящіе слои, за которыми была сила и традиція, иной разъ прямо говорили, что они даже и согласны признать наличность самаго вопіющаго зла, на которое указываютъ ихъ враги, но категорически отказываются видѣть въ этомъ злѣ нѣчто поправимое и, вообще, зависящее отъ воли человѣческой. Другими словами: грибокъ, производившій гніеніе въ соціальномъ организмѣ не только себя самого, но и производимое имъ гніеніе склоненъ былъ торжественно объявлять искорененію *не* подлежащими и существующими въ силу предвѣчныхъ, перманентныхъ законовъ. И если бы политическая эволюція зависѣла отъ одного только желанія правившихъ еще въ XVIII вѣкѣ круговъ спасти общество отъ разложенія заживо, то нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что Европа уже давно не превратилась бы въ огромное болото, полное міазмовъ и оглашаемое благодарственными и иными молебнами. Поэтому, когда соціологъ ставитъ вопросъ о причинахъ *гибели* абсолютизма, то онъ долженъ все вниманіе направить именно на всестороннее освѣщеніе вопроса: что ускорило политическую мобилизацію враждебныхъ абсолютизму общественныхъ силъ?

VI.

«Знать свои интересы и заботиться о нихъ есть то, что называется политикою»— читаемъ мы у одного изъ

*) La misère est une condition inévitable dans le plan général de la Providence: la societé actuelle, reposant sur les bases les plus justes ne saurait être améliorée.

выдающихся физіократовъ, аббата Бодо *). Проведеніе въ жизнь логическихъ послѣдствій этого тезиса и заставляетъ въ извѣстные моменты тотъ или иной классъ, или временный союзъ тѣхъ или иныхъ классовъ, заявлять: «устраненіе существующей формы правленія есть то, что называется въ настоящее время нашей политикою». Какъ общее правило, можетъ быть констатированъ тотъ фактъ, что политическія формы всегда интересовали классовое сознаніе ближайшимъ образомъ: 1) либо какъ орудіе, при помощи котораго возможно удержать и расширить уже имѣющееся соціально-экономическое преобладаніе, 2) либо какъ препятствіе, которое нужно преодолѣть и уничтожить для достиженія такого преобладанія въ будущемъ. Всемірно-историческая драма между буржуазіей и абсолютизмомъ была обусловлена вторымъ соображеніемъ, нынѣшній романъ той же буржуазіи съ бренными останками былого абсолютизма, гдѣ таковые еще сохранились, объясняется первымъ соображеніемъ. «На самомъ дѣлѣ,—говоритъ Каутскій,—надежды буржуазіи въ Германіи уже не покоятся на парламентаризмѣ, она уже не надѣется болѣе, что эта система ей обезпечитъ господство при всякихъ обстоятельствахъ; ея надежды покоятся на *слабости* германскаго парламентаризма, я хочу сказать—на фактическомъ владычествѣ въ Германіи абсолютизма и феодализма» **). Именно это обстоятельство и вдохнуло жизнь и силу въ абсолютистскіе пережитки прусско-германскаго строя, хотя «абсолютизмъ» и въ Пруссіи, и въ Германской имперіи, конечно, не существуетъ; именно эти «надежды» и сообщили бреннымъ останкамъ абсолю-

---

*) Abbé Baudeau, Introduction à la philosophie économique, стр. 740, vol. II deuxième partie—Collection des principaux économistes (изд. Guillaumin, Paris, 1846) ...«Connaitre ses intérêts et y pourvoir c'est ce qu' on appelle politique».

**) Kautsky, Parlamentarisme et socialisme (Paris. 1900), стр. 163.

тизма въ Германіи весьма существенное «фактическое» значеніе.

Въ исторіи послѣднихъ столѣтій явственно могутъ быть отмѣчены два теченія: первое характеризуется борьбою буржуазіи противъ вреднаго для свободнаго развитія капиталистическихъ интересовъ общественнаго строя; второе характеризуется борьбою пролетаріата противъ буржуазіи, во имя собственной соціально-экономической эмансипаціи. Оба теченія въ свое время принимали и принимаютъ характеръ борьбы противъ данныхъ политическихъ формъ, но по обстоятельствамъ возникновенія этой борьбы оба теченія рѣзко отличны одно отъ другого.

Имущій классъ всегда и всюду *кончалъ* борьбою противъ политическихъ формъ, а классъ неимущій либо *начиналъ* такою борьбою свою самостоятельную историческую карьеру, либо уже очень скоро послѣ пробужденія классового самосознанія къ этой борьбѣ переходилъ. Для класса, владѣющаго орудіями производства, для класса, являющагося представителемъ того стремленія капитала къ прибыли, которое Зомбартъ считаетъ конечною движущею силою современнаго хозяйственнаго развитія, для класса буржуазнаго по преимуществу всегда характерна первоначальная тенденція не только не разрушать данный правительственный аппаратъ, не только всячески пытаться отдѣлить и спасти его, разрушая въ то же время главныя основы всего соціально-юридическаго строя, но, по возможности, именно имъ, этимъ правительственнымъ аппаратомъ воспользоваться какъ орудіемъ для разрушенія и правовыхъ, и соціальныхъ, и традиціонныхъ нормъ, вредящихъ капиталистическимъ интересамъ. Только тамъ и тогда, гдѣ и когда правительственный организмъ рѣшительно обнаруживалъ неспособность къ этой новой навязываемой ему роли, капиталистическій классъ обращалъ всѣ свои силы противъ него,

и первоначальная тенденція смѣнялась новою цѣлью: разрушить старое правительство и захватить нужную для осуществленія классовыхъ стремленій власть въ собственныя руки. Могущественный выразитель революціоннаго начала въ области экономической и соціальной, капиталистическій классъ въ области чисто политической являлся революціонеромъ malgré lui, революціонеромъ, дѣлавшимъ все, чтобы таковымъ не стать или поскорѣе перестать таковымъ быть. Классъ же пролетарскій вступалъ на дорогу политической революціонной борьбы весьма скоро послѣ перваго своего самостоятельнаго выступленія на историческое поприще и сходилъ съ этой дороги лишь послѣ упорной борьбы, при явной безполезности дальнѣйшихъ усилій въ указанномъ направленіи, и до болѣе удобнаго ближайшаго случая.—Раньше, нежели мы остановимся на логическомъ объясненіи обоихъ отмѣченныхъ явленій, напомнимъ нѣкоторыя историческія иллюстраціи и примѣры, сюда относящіеся. Начнемъ съ класса имущаго.

VII.

Извѣстная парламентская формула, упразднившая 7-го февраля 1649 года королевскую власть въ Англіи, краткая и сухая до небрежности, читается въ главной своей части такъ: «...было найдено на опытѣ, что должность короля этой націи и принадлежность власти надъ нею какому-либо одному лицу—не необходимы, обременительны и опасны для свободы, безопасности и общественныхъ интересовъ народа, и что слѣдовательно (эта должность) должна быть уничтожена» *). Холодная дѣловитость, не

*) «...it has been found by experience..., that the office of a King in this nation and to have the power hreof in any single person is *unnecessary,* burdensome and dangerous etc.».

менѣе пуританскаго фанатизма характерная для кромвелевскаго поколѣнія, вся сказалась въ формулировкѣ этого акта: послѣ упорной десятилѣтней борьбы, послѣ нападеній открытыхъ и изъ-за угла, послѣ междусобицы, разожженной въ странѣ самымъ сильнымъ принципіальнымъ врагомъ, какого только знала когда-либо англійская конституція, спустя всего восемь дней послѣ того, какъ этому врагу отрубили, наконецъ, голову,—парламентъ, уничтожая королевское званіе, на *первомъ* мѣстѣ среди мотивовъ къ такому акту ставитъ «найденное на опытѣ» *отсутствіе необходимости* имѣть короля! Король не *необходимъ*, unnecessary, это прежде всего, а что онъ «обременителенъ» и «опасенъ»—это уже на второмъ планѣ. Кромвелевскій парламентъ зналъ, что тѣ самые широкіе слои среднихъ имущихъ классовъ, которые столь рѣшительно до сихъ поръ боролись противъ попытокъ Карла I сокрушить англійскія вольности, далеко не съ восторгомъ относятся къ казни короля и къ республиканизму «святыхъ» изъ кромвелевскихъ казармъ; законодатели 1649 года какъ бы предвидѣли, что пройдетъ нѣсколько лѣтъ и эти самые средніе слои уже громко заявятъ о «необходимости» имѣть короля, о правильности монархическихъ чувствъ аристократіи и т. д. И вотъ для кого, для какихъ читателей акта 7-го февраля нужно было прежде всего успокоительное внушеніе, что король «не необходимъ».

Эта-то безпокоящая мысль о необходимости короля, въ концѣ-концовъ, и погубила англійскую республику, когда не стало человѣка, который замѣнялъ собою короля съ 1649 года по 1658. Стоило Оливеру Кромвелю закрыть глаза, какъ всѣ старыя тревоги имущихъ классовъ всколыхнулись съ новою силою, и монархическая реставрація стала вопросомъ мѣсяцевъ. Оказалось, что мало декретировать: «король не необходимъ», чтобы этимъ обезпечить существованіе республики.

Въ Англіи мы видимъ, что имущіе классы не разубѣдились въ необходимости для нихъ монархіи даже послѣ того, какъ эта монархія рядомъ аггрессивныхъ дѣйствій довела страну до междоусобной войны. Въ предреволюціонной Франціи буржуазія упорно закрывала глаза на тѣсную связь между абсолютизмомъ и всѣмъ остальнымъ ненавистнымъ ей соціально-юридическимъ строемъ и до послѣдней минуты щадила абсолютизмъ, даже послѣ того какъ этотъ абсолютизмъ довелъ страну до полнаго упадка и истощенія.

Мы не будемъ останавливаться на томъ, что популярнѣйшій изъ «философовъ» XVIII вѣка Вольтеръ часто могъ казаться сторонникомъ «просвѣщеннаго абсолютизма»: что въ «Энциклопедіи», этомъ коллективномъ памятникѣ общественной мысли XVIII вѣка, едва-ли не доминирующая политическая нота — пристрастіе къ принципамъ, практически весьма близкимъ тому же «просвѣщенному абсолютизму» (насколько, вообще, возможно говорить о доминирующей нотѣ въ такомъ пестромъ сборномъ трудѣ, какимъ была «Энциклопедія»); мы не станемъ тутъ говорить о всѣхъ этихъ яркихъ людяхъ, наносившихъ такіе мѣткіе и непоправимые удары католицизму, іезуитамъ, феодальнымъ пережиткамъ,—но не столь для насъ здѣсь интересныхъ, какъ другіе, болѣе забытые теперь, но не менѣе вліятельные тогда дѣятели. «Философы эмансипировали умы, показали свой идеалъ, но не принесли ни догмы, ни системы, не усвоили твердо сколько-нибудь ясныя рѣшенія главныхъ политическихъ или соціальныхъ проблемъ. Исключеніе пришлось бы сдѣлать только для физіократовъ»,—справедливо сказалъ недавно одинъ изъ знатоковъ революціонной и предреволюціонной эпохи Эдмъ Шампіонъ *). И не только поэтому мы оста-

*) См. его рецензію на книгу Bayet et Albert (Les écrivains polit. du XVIII siècle), въ Chronique et bibliographie, стр. 266 vol. 48 журнала «La Révolution Française» (1905 годъ).

новимся здѣсь исключительно на физіократахъ, отстранивъ остальныхъ дѣятелей литературы XVIII вѣка. Физіократы поучительны тутъ для насъ не только ясностью своихъ политическихъ рецептовъ, но и тѣмъ, что именно ихъ школа являлась истинною идеологіею имущихъ среднихъ слоевъ Франціи во второй половинѣ XVIII столѣтія; именно ихъ школа сдѣлала опредѣленную попытку отвести абсолютизмъ отъ пропасти, къ которой онъ шелъ, и превратить его въ боевой таранъ, который уничтожилъ бы соціально-юридическія препятствія и прочистилъ бы свободный путь развитію новаго общества.

Никогда и нигдѣ уже имущіе классы не создавали и не создадутъ доктрины, которая напомнила бы хоть отдаленно физіократизмъ: *такое* предсказаніе можно сдѣлать съ увѣренностью. Des Lebens Mai blüht einmal—und nie wieder! Всякая попытка реставраціи рыцарской поэзіи въ XVII—XVIII вв. была бы смѣшна и тщетна, потому что феодализмъ себя изжилъ; всякая попытка воскресить духъ и тонъ физіократовъ въ XIX или XX вѣкѣ была бы точно также смѣшна и тщетна, потому что имущіе классы себя вполнѣ уже познали, и ихъ враги ихъ тоже вполнѣ познали. Только классъ, который исторія неудержимо влекла къ торжеству, и самосознаніе котораго не успѣвало расширяться и проясняться въ уровень съ быстротою приближенія кризиса, — только такой классъ могъ создать эту торжествующую пѣснь эксплуатаціи земли, эту поэму частной собственности и капиталистическаго накопленія; ибо если бы соціально-экономическое торжество среднихъ классовъ не надвигалось такъ фатально-неуклонно, въ физіократизмѣ не было бы столько пророческой увѣренности въ неизбѣжномъ торжествѣ главныхъ его стремленій,—а если бы самосознаніе этихъ классовъ было бы всесторонне развито, у физіократовъ не оказалось бы того проникновеннаго и

радостнаго энтузіазма, который мыслимъ только при *самомъ искреннемъ* смѣшеніи своихъ классовыхъ цѣлей съ «общечеловѣческими» идеалами. Въ XIX—XX вв. идеологія имущихъ классовъ многократно пыталась набросить на себя этотъ чарующій (на разстояніи) «общечеловѣческій» покровъ, она не разъ стремилась подставить вмѣсто слова: «буржуазія» слово: «нація», вмѣсто слова: «капиталъ»—слово: «идеалъ»,—и ровно ничего изъ этого не выходило. Попытки бывали у ихъ авторовъ отравлены ядомъ неувѣренности въ собственной своей искренности, сознаніемъ вражды и подозрѣній со стороны тѣхъ обездоленныхъ, у которыхъ судьба взяла все и которые не хотѣли, чтобъ у нихъ украли ихъ единственное наслѣдство и ихъ послѣднее достояніе: свѣтлыя слова, дававшія надежду и поднимавшія духъ.

Физіократы же искренно думали, что они своимъ ученіемъ стремятся возстановить нарушенный исторіею законъ природы, что все человѣчество отъ короля до послѣдняго нищаго заинтересовано въ осуществленіи ихъ идей, и что осуществленіе это начнетъ благодатную для всѣхъ эру во всемірной исторіи. И во всемъ этомъ они были убѣждены настолько, что выражали мысли свои цѣликомъ, гнушаясь какихъ бы то ни было фиговыхъ листковъ. «Liberté, propriété, autorité» *),—таковъ былъ девизъ, съ которымъ они явились и котораго они непоколебимо держались. Свобода, собственность, власть—вотъ правда

*) Physiocrates, изд. Daire, vol. II, prem. partie, стр. XIV (Collection des principaux économistes, Paris, 1846). Всѣ дальнѣйшія ссылки дѣлаются на это изданіе, четыре тома котораго заняты сочиненіями физіократовъ. Эти томы слѣдующіе: II—première partie, II—deuxième partie, III и IV (послѣдніе два—исключительно сочиненіями Тюрго). Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ цифры: II—1, II—2, III и IV, поставленныя послѣ названія того или иного сочиненія физіократовъ, будутъ обозначать соотвѣтствующій томъ указанной коллекціи, гдѣ сочиненіе помѣщено.

буржуазной предреволюціонной идеологіи; свобода, равенство, братство—вотъ ложь буржуазной революціи. Второй девизъ настолько же болѣе великъ и возвышенъ, чѣмъ первый,—насколько первый былъ ближе и нужнѣе имущимъ классамъ, нежели второй. Вотъ почему «liberté, égalité, fraternité»—есть «возвышающій» буржуазію «обманъ», а «liberté, propriété, autorité»—есть одна изъ «тьмы» важныхъ и нужныхъ ей «низкихъ истинъ».

И основатель физіократической школы Кенэ, и всѣ его послѣдователи постоянно подчеркиваютъ всеобщность и одинаковость интересовъ и стремленій, которые они отстаиваютъ, благость этихъ стремленій для «всѣхъ»; и характернѣе всего поясняется эта мысль, напр., тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о налогахъ. «Собственники, государь, и вся нація весьма заинтересованы въ томъ, чтобы налогъ цѣликомъ падалъ непосредственно на земельный доходъ» и т. д., читаемъ мы у Кенэ *). На первомъ планѣ собственники, затѣмъ стражъ собственности государь, а за нимъ «вся нація», и всѣ они одинаково заинтересованы въ томъ-то и въ томъ-то,—таковъ *способъ мышленія* у физіократовъ, ибо это у нихъ больше, чѣмъ фраза, больше, чѣмъ формула. Быть можетъ, изъ послѣдователей теоріи естественнаго права физіократы больше всѣхъ остальныхъ могутъ назваться послѣдовательными оптимистами. Они утверждаютъ, что «законы природы» такъ хороши, такъ полно и разумно могутъ устроить человѣческую жизнь, такъ разсчитаны на водвореніе всеобщаго счастья, что наилучшимъ законодателемъ въ людскомъ обществѣ всегда будетъ тотъ, который будетъ лишь формулировать эти предвѣчные тезисы естественнаго права, а не выдумывать свои законы. Но что-же такое естественное право? «Естественое право есть право человѣка на вещи, годныя

---

*) Quesnay, Analyse du tableau économique, II—1, стр. 61.

для его пользованія» *); высшія нравственныя понятія вытекаютъ отсюда логически: «справедливость есть естественное и верховное, признанное свѣтомъ разума правило, которое явно опредѣляетъ, что принадлежитъ тебѣ и что — другому» **). Установленіе правительственной власти, общественныя формы «зависятъ отъ большаго или меньшаго количества имуществъ, которыми каждый обладаетъ или можетъ обладать, и которыя онъ хочетъ сохранить въ своей собственности и въ цѣлости». Устройство государственнаго союза выгодно людямъ, ибо они, отдаваясь подъ опеку власти ***), «сильно расширяютъ для себя возможность быть собственниками». Формы правленія бываютъ различны, но всѣ онѣ одинаково никуда не годятся съ того момента, какъ перестаютъ защищать собственность и свободу. Но что же это за «свобода»? Физіократы прежде всего понимаютъ свободу, какъ нестѣсняемое никѣмъ и ничѣмъ право пользоваться всѣми своими физическими и духовными способностями для законнаго добыванія и увеличенія своей собственности, и какъ обезпеченность, вмѣстѣ съ тѣмъ, своей личности отъ посягательствъ произвола. Но произволъ у физіократовъ, обыкновенно, мыслится лишь со стороны частныхъ лицъ дурной нравственности, а не со стороны «опекающей власти», и они не устаютъ доказывать, что одно изъ серьезнѣйшихъ условій для цѣлесообразнаго функціонированія власти есть, именно, ея полнота и неограниченность. Одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и увлекающихся физіократовъ, Дюпонъ де-Немуръ, написалъ въ 1768 году, т.-е. какъ разъ въ эпоху самаго наглаго произвола Лю-

*) Систематичнѣе всего взгляды школы на естеств. право выражены въ небольшомъ трактатѣ Кенэ «Le droit naturel», стр. 41—55, vol. II—1.

**) Quesnay, Le droit naturel, II—1, стр. 43.

***) ... autorité tutélaire... ibid., 51.

довика XV, трактатъ «О происхожденіи и успѣхахъ новой науки». Въ этомъ трактатѣ мы читаемъ слѣдующія, взятыя въ видѣ эпиграфа, восторженныя слова: «Думать, что все уже открыто, есть глубокое заблужденіе; это значитъ принимать горизонтъ за край свѣта». И дѣйствительно, Дюпонъ де-Немуръ, съ столь характернымъ для физіократовъ энтузіазмомъ, силится установить новыя перспективы жизни, новые идеалы, открыть родникъ неизсякаемаго счастья для человѣчества и т. д.,—и дѣлаетъ все это, излагая доктрину Кенэ съ собственными поясненіями. И вотъ что мы читаемъ въ этой книгѣ, которой предпосланъ столь смѣлый эпиграфъ, и которая написана съ такимъ подъемомъ духа: «соціальные законы, установленные Высшимъ Существомъ, предписываютъ единственно сохраненіе права собственности и неразлучной съ нимъ свободы» *). Что же должна дѣлать верховная власть? Дюпонъ де-Немуръ, какъ всѣ другіе физіократы, ему современные, и какъ всѣ манчестерцы, въ слѣдующимъ вѣкѣ явившіеся, склоненъ больше останавливаться на томъ, чего *не* должно дѣлать правительство, а не на томъ, что оно *должно* дѣлать. Правительство должно не мѣшать пользованію правомъ собственности: «если приказы государей противорѣчили бы законамъ соціальнаго порядка, если бы эти приказы воспрещали почитать собственность, если бы они требовали сожженія жатвы, если бы они предписывали принесеніе въ жертву маленькихъ дѣтей, то это не были бы законы, это были бы безумные акты, ни для кого не обязательные» **). Итакъ, государи не должны воспрещать почитаніе собственности, не должны распоряжаться насчетъ уничтоженія жатвы и маленькихъ дѣтей: при этомъ легко выпол-

*) Dupont de Nemours, Origine et progrés d'une science nouvelle. стр. 347, II—1.

**) Ibid., 347, II—1.

нимомъ условіи, власть ихъ со стороны смѣлаго энтузіаста ничѣмъ болѣе не ограничивается. Власть исполнительная, какъ и власть законодательная, должны быть сосредоточены въ единомъ лицѣ государя, которому должны принадлежать безраздѣльно и исключительно. Если судьи должны быть самостоятельны,—то также затѣмъ, чтобы лучше служить государю, охраняя его отъ невольныхъ ошибокъ. Ибо государи, по мнѣнію Дюпонъ де-Немура, могутъ ошибаться лишь ненамѣренно, невольно. «Когда у государей вкрадывается ошибка въ ихъ положительныя распоряженія, то это можетъ случиться лишь невольно,— и судьи служатъ имъ (государямъ) полезно, вѣрно и *религіозно*, давая имъ замѣтить эти невольныя ошибки» *). Интересы монарха (и именно наслѣдственнаго **) вполнѣ тождественны съ интересами его подданныхъ, а посему, естественно, подданные вовсе и не нуждаются въ ограниченіи или умаленіи власти монарха, да и монархъ съ «ариѳметическою» необходимостью всегда будетъ стараться дѣлать все на пользу общую, каковая общая польза есть eo ipso его польза личная.

Другой выдающійся послѣдователь доктора Кенэ — Мерсье де-ла-Ривьеръ, придерживался подобныхъ же воззрѣній насчетъ существа политической власти. Онъ съ любовью и восторгомъ останавливается на «легальномъ деспотизмѣ», какъ на идеальной формѣ правленія, и рѣзко противопоставляетъ его «деспотизму произвольному» ***). Какая же разница? Вотъ какая: «легальный деспотизмъ» основываетъ всѣ дѣйствія свои на «очевидности» пользы

---

*) Dupont de Nemours, op. cit., стр. 350.

**) ...il n'y a que les monarques héréditaires dont tous les intérêts personnels et particuliers, présents et futurs, puissent être intimement sensiblement et manifestement liés avec celui de leurs nations... стр. 360, II—1.

***) Mercier de la Rivière, L'ordre naturel des societés politiques, стр. 469, II—2.

этихъ дѣйствій для людей; легальный деспотизмъ есть средоточіе всѣхъ людскихъ воль и орудіе осуществленія общихъ желаній, онъ согласенъ съ «законами природы», онъ необходимъ, и поэтому непоколебимъ и незамѣнимъ. Какъ извѣстно, по рекомендаціи князя Голицына, восхитившагося книгою Мерсье де-ла-Ривьера, Екатерина II вызвала этого физіократа въ Россію для совѣтовъ и соображеній (дѣло было какъ разъ когда собиралась въ Москвѣ знаменитая «комиссія для составленія проекта новаго уложенія»). Но оба эти лица—и Екатерина, и ея гость, разстались холодно, и весь эпизодъ ни къ какимъ послѣдствіямъ не повелъ. Судя по всему, «деспотизмъ» Екатерины II показался физіократу не вполнѣ «легальнымъ». А такъ какъ и современный ему французскій абсолютизмъ тоже вовсе не удовлетворялъ желаніямъ физіократовъ, то тѣмъ характернѣе ихъ вѣчная, неослабѣвающая привязанность къ этой формѣ правленія, идеализація ея. Для физіократовъ преимущество абсолютизма предъ всякой иной формою правленія есть такая неоспоримая истина, принципъ неограниченности государя заключаетъ въ себѣ такую нетлѣнную красоту, что никакія «преходящія», «случайныя» отклоненія и эксцессы не въ силахъ никогда были поколебать это почтеніе къ абсолютизму. Онъ для нихъ нуженъ и важенъ, какъ охрана собственности, какъ наилучшій по ихъ мнѣнію видъ и способъ этой охраны. Физіократъ, еще болѣе талантливый и вліятельный, нежели Мерсье де-ла-Ривьеръ, аббатъ Бодо не только уподобляетъ, но прямо приравниваетъ государя къ отцу семейства *), и признавая необходимость бюрократіи (онъ чиновниковъ называетъ—agents mandataires или représentants du souverain), вполнѣ

*) Baudeau, Introduction à la philosophie économique (стр. 670, II—2): le chef de la grande famille qui est le souverain...

отчетливо устанавливаетъ, что исполнители верховной воли за свои поступки по части службы отвѣтственны предъ этою же верховною властью. Въ видѣ образца того, «до какого совершенства можетъ быть доведена администрація» *), въ видѣ достойнаго всяческихъ подражаній примѣра «благого и мудраго управленія», Бодо съ полнымъ восторгомъ указываетъ на египетскихъ фараоновъ и другихъ представителей древневосточнаго абсолютизма. При этомъ абсолютизмѣ создавались плотины, проводились каналы, устраивались прочнѣйшія сооруженія, обезпечивалось правильное орошеніе земли, прокладывались дороги, а потому и управленіе, существовавшее въ этихъ странахъ въ древности, должно быть признано идеальнымъ. Въ Месопотаміи, въ Египтѣ, въ древне-американскомъ Перу, въ Китаѣ,—вотъ гдѣ нужно искать идеалъ государственной мудрости. И идея о величіи этого управленія «есть коренная идея, которую необходимо прочно запечатлѣть въ умѣ всѣмъ тѣмъ, кто желаетъ заниматься экономическою философіею». Бодо, поэтому, недоволенъ излишнимъ увлеченіемъ классическими народами, которыхъ столь чтитъ «педантизмъ», царящій въ коллежахъ. Нужно восхищаться не греками и римлянами, а «четырьмя націями, истинно славными: халдеями, египтянами, перувіанцами и китайцами» **). Безпристрастный Бодо хвалитъ за хорошее управленіе и Голландію, но все же, по его мнѣнію, эта страна только «приблизилась» къ вышеназваннымъ четыремъ націямъ.

Возвращаясь уже совсѣмъ въ другой связи и въ другомъ мѣстѣ своего обширнаго трактата къ вопросу о формахъ правленія, Бодо, не колеблясь, признаетъ лучшею изъ нихъ «теократію», въ примѣръ каковой беретъ мо-

---

*) Baudeau, op. cit., II—2, стр. 680.

**) Ibid., стр. 681.

нархію китайскаго императора, «сына Неба» *). Принципъ, по которому государь есть представитель Бога на землѣ и выразитель воли Божьей, есть принципъ «святой и возвышенный», и Бодо съ любовью останавливается на томъ, съ какимъ обожаніемъ и покорностью китайцы относятся къ повелѣніямъ своего властителя. Но, вотъ, за то къ республикамъ древней Греціи, «которыя никогда не знали законовъ природы», нашъ авторъ относится съ явнымъ недоброжелательствомъ и находитъ, что «ихъ лѣтописи представляютъ лишь непрерывное зрѣлище ужасныхъ посягательствъ противъ мира и счастья человѣчества»**). И хотя онъ, въ концѣ концовъ, склоненъ признать право на существованіе и иныхъ формъ правленія, но наслѣдственный абсолютизмъ, въ родѣ китайскаго, самымъ явнымъ образомъ имѣетъ на своей сторонѣ всѣ симпатіи аббата Бодо. Нечего и говорить, что, подобно всѣмъ другимъ физіократамъ, онъ все время силится отдѣлить отъ этой формы правленія понятіе «произвола» и «деспотизма»; но, какъ и они, ограничивается въ этомъ смыслѣ лишь декламаціей о сообразности благодѣтельной власти съ «законами природы» и т. д. О психологической сущности этой декламаціи, столь пустой и ненужной на первый взглядъ, у насъ рѣчь пойдетъ нѣсколько дальше: этотъ предметъ тѣсно связанъ съ идейнымъ разрывомъ между tiers état и абсолютизмомъ Бурбоновъ, а самый разрывъ этотъ совершенно неуяснимъ безъ анализа исторической роли Тюрго. Къ Тюрго, этому выдающемуся физіократу-теоретику и самостоятельному физіократу-практику, мы теперь и обратимся.

---

*) Baudeau, Introduction à la philosophie économique, II — 2, стр. 798.

**) Baudeau, op. cit. II—2, стр. 800.

VIII.

Конечно, Тюрго насъ здѣсь интересуетъ исключительно съ точки зрѣнія отношенія къ абсолютизму, все остальное въ этой сложной и разносторонней индивидуальности будетъ оставлено нами въ сторонѣ. Историческія судьбы какъ-будто нарочно захотѣли въ лицѣ явившагося во дворцѣ физіократа-министра свести лицомъ къ лицу абсолютизмъ съ «третьимъ сословіемъ», съ представителемъ самой законченной доктрины, какую только создало за весь XVIII вѣкъ классовое чувство имущихъ среднихъ круговъ Франціи. Ибо физіократическая доктрина владѣла всецѣло этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, и еще его служба въ качествѣ лимузэнскаго интенданта была одною долгою попыткою примѣнять на практикѣ экономическіе завѣты Кенэ и его учениковъ. Типично для Тюрго (какъ и для всей этой школы), что во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ исходилъ изъ убѣжденія въ универсальной благости рецептовъ физіократизма. «Облегченіе страждущихъ людей есть общій долгъ и общее дѣло»,—такъ начинается одна его инструкція къ подчиненнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ *). Къ королевской власти онъ съ молодости относился съ благоговѣніемъ. «О, Людовикъ! — восклицалъ онъ, обращаясь риторически къ тѣни Людовика XIV, — какое величіе тебя окружаетъ! Какой блескъ распространила твоя рука въ области всѣхъ искусствъ! Твой счастливый народъ сталъ центромъ изящества **)». Даже и Людовикъ XV иной разъ кажется ему на самомъ дѣлѣ достойнымъ названія «bien-aimé» ***),

*) Notice historique, стр. XLIV, vol. III (указъ изданъ въ Principaux Economistes).

**) Turgot (Oeuvres diverses). Discours en Sorbonne, стр. 611, vol III.

***) Turgot, ibid., стр. 597, vol. III.

и, обращаясь къ этому человѣку, онъ съ жаромъ настаиваетъ, будто сердце «возлюбленнаго монарха» цѣнитъ тронъ лишь какъ средство дѣлать людей счастливыми...

И вотъ, въ 1774 году Тюрго зовутъ въ королевскій кабинетъ, и онъ выходитъ отъ Людовика XVI облеченный властью дѣлать то, что найдетъ нужнымъ для спасенія страны отъ разоренія и банкротства. Никогда ни одинъ абсолютизмъ не находилъ въ трудную для себя минуту такихъ безкорыстныхъ и умныхъ помощниковъ и слугъ Прусскій абсолютизмъ 1848 г. имѣлъ, правда, при себѣ въ качествѣ вѣрнаго рыцаря фонъ-Радовица, но фонъ-Радовицъ, отличаясь безкорыстіемъ,—умомъ отнюдь не блисталъ и ни малѣйшаго представленія объ исторической сущности своей эпохи не имѣлъ (и такъ и скончался, ни разу «не пріійдя въ сознаніе», если можно употребить здѣсь подобное выраженіе); абсолютизмъ въ другихъ странахъ въ послѣднія свои минуты не имѣлъ даже и такихъ людей, какъ Радовицъ. Были алчные и свирѣпые дѣльцы, неразрывно связавшіе свою судьбу съ судьбою защищаемой ими формы правленія; были воры и грабители, оборонявшіе свой притонъ; былъ иногда полный комплектъ лицъ, какъ-бы взятыхъ непосредственно изъ альбома Ломброзо; были иной разъ курьезные литературно-политическіе археологи, силившіеся подыскать сентиментально - «историческое» оправданіе и возвести въ культъ деспотическую власть, но толку и истинной помощи абсолютизму отъ нихъ всѣхъ было довольно мало. Всѣ они на перебой, съ торопленною ретивостью, крали, лгали, убивали, и думали, что этимъ задержать революцію или, еще лучше, уничтожатъ ее окончательно. Но Тюрго рядомъ съ ними не было.

Тюрго былъ силенъ тѣмъ, что для него спасеніе абсолютизма было дѣломъ второстепеннымъ, а дѣломъ первостепеннымъ и, по его мнѣнію, предрѣшающимъ спасеніе

абсолютизма—было уничтоженіе тѣхъ путъ и препятствій, которыя мѣшали правильному развитію новыхъ экономическихъ отношеній. На самомъ дѣлѣ соціально-экономическое преобладаніе буржуазіи неминуемо должно было привести и къ политическому ея владычеству и, слѣдовательно, къ крушенію абсолютизма,—но сдѣлать менѣе болѣзненнымъ процессъ этотъ могла бы только мирная ликвидація стараго гражданскаго права и старыхъ путъ, лежавшихъ на экономической жизни страны, та ликвидація, первые шаги къ которой сдѣлалъ Тюрго въ короткое свое министерство. Его сила, повторяемъ, была въ постановкѣ вопроса, въ томъ, что онъ понялъ *непосредственныя* требованія жизни, предъявленныя къ абсолютизму, и попытался эти требованія удовлетворить; а его слабость заключалась въ томъ, что Тюрго, какъ и всѣ физіократы, разсчитывалъ безъ хозяина, не принимая вовсе въ расчетъ генетическихъ свойствъ абсолютистскаго организма, и полагая, что абсолютизмъ съ требованіями жизни примирится и подчинится безъ предварительной пробы силъ въ борьбѣ.

Мы не полагаемъ, чтобы возможно было физіократической школѣ приписать хоть въ самомъ условномъ смыслѣ матеріалистическое истолкованіе исторіи; у этой школы вполнѣ выработанной и опредѣленной историко-философской системы, вообще, было бы напрасно искать. Но они до такой степени колоссальное, всеобусловливающее значеніе придавали постановкѣ земледѣльческой культуры, такъ много связывали съ вопросомъ о землевладѣніи, этой преобладавшей въ тогдашней Франціи формѣ капитала, такъ всецѣло строили всю свою систему на краеугольномъ камнѣ святости частной собственности и ея охраны,—что иной разъ чтеніе ихъ трактатовъ можетъ внушить мысль о близости ихъ мышленія къ историко-матеріалистическому *методу*. Во всякомъ случаѣ, Тюрго, какъ и

прочіе физіократы, отъ послѣдовательнаго примѣненія этого метода были далеки; они знали, что нужно землевладѣльцамъ, но они упорно отказывались признавать реальность факта, стоявшаго у нихъ предъ глазами: обособленности интересовъ абсолютизма отъ интересовъ растущаго капитала и его представителей. Кучка людей, управлявшая Франціей, бравшая себѣ и одѣлявшая своихъ слугъ всѣмъ тѣмъ, что можно было взять и чѣмъ можно было одарить, эта кучка, жившая привилегіями и своимъ унаслѣдованнымъ исключительнымъ положеніемъ, — не хотѣла и не могла разставаться съ существующими порядками. Нельзя даже сказать, что абсолютизмъ былъ окруженъ всѣмъ дворянствомъ и всѣмъ духовенствомъ. Нѣтъ; это было бы не вполнѣ точно. Революція показала даже, что очень многіе члены сельскаго духовенства, какъ и многіе члены дворянскаго сословія, были вовсе не на сторонѣ абсолютизма. При дворѣ и отъ двора питались высшіе аристократическіе роды, всѣми богатствами церкви пользовались высшія духовныя лица, абсолютизмомъ держалась рать высшихъ административныхъ лицъ военнаго и гражданскаго вѣдомства, откупщики государственныхъ налоговъ, наконецъ, просто миріады авантюристовъ обоего пола, получавшихъ пенсіи или еще только мечтающихъ получить таковыя. Все это вмѣстѣ составляло какъ бы отдѣльный классъ, пополнявшійся представителями большею частью изъ двухъ высшихъ сословій, но имѣвшій, кромѣ общесословныхъ, свои обособленные интересы. *Этотъ* классъ твердо зналъ, что ужъ ему-то — гибель отъ всякой серьезной попытки измѣнить порядокъ вещей. Это были изъ привилегированныхъ привилегированные, абсолютизмъ для нихъ былъ не только жандармомъ-охранителемъ привилегій, какъ для общей массы дворянства и духовенства, но и непосредственнымъ источникомъ доходовъ, подателемъ

средствъ къ существованію. Для *этого* класса примириться съ реформами Тюрго было совершенно немыслимо, и Тюрго, еще не приступая къ дѣятельности, зналъ a priori, что борьба предстоитъ съ этими людьми жесточайшая. Онъ только ошибся, полагая, что сможетъ ихъ побѣдить, и надѣясь, что возможно будетъ направить абсолютизмъ противъ интересовъ того класса, который былъ съ этимъ абсолютизмомъ связанъ многовѣковыми тѣснѣйшими матеріальными и моральными узами. Подобно всѣмъ физіократамъ, Тюрго мыслилъ абсолютизмъ въ видѣ какого-то остраго меча, которымъ свободно можно разсѣчь запутанные узлы соціальной жизни: стоитъ только, чтобы какой-нибудь подходящій l'homme de la vertu взялся за рукоятку. Что это вовсе не такъ, что абсолютизмъ на самомъ дѣлѣ превратился въ своеобразную компанію на паяхъ, эксплоатирующую экономическія силы Франціи, что абсолютизмъ уже не отдѣлится отъ тѣхъ, которые около него питаются и изъ среды которыхъ онъ вербуетъ себѣ слугъ и помощниковъ, — это Тюрго окончательно узналъ не въ 1774 году, когда онъ вступалъ въ должность, а въ 1776 году, когда король отпустилъ его съ неудовольствіемъ. Искренняя фантазія, или «условная басня», но теорія физіократовъ о мудрой монархіи, не похожей, невзирая на свою неограниченность, на монархію «произвольную», — эта теорія физіократовъ, посредствомъ которой они какъ бы давали урокъ и увѣщаніе французскому абсолютизму, владѣла и умомъ Тюрго, когда онъ начиналъ свою дѣятельность. Онъ отдѣлялъ абсолютную монархію отъ той реальной почвы, на которой она высилась, и полагалъ, что ее съ этой почвы сдвинуть не разрушая будетъ возможно. Монархія съ этой почвы была сдвинута и разрушена—уже революціей, а планъ Тюрго остался невыполненнымъ.

Тюрго, трезвый и методическій Тюрго, въ 1774 году

былъ еще мечтателемъ, носившимъ въ своемъ воображеніи физіократическую сказку о мудрой монархіи. Возвратясь отъ короля послѣ того свиданія, когда Людовикъ XVI вручилъ ему власть, Тюрго написалъ королю письмо, имѣющее большой историческій интересъ *). Въ этомъ письмѣ, написанномъ, какъ онъ признается королю, въ первомъ волненіи послѣ принятія своего многотруднаго поста, Тюрго категорически заявляетъ о необходимости ввести строгую экономію и не расточать деньги въ пользу тѣхъ, которые объ этихъ милостяхъ просятъ короля и вѣчно получаютъ искомое.

Тюрго прямо называетъ это множество просьбъ «однимъ изъ величайшихъ препятствій» къ экономіи. «Нужно, государь, Вамъ вооружиться противъ Вашей доброты— Вашею же добротою; нужно разсмотрѣть, откуда приходятъ къ Вамъ деньги, которыя Вы можете раздавать Вашимъ придворнымъ, нужно сравнить нищету тѣхъ, у которыхъ приходится иногда эти деньги вырывать при помощи самыхъ суровыхъ мѣропріятій — съ положеніемъ лицъ, предъявляющихъ больше всего правъ на Ваши щедроты». Тюрго знаетъ, что онъ обидитъ огромную, могущественную и алчную толпу, кормящуюся около абсолютизма, и надѣется при этомъ на... абсолютизмъ.

«Принимая должность,—пишетъ онъ королю въ томъ же письмѣ **),—...я чувствовалъ всю опасность, которой я подвергалъ себя. Я предвидѣлъ, что мнѣ придется одному бороться противъ злоупотребленій всякаго рода, противъ усилій тѣхъ, которые пользуются выгодами отъ этихъ злоупотребленій, противъ массы предразсудковъ, противящихся всякой реформѣ и являющихся столь могуще-

*) Lettre de Turgot au roi contenant ses idées générales sur le ministère des finances qui venait de lui être confié. Actes du ministère de Turgot. стр. 165—169, vol. IV.

**) Actes du ministère de Turgot. IV, 168 (éd. cit.).

ственнымъ средствомъ въ рукахъ тѣхъ людей, которые заинтересованы въ увѣковѣченіи безпорядковъ. Мнѣ придется бороться даже противъ природной доброты, противъ благородства Вашего Величества и лицъ, наиболѣе Вамъ дорогихъ. Меня будутъ бояться, я буду ненавидимъ большею частью двора, всѣми тѣми, кто хлопочетъ о милостяхъ. На меня будутъ сваливать вину за всѣ отказы, меня будутъ изображать суровымъ человѣкомъ, потому что я буду представлять Вашему Величеству, что Вы не должны обогащать даже тѣхъ, кого Вы любите, на счетъ народныхъ средствъ».

Такъ писалъ Тюрго въ 1774 году. А въ 1776 году онъ уже былъ сломленъ, и почти тотчасъ же главнѣйшія его реформы были взяты назадъ, и старыя злоупотребленія и хищенія возобновились. Всѣ попытки хоть немного справедливѣе разложить подати и повинности, уничтожить цехи, облегчить внутренній торговый обмѣнъ, всѣ (первые только) приступы къ осуществленію задуманнаго плана—превратить абсолютизмъ Бурбоновъ въ мудрую «экономическую монархію», о которой мечтали физіократы,—все это погибло послѣ паденія Тюрго почти всецѣло (за вычетомъ несущественныхъ, непринципіальныхъ частностей); погибли и планы экономіи въ расходованіи суммъ на аристократическихъ просителей. И впослѣдствіи, въ министерство Неккера, эти суммы расшвыривались еще шире и опрометчивѣе, чѣмъ даже при Людовикѣ XV; когда же въ 1781 году палъ и Неккеръ, и воцарилась уже откровенная, ничѣмъ не прикрытая реакція, это расхищеніе народныхъ денегъ стало практиковаться поистинѣ въ грандіозныхъ размѣрахъ.

Новый классъ, классъ, которому суждено было будущее, который уже былъ силенъ экономически, и долженъ былъ стать силенъ въ политическомъ отношеніи, послалъ парламентера — Тюрго—въ станъ абсолютизма.

Сдѣлка не состоялась; абсолютизмъ отъ всего стараго строя жизни оказался неотдѣлимымъ. Политическая часть теоріи физіократовъ оказалась легендою, утопическимъ вымысломъ. И вся масса привилегированныхъ и, особенно, небольшой, но могущественный классъ людей, кормившихся непосредственно при абсолютизмѣ, — явились непреоборимыми для Тюрго врагами и побѣдили его.

Какъ нами было отмѣчено еще въ первой главѣ этого очерка, неизбѣжность политической революціи массою общества, даже опозиціонною, вовсе не была понята ни послѣ паденія Тюрго, ни послѣ отставки Неккера, ни въ эпоху реакціи 1780-хъ годовъ. И, тѣмъ не менѣе, революція стала на очереди дня. Абсолютизмъ загородилъ собою путь къ разрушенію старыхъ феодальныхъ пережитковъ, стараго уклада жизни, — и этимъ самымъ принялъ на себя первые удары. Участь Тюрго и его реформъ являлись нагляднымъ доказательствомъ всей тщеты и искусственности физіократическихъ воззрѣній на абсолютизмъ. И понадобилось всего нѣсколько лѣтъ, чтобы мысль о возможности употребить абсолютную власть короля себѣ на пользу, смѣнилась у имущихъ круговъ общества мыслью о непригодности и архаичности этой власти и сознаніемъ необходимости за нее приняться и ее уничтожить. Эта мысль распространялась постепенно, и только уже послѣ созыва генеральныхъ штатовъ и явно выраженной королемъ тенденціи стать на сторону привилегированныхъ сословій, — вопросъ объ уничтоженіи абсолютизма сталъ окончательно въ центрѣ общественнаго вниманія, наряду съ вопросомъ объ уничтоженіи сословныхъ привилегій.

IX.

Если исторія Франціи во второй половинѣ XVIII вѣка показываетъ, что заинтересованные въ реформѣ соціально-правового строя имущіе круги стремятся, насколько возможно, избѣжать конфликта съ государственною властью и, напротивъ, чуть не до послѣдней минуты надѣются сдѣлать эту власть орудіемъ нужной имъ реформы, если, какъ уже было упомянуто, исторія Англіи въ XVII столѣтіи показываетъ, что даже въ разгарѣ революціи имущіе классы съ опаскою относились къ уничтоженію стараго политическаго строя и всѣми силами постарались его реставрировать, какъ только къ этому представился случай, — то аналогичные факты даетъ намъ исторія и иныхъ западно-европейскихъ странъ. Буржуазія всюду въ западной Европѣ толкалась къ политической революціи какъ бы противъ воли, потому только, что абсолютизмъ явственно становился въ положеніе защитника всѣхъ основъ стараго соціально-юридическаго порядка и дѣлалъ, такимъ образомъ, свое низверженіе логическою предпосылкою ко всякому мало-мальски существенному измѣненію общественнаго быта. Исторія Пруссіи и Австріи, напримѣръ, дала въ 1848 году образецъ того, до какой степени именно эта сторона дѣла—*политическая часть* революціи безпокоитъ буржуазію въ моменты острыхъ кризисовъ: реакція 1850-хъ годовъ слишкомъ ясно показала, до какихъ размѣровъ можетъ дойти этотъ испугъ имущихъ классовъ предъ дѣломъ, которое они только-что готовы были съ гордостью называть дѣломъ рукъ своихъ, — предъ низверженіемъ абсолютизма, если только имущіе круги видятъ на аренѣ борьбы угрожающее присутствіе еще и «третьихъ лицъ», т.-е. пролетаріата. При свѣтѣ исторіи 1848—1849 г.г. особенно ясною ста-

новится и психологія лондонскаго Сити, ликовавшаго по поводу гибели республики въ 1660 году, и психологія физіократовъ, такъ убѣдительно и настойчиво предлагавшихъ абсолютной монархіи перейти на сторону ихъ идей,— не утрачивая прерогативъ своей неограниченности. Таковы факты. Психологія ихъ весьма проста и понятна: потрясеніе политической власти колебало все государственное зданіе, грозило долгою смутою, было чревато опасностями для существовавшаго распредѣленія имуществъ. Миновать «чашу сію», приспособить мирнымъ путемъ правительственный организмъ къ своимъ потребностямъ въ коренной общественной реформѣ—вотъ что было всегда и всюду мечтою имущихъ классовъ въ предреволюціонный періодъ; эта же психологія обусловливала въ серьезнѣйшей степени наступленіе политическихъ реакцій и реставрацій въ періодъ послѣ-революціонный.

Позволительно-ли, примѣняя методъ аналогіи, сказать, что въ русской революціи этотъ моментъ, моментъ готовности буржуазіи къ хотя бы частичной реставраціи стараго строя уже наступилъ? Нѣтъ, непозволительно. Непозволительно прежде всего потому, что, какъ предостерегаетъ совершенно справедливо Джемсъ Брайсъ, методъ аналогій способенъ очень легко ввести въ невылазныя дебри ошибокъ и произвольностей,—стоитъ только слишкомъ ему довѣриться. Русская революція особенно сложна и поэтому особенно трудна для оперированія надъ нею при помощи метода аналогіи. Революція наступила въ Россіи въ такой моментъ ея экономическаго развитія, который уже самъ по себѣ страшно затрудняетъ аналогіи. Вѣдь для русской капиталистической буржуазіи уже и рѣчи быть не можетъ о томъ, чтобы оставить всю полноту власти въ бюрократическихъ рукахъ, потому что для нея дѣло идетъ вовсе не объ уничтоженіи тѣхъ или иныхъ вредныхъ стѣсненій (въ родѣ цеховъ XVIII вѣка и т. п.).

а о дѣйствительномъ и рѣшительномъ вліяніи на всю экономическую политику. Капиталистическое развитіе Россіи находится теперь уже въ той стадіи, когда значеніе *торговой политики* слишкомъ повелительно, слишкомъ громко и недвусмысленно о себѣ заявляетъ, болѣе повелительно, нежели во Франціи 1789 года, или въ германскихъ государствахъ 1848 года. «Правильная или неправильная торговая политика, — говоритъ Шмоллеръ, — являлась и является причиною перваго порядка для возвышенія и гибели народовъ и государствъ вообще» *). Что такое была торговая политика самодержавной бюрократіи, извѣстно въ Россіи многимъ, а чувствуютъ это въ большей или меньшей степени всѣ. Торговый договоръ, заключенный въ 1904 году послѣ свиданія Витте съ Бюловымъ въ Нордернеѣ и закабалившій Россію на много лѣтъ, является лишь однимъ изъ многочисленныхъ образчиковъ этой торговой политики. Насколько можно при полной политической самостоятельности извѣстнаго государства закабалить его въ экономическую неволю, настолько самодержавная бюрократія это съ Россіею дѣлала путемъ торговой политики. Не ея вина, если эта кабала не оказалась вполнѣ законченной къ моменту начала крушенія абсолютизма. Капиталистическая буржуазія, проникнутая, по собственнымъ ея заявленіямъ на съѣздахъ и собраніяхъ, глубокимъ недовѣріемъ къ экономической политикѣ стараго режима, не можетъ считать своихъ самыхъ гнетущихъ *классовыхъ* потребностей удовлетворенными, пока власть окончательно не будетъ вырвана изъ прежнихъ рукъ, пока ей, этой буржуазіи, не будетъ обезпеченъ дѣйствительный и постоянный контроль надъ направленіемъ торговой и общегосударственной

---

*) Schmoller, Grundriss der allgemeinen Volkwirtschaftslehre, II, стр. 466 (Leipzig 1904).

политики. Представитель типичной капиталистической монархіи нашего времени сказалъ какъ-то *), что нынѣшняя эпоха требуетъ большаго умѣнья со стороны политическихъ дѣятелей быстро отзываться на вопросы дня, нежели въ былые годы, когда держава по двадцать пять лѣтъ копалась все надъ однимъ и тѣмъ же главнымъ вопросомъ международной политики; теперь каждый мигъ возникаютъ, исчезаютъ и вновь появляются разнороднѣйшія проблемы, изъ которыхъ каждая можетъ разрѣшиться острымъ кризисомъ. Это весьма понятно: расхватъ рынковъ становится все интенсивнѣе, международное соперничество, вопреки оптимистическому предсказанію Бокля, не думаетъ ослабѣвать съ развитіемъ цивилизаціи, и въ этой все обостряющейся борьбѣ за существованіе позволить себѣ сохранить абсолютизмъ есть слишкомъ большая «роскошь», за которую капиталистическая буржуазія столь же мало склонна расплачиваться, какъ и остальные слои населенія. Для этого класса пока абсолютизмъ *опаснѣе* революціи, опаснѣе потрясенія государственнаго зданія, потому что онъ есть опасность постоянная и ежеминутная; и вотъ почему у насъ можетъ существовать испуганная революціей «торговопромышленная партія» и нѣтъ пока испуганнаго торговопромышленнаго класса; вотъ почему эта «партія» оказалась столь растерянною и столь жалко провалившеюся на выборахъ 1906 и 1907 года. «Ея» классъ ее не поддержалъ, и эта «партія» оказалась состоящею изъ главнокомандующихъ, но безъ рядовыхъ. Эта партія оттого и провалилась, что она была выдумкою, а не отвѣтомъ на истинныя злободневныя потребности своего класса. Капиталисты весною 1906 года соціалистическаго переворота не боялись; но они

*) Graf Bülow's Reden nebst urkundlichen Beiträgen zu seiner Politik (изд. Pentzler), Leipzig 1903, стр. 91—92.

знали очень хорошо, кто для нихъ вреденъ какъ чума, какъ изнурительная язва; они знали и помнили и торговую политику, и «общую» внѣшнюю политику, и превращеніе внутренняго рынка въ скопище милліоновъ нищихъ, а предъ ними бормоталось нѣчто невразумительное о томъ, что Путиловскій заводъ намѣренъ провозгласить диктатуру пролетаріата, и что Родичевъ желаетъ образовать польскую республику. Могло-ли получиться отъ этого бормотанія что-либо реальное, хоть какой-нибудь успѣхъ? Смѣшно было и разсчитывать на это.

Въ противоположность Франціи *предъ* 1789 годомъ, буржуазія въ Россіи борется противъ абсолютизма не только потому, чтобы онъ поддерживалъ «привилегированныхъ» и старые соціально-юридическіе пережитки, а потому, что онъ самъ по себѣ есть въ ея глазахъ главное, коренное *экономическое бѣдствіе*, отъ котораго нищаетъ внутренній рынокъ, утрачивается надежда на внѣшніе, отъ котораго странѣ грозитъ опасность попасть въ экономическое рабство къ иностранцамъ; вотъ почему буржуазія съ абсолютизмомъ никакъ сторговаться не могла бы, и никакіе Тюрго нашъ абсолютизмъ даже и не тревожили своимъ появленіемъ. Въ противоположность Пруссіи и Австріи 1848—1849 г.г., буржуазія въ Россіи, благодаря несравненно большей интенсивности въ современномъ международномъ соперничествѣ, благодаря гораздо большему развитію капитализма, совершенно лишена возможности, не совершая своего рода классоваго самоубійства, мириться хотя бы временно съ нынѣшнимъ абсолютизмомъ и спасать его отъ уничтоженія, ибо абсолютизмъ въ томъ видѣ, какъ онъ еще силится удержаться, по существу своему есть полное отрицаніе всѣхъ тѣхъ условій, которыя капиталистическому производству необходимы, какъ воздухъ. Мы только-что сказали, что «роскошь» сохраненія абсолютизма капиталистическая страна теперь поз-

волить себѣ уже не можетъ; прибавимъ, что столь же теперь недоступна и роскошь десятилѣтней реакціи и фактической реставраціи абсолютизма, въ родѣ германской или австрійской реакціи 1850-хъ годовъ. Предполагать, что въ концѣ концовъ, въ дальнѣйшемъ развитіи движенія, капиталистическая буржуазія не «предастъ» революцію и не встанетъ стѣною предъ стремленіями пролетаріата, есть, конечно, соціологическій абсурдъ; но такой же соціологическій абсурдъ предполагать, что это предательство совершится теперь и въ пользу нынѣшняго абсолютизма. Капиталистическая буржуазія, быть можетъ, и много рабочей крови прольетъ, но не въ союзѣ съ нынѣшнимъ абсолютизмомъ, а въ другихъ комбинаціяхъ. Такова одна сторона дѣла, позволяющая утверждать, что кризисъ у насъ еще далекъ отъ своего конца. Есть и другая сторона, на которой также нужно остановиться.

Французскій абсолютизмъ вплоть до своей гибели аграрнаго вопроса рѣшить не могъ и не хотѣлъ; онъ погибъ, не сдѣлавши попытки привлечь на свою сторону крестьянъ уничтоженіемъ сеньеріальныхъ правъ. Мало того. Даже первыя побѣдоносныя времена революціи этотъ вопросъ сразу не уладили, и несмотря на якобы «великодушное» и нѣсколько театральное принесеніе привилегированными сословіями на алтарь отечества своихъ преимуществъ въ ночь на 4-е августа 1789 года, крестьянству понадобилось много упорства и самодѣятельности, чтобы фактически покончить съ феодальными пережитками *). Абсолютизмъ въ Пруссіи и Австріи въ эпоху 1848—1849 г.г. успѣлъ дать крестьянству рядъ уступокъ, которые, облегчая юридическое и экономическое поло-

*) Cp. Jaurès, Histoire de la Constituante, I, 759: sans la tenacité profonde du paysan, la féodalité durerait peut-être encore en partie malgré l'éblouissante nuit du 4 Août. L'exprorpriation de la féodalité s'est faite par morceaux même en pleine période révolutionnaire.

женіе крестьянъ въ серьезной степени, вдохнули въ правительственный организмъ новыя силы, и, вмѣстѣ съ испугомъ имущихъ классовъ предъ пролетаріатомъ, это обстоятельство чрезвычайно содѣйствовало длительной реакціи 1850-хъ годовъ. Что же можетъ сдѣлать русская бюрократія въ нашемъ аграрномъ вопросѣ?

Центръ тяжести нашего аграрнаго вопроса въ малоземельѣ или безземельѣ крестьянъ,—и въ этомъ главное несчастіе правительства. Капиталъ возможныхъ для него уступокъ уже истощился въ 1861 г. Реформа 19-го Февраля, дѣйствительно, подкрѣпила, выражаясь словами Герцена, «подкладкою пугачевскаго кафтана» такое одѣяніе, которое бюрократія въ цѣломъ видѣ долго бы уже не проносила. Это была прежде всего и больше всего (разсматривая дѣло съ точки зрѣнія абсолютизма) умная и своевременная реформа. Умная потому, что абсолютизмъ въ данномъ случаѣ рѣшилъ посторониться, рѣшилъ не принимать на свою грудь ударовъ неизбѣжной классовой войны, мало того, рѣшилъ вообще эту войну сдѣлать на извѣстное время ненужною — единственнымъ средствомъ, которое являлось цѣлесообразнымъ. Своевременная потому, что абсолютизмъ принялся за эту реформу, когда онъ самъ, несмотря на Крымскую войну, вовсе еще не былъ затравленъ, когда онъ еще имѣлъ подъ собою крѣпкую почву, когда соотношенія общественныхъ силъ дѣлали его господство непоколебимо-сильнымъ и полнымъ. Была предотвращена возможность въ близкомъ будущемъ крестьянской революціи (освобожденія «снизу», какъ выразился Александръ II въ рѣчи къ московскому дворянству), правовое положеніе самаго многочисленнаго слоя населенія было приведено въ соотвѣтствіе съ требованіями все болѣе развивавшейся промышленной жизни, прежде всего съ требованіемъ на свободный трудъ, на рабочія руки, — и абсолютизмъ на долгія десятилѣтія оказался обезпечен-

нымъ въ своемъ существованіи. Но что же можетъ онъ дать крестьянамъ теперь, когда для нихъ рѣчь идетъ не только объ устраненіи еще остающихся юридическихъ путъ, а прежде всего и больше всего о землѣ, о томъ или иномъ изъятіи земель отъ помѣщиковъ, о болѣе или менѣе насильственномъ, принудительномъ отчужденіи частной земельной собственности? Развѣ правящая бюрократія не является собраніемъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ? Развѣ крестьянамъ нужно еще знакомиться съ подсчетами г. Рубакина, математически это доказывающими, и съ другими данными въ этомъ родѣ, развѣ они это не чувствуютъ по злобной и отчаянной оборонѣ, которая противостоитъ всѣмъ ихъ попыткамъ найти выходъ изъ заколдованнаго круга? Развѣ бюрократію, являющуюся мечомъ и щитомъ крупнаго землевладѣльческаго класса, не окружаетъ и не поддерживаетъ всѣми силами этотъ классъ, и развѣ невѣрно разсчитываетъ бюрократія, что если и этотъ классъ отъ нея отойдетъ, то она останется окончательно одинокою? Она не можетъ приняться за добровольную экспропріацію себя самой и всего своего класса, и притомъ за экспропріацію въ тѣхъ размѣрахъ, которые мало-мальски серьезно удовлетворили бы крестьянскій голодъ по землѣ, даже если бы по какимъ-нибудь расчетамъ это сулило бы ей продленіе ея власти. Ибо ей больше власть нужна для удержанія земли, нежели земля для удержанія власти, а кромѣ того уже теперь крестьянскіе депутаты въ первой и второй Думѣ заявляли, что имъ, кромѣ земли, нужна «воля» и нужны права, хотя бы уже затѣмъ, чтобы эту будущую землю за собою закрѣпить. Значитъ, и въ неминуемой все-таки борьбѣ за власть между бюрократіей съ одной стороны и неудовлетворенною буржуазіей и городскимъ пролетаріатомъ съ другой стороны, бюрократія, *даже* рѣшившись на экспропріацію своихъ земель и земель своихъ

близкихъ, все-таки можетъ очень сильно ошибиться, разсчитывая, что крестьянство непремѣнно будетъ на ея сторонѣ. Взвѣсивъ все, она и не уступаетъ. Логика исторіи съ фатальною неизбѣжностью даетъ классовымъ стремленіямъ крестьянства, какъ и классовымъ интересамъ буржуазіи, одно направленіе, одинъ видъ: направленіе, враждебное фактически господствующему еще правительству, видъ борьбы за уничтоженіе стараго политическаго строя. И та же логика исторіи не позволяетъ этому политическому строю предпринять теперь съ надеждою на успѣхъ тѣ шаги, которые создали бы настоящую и мало-мальски длительную общественную реакцію.

Чѣмъ больше зажился на свѣтѣ абсолютизмъ, чѣмъ развитѣе капиталистическое хозяйство въ той странѣ и въ ту эпоху, гдѣ и когда ему доводится погибать, тѣмъ быстрѣе протекаетъ процесъ преображенія классовой борьбы въ борьбу противъ абсолютнаго строя. Широкій успѣхъ доктрины, въ родѣ физіократической, былъ бы немыслимъ ни въ средней Европѣ предъ 1848 годомъ, ни, тѣмъ менѣе, въ Россіи предъ 1905 годомъ. Послѣ только что сказаннаго это понятно. Въ атмосферѣ капитализма жизнь течетъ шумнѣе и быстрѣе, и все пріобрѣтаетъ, какъ будто въ увеличительномъ стеклѣ, отчетливыя формы и грандіозные размѣры. Абсолютизмъ, какъ экономическое бѣдствіе, предъ 1848 годомъ разглядѣли и оцѣнили быстрѣе, нежели предъ 1789, а предъ 1906 годомъ — быстрѣе, нежели предъ 1848 годомъ. Мы говорили до сихъ поръ объ имущихъ классахъ въ западной Европѣ и Россіи и коснулись также крестьянства. Обратимся теперь къ городскому пролетаріату.

X.

Никогда не существовало класса, который такъ скоро, почти непосредственно послѣ выступленія своего на исто-

рическую *арену*, связывалъ бы борьбу за свои классовые интересы съ борьбою за политическую власть, какъ классъ рабочій, такой, какимъ создалъ его современный капитализмъ. Это обстоятельство давно уже было отмѣчено и вызвало рядъ яростныхъ комментаріевъ, особенно въ первыя три четверти XIX вѣка, когда даже въ такъ называемой научной литературѣ принято было, говоря о рабочихъ и соціализмѣ, дѣлать большіе глаза и пугать читателя указаніями на грядущее варварство, уничтоженіе культуры, порабощеніе индивидуума и т. д. Въ особенно острые моменты, напр., послѣ іюньскихъ дней 1848 года или послѣ коммуны 1871 года, это становилось на нѣкоторое время прямо правиломъ хорошаго литературнаго тона. Въ лучшемъ случаѣ, распространялись о сумасшествіи, эпидемически овладѣвающемъ рабочими вслѣдствіе скученности и нездоровой жизни и т. п., и этимъ сумасшествіемъ объясняли отчаянныя попытки рабочихъ массъ. Что-жъ, по поводу этого курьеза можно только вспомнить слова, повторяемыя Сигеле вслѣдъ за Сеттембрини: «во всякой революціи нужны сумасшедшіе и разумные, какъ во всѣхъ великихъ дѣлахъ нужны смѣлость и благоразуміе; но въ началѣ всегда нужны сумасшедшіе» *). Эти періодическія «сумасшествія», овладѣвающія рабочимъ классомъ, были ли они «нужны»? Соціологическій методъ требуетъ, чтобы прежде всего былъ поставленъ вопросъ не о томъ. «нужно» ли для чего-либо извѣстное явленіе, а чѣмъ оно вызывается.

Мы говорили, что буржуазія давала своимъ классовымъ стремленіямъ форму борьбы за политическую власть,

---

*) Sighele «La delinquenza settaria», стр. 84:.. Ma in oqui rivoluzione ci vogliono i pazzi e i savi; come in tutte le cose grandi ci vuole l'ardire il sonno; al cominciare peró, ci vogliono sempre i pazzi.

послѣ того, какъ убѣждалась въ невозможности приспособить уже существующую политическую власть къ своимъ нуждамъ; что при этомъ, чѣмъ выше бывалъ уровень капиталистическаго развитія страны, тѣмъ скорѣе это убѣжденіе среди буржуазіи появлялось и превращалось въ idée-force. Но это свойство превращенія классовой борьбы въ политическую наблюдается въ исторіи рѣшительно всѣхъ классовъ, вообще игравшихъ хоть какую-нибудь историческую роль. «Уже это свидѣтельство исторіи, — читаемъ мы по этому поводу у одного изъ знатоковъ психологіи классовой борьбы *), — должно было бы предрасположить насъ къ той мысли, что не ошибочная теорія, а вѣрный практическій инстинктъ лежитъ въ основѣ политическихъ тенденцій различныхъ общественныхъ классовъ. Если, несмотря на полное несходство въ другихъ отношеніяхъ, всѣ классы, ведущіе сознательную борьбу со своими противниками, начинаютъ на извѣстной стадіи своего развитія стремиться обезпечить себѣ политическое вліяніе, а затѣмъ и господство, то ясно, что политическій строй общества представляетъ собою далеко не безразличное условіе для ихъ развитія. А если мы видимъ, кромѣ того, что ни одинъ классъ, добившійся политическаго господства, не имѣетъ причинъ раскаиваться въ своемъ интересѣ къ «политикѣ», если, напротивъ, каждый изъ нихъ достигалъ высшей, кульминаціонной точки своего развитія лишь послѣ того, какъ онъ пріобрѣталъ политическое господство, то мы должны признать, что политическая борьба представляетъ собою такое средство соціальнаго переустройства, годность котораго доказана исторіей. Всякое ученіе, противорѣчащее этой исторической индукціи, лишается значительной доли

*) Плехановъ, «Соціализмъ и политическая борьба» (Спб. 1906), стр. 3.

убѣдительности, и если бы современный соціализмъ, дѣйствительно, осуждалъ политическія стремленія рабочаго класса, какъ нецѣлесообразныя, то уже по одному этому онъ не могъ бы называться научнымъ».

Рабочій классъ и не составилъ исключенія, и подобно всѣмъ другимъ классамъ, сознавъ себя, устремился на борьбу за политическое вліяніе. Но, какъ уже было сказано, въ отличіе отъ буржуазіи, у рабочаго класса первые же моменты пробужденія классоваго самосознанія сопровождались выступленіемъ на поприще политической борьбы. Въ частности, тамъ, гдѣ ихъ проснувшееся самосознаніе заставало еще абсолютизмъ, революціонное развитіе рабочихъ совершалось по истинѣ гигантскими шагами. Характерно, что абсолютизмъ въ эпохи, даже самыя далекія отъ настоящаго политическаго выступленія рабочихъ, начиналъ ихъ инстинктивно подозрѣвать, бояться и ненавидѣть. Французское правительство въ теченіе всего XVIII вѣка, свирѣпствуя при сборѣ податей въ деревняхъ, разоряя жесточайшимъ образомъ цѣлыя деревни для удовлетворенія фиска, избѣгало чинить эти притѣсненія и неистовства въ городскихъ рабочихъ кварталахъ, гдѣ жили пролетаріи, составлявшіе ту же податную массу, что и крестьяне. Уйти въ городъ и тамъ поселиться означало для крестьянства въ очень серьезной степени укрыться отъ агентовъ фиска. Боясь обращаться съ рабочими вполнѣ такъ, какъ съ крестьянами, старый режимъ пробовалъ весьма аляповато бороться со зломъ, стараясь по мѣрѣ силъ ограничивать разными искусственными мѣропріятіями ростъ рабочаго населенія городовъ, мѣшая росту промышленныхъ заведеній (въ родѣ, напр., запрещенія фабрикамъ употреблять болѣе извѣстнаго количества топлива и т. д.). Хотя рабочія ассоціаціи были и рѣдки, но скопленіе рабочихъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ — за работою, позволяло имъ сговари-

ваться относительно защиты своихъ интересовъ *), а это-то и казалось «опаснымъ», несмотря на то, что рѣчь шла тогда исключительно объ отстаиваніи интересовъ экономическихъ, и что ни о какомъ мало-мальски отчетливомъ классовомъ сознаніи рабочихъ не было и помину. Также рано начиналъ бояться и подозрѣвать рабочихъ абсолютизмъ и въ другихъ мѣстахъ. При Николаѣ I, намѣръ, нѣкоторыя правительственныя лица (въ родѣ Канкрина) весьма неблагосклоннымъ окомъ взирали на еще только зародившійся, въ сущности, русскій рабочій классъ. Инстинктъ ихъ не обманывалъ, если не относительно настоящаго, то относительно будущаго; абсолютизмъ и сильный рабочій классъ суть вещи несовмѣстимыя, «ceci tuera cela», можно сказать о нихъ. Несовмѣстимыя прежде всего потому, что многочисленный рабочій классъ логически предполагаетъ существованіе крупнаго капиталистическаго производства, которое уже само по себѣ требуетъ для нормальнаго и свободнаго своего развитія болѣе усовершенствованнаго аппарата, нежели представляемый абсолютизмомъ; но несовмѣстимы абсолютизмъ и многочисленный рабочій классъ еще и потому, что для борьбы за свои насущнѣйшіе классовые интересы рабочіе самымъ гнетущимъ образомъ нуждаются въ правовомъ строѣ, въ извѣстной степени политической свободы. Буржуазія *всегда* — и во Франціи, и въ германскихъ государствахъ, и въ Россіи имѣла возможность и при абсолютизмѣ оказывать извѣстное давленіе на власть своимъ экономическимъ могуществомъ и значеніемъ въ государствѣ; и какъ ни было слабо это давленіе, оно все-таки существовало; рабочіе же при абсолютизмѣ связаны по рукамъ и ногамъ, и для нихъ вплоть до сверженія абсолютизма не суще-

---

*) Ср. Germain Martin «Lois, édits, arrêts et règlements sur les associations ouvrières au XVIII siècle» (Paris, 1900), стр. 86.

ствуетъ и не можетъ существовать ни малѣйшей надежды на прочное улучшеніе своего положенія, на *возможность* какой бы то ни было систематической борьбы за свои интересы. Вотъ почему сверженіе абсолютизма такъ быстро становится всегда у нихъ очередною задачею. *Ихъ* классовая борьба переходитъ въ политическую, повторяемъ, быстрѣе, нежели борьба буржуазіи, и особенно тамъ, гдѣ ихъ самосознаніе проснулось при абсолютизмѣ. Они никогда и нигдѣ не шли къ абсолютной власти съ предложеніемъ компромисса, ибо слишкомъ ужъ отчетливо била въ глаза логическая несовмѣстимость абсолютизма съ ихъ стремленіями, — а власть сама шла къ нимъ съ подкупомъ и растлѣніемъ, не понимая всей тщеты своихъ мечтаній о сдѣлкѣ. Вотъ почему для попытокъ компромисса между буржуазіей и абсолютизмомъ характерны физіократы и Тюрго, а для попытокъ компромисса между абсолютизмомъ и рабочими характерны покойный подполковникъ Судейкинъ и нынѣ здравствующій статскій совѣтникъ Зубатовъ.

Абсолютизмъ предъ гибелью бываетъ склоненъ къ мечтаніямъ и утопіямъ, особенно, если историческія обстоятельства даютъ ему для этого достаточно времени. И всѣ эти утопіи, обыкновенно, основываются на вѣрѣ въ возможность перехитрить и обмануть, купить и перепродать. Но перехитрить чужой голодъ, не давая хлѣба, обмануть чужія раны, чтобъ онѣ не болѣли, купить, ничего не давая, — все это возможно на бумагѣ за номеромъ, подаваемой въ видѣ проекта однимъ политическимъ авантюристомъ другому политическому авантюристу, — и все это до безсмыслицы невозможно въ дѣйствительности. *Это* абсолютизму никогда не удавалось, хоть и удавалось ему на его вѣку очень многое, на первый взглядъ затруднительное: удалось же ему приспособить къ себѣ, напр., христіанскую церковь. «Не Константинъ былъ обращенъ

въ христіанство, но христіанство было испорчено Константиномъ», — читаемъ характерную фразу у одного современнаго ученаго*). Но если Константину нужно было христіанское общество начала IV вѣка, то и самъ Константинъ, т.-е. точнѣе, римскій государственный организмъ, былъ очень нуженъ и важенъ для руководящихъ круговъ христіанскихъ общинъ. Принципъ «do ut des» былъ тутъ соблюденъ, обѣ стороны остались довольны, обратная же сторона дѣла — борьба съ возникшими сектами, не желавшими мириться съ господствующею церковью, не перевѣшивала для обѣихъ сторонъ выгодъ достигнутаго соглашенія. Но что можетъ дать погибающій абсолютизмъ рабочему классу, которому устраненіе абсолютизма нужнѣе и полезнѣе всѣхъ его даровъ? Онъ не можетъ дать рабочимъ даже того законодательства о рабочемъ трудѣ, которое дала бисмарковская Германія, — страна, гдѣ правительство сумѣло согласиться съ имущими классами на скупой, но ни разу не нарушенной, конституціи и сплотить имперію всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Даже такая скромная соціальная работа на пользу рабочихъ (хоть и изъ корыстныхъ видовъ) подъ силу только крѣпкому правительству, а не погибающему. Погибающее же все больше надѣется на «идеологію», на свои словесныя внушенія и демагогическую агитацію, но никакъ не на реальное исполненіе хотя бы части обѣщаннаго. Всѣ эти старанія, конечно, не приводятъ ни къ чему, кромѣ развѣ ускоренія политическаго воспитанія и развитія рабочихъ: ибо абсолютизмъ этими своими подходами окончательно себя обнажаетъ, и подобная рекомендація самого себя со стороны абсолютизма иногда бываетъ для малокультурной части рабочей массы довольно полезна, такъ какъ нагляднѣе всякой пропаганды иллюстрируетъ всю нелѣпость

*) E. Kelly, Government or human evolution (New-Iork), стр. 49.

какихъ бы то ни было надеждъ на эту форму правленія.

Соглашеніе съ рабочими для абсолютизма *соціологически невозможно*; не понимаетъ же онъ этого потому, что ко времени своей гибели, вообще, онъ многое перестаетъ понимать. «Вигъ *можетъ* быть дуракомъ, а торій *долженъ* быть таковымъ»,—сказалъ англійскій остроумецъ въ XVIII вѣкѣ *). Онъ хотѣлъ этимъ выразить, что позиція и принципы, на которыхъ стояли и которые отстаивали торіи въ его время уже не могли привлечь къ себѣ умнаго человѣка. Вѣрнѣе не это, вѣрнѣе то, что отжившіе свой вѣкъ принципы внутренно-безсильны использовать полностью умъ тѣхъ умныхъ людей, которые по разнымъ соображеніямъ хотѣли бы этимъ принципамъ послужить. Вотъ почему умные люди, попадавшіеся еще въ кадрахъ служителей абсолютизма предъ его паденіемъ, говорили и дѣлали такъ много неумныхъ вещей. Къ числу этихъ вещей и принадлежатъ опыты съ рабочими.

XI.

Итакъ, и у имущихъ классовъ и у неимущихъ, классовая борьба неизмѣнно переходитъ рано или поздно—у первыхъ позже, у вторыхъ раньше—въ борьбу политическую, и едва-ли какая-нибудь иная форма правленія способна оказывалась такъ быстро и естественно создавать въ моменты кризиса враждебную себѣ кооперацію нѣсколькихъ классовъ, какъ именно абсолютизмъ. Онъ, по сущности, по идеѣ своей, отрицаетъ всякую динамику, всякое движеніе, всякую эволюцію въ исторіи. Всякую

---

*) ...A whig may be a fool, a tory must be so (изъ письма Уальполя къ Уильяму Мэсону). Letters of Horace Walpole, vol. X, стр. 273 Oxford, изд. 1904 г.

пуговицу всякаго камеръ-лакейскаго фрака онъ склоненъ провозглашать незыблемой, исконной, непоколебимой и т. д. Онъ возводитъ себя не только въ законъ исторіи, но и въ нѣчто «высшее», въ законъ природы, не подлежащій упраздненію или измѣненію. Когда мы вспоминаемъ, что управлявшій дѣлами печати Михаилъ Лонгиновъ воспретилъ было Дарвина и дарвинизмъ, то должны признать, что этотъ поступокъ, несмотря на всю нелѣпость свою, а точнѣе, благодаря своей нелѣпости, является въ высшей степени «символистичнымъ»: *идея* эволюціи съ *идеей* абсолютизма совершенно непримирима *).

Это обстоятельство, какъ и другія умственныя привычки абсолютизма, конечно, есть фактъ второстепенный сравнительно съ соціологическою невозможностью для абсолютизма удовлетворить требованіямъ времени иначе, какъ самоустраненіемъ, и сравнительно съ огромною трудностью для него добровольно совершить это дѣло (о чемъ у насъ шла рѣчь въ первомъ очеркѣ). Но эти умственныя привычки тоже накладывали, обыкновенно, свою характерную печать на предсмертные поступки и слова абсолютизма. Французскій абсолютизмъ, созывающій генеральные штаты въ 1789 году полагающій, что и они будутъ дѣйствовать въ рамкахъ и формахъ добраго стараго времени; Фридрихъ-Вильгельмъ IV, заявляющій въ 1847 году, что онъ никогда не позволитъ, чтобы исписанный листъ бумаги (т.-е. конституціонный актъ) сталъ между нимъ и его народомъ; Меттернихъ, пишущій о себѣ самомъ, что добро побѣдило зло и революціонная гидра навсегда уничтожена, и что въ потомствѣ достойные люди высоко оцѣнятъ работу австрійскаго канцлера; министры Франциска II Неаполитанскаго, говорящіе ино-

---

* Этотъ «символизмъ» создался самъ собою: Дарвинъ долженъ былъ страдать лишь за «антирелигіозность».

страннымъ посланникамъ въ 1859 году, за нѣсколько мѣсяцевъ до того, какъ Гарибальди навсегда выгналъ вонъ изъ королевства и Франциска, и всѣхъ его слугъ *): «нужно начинать съ давленія, чтобы заставить уважать власть»,—всѣ эти и имъ подобные люди отчасти оттого и произносили и дѣлали такъ много самыхъ жалкихъ нелѣпостей предъ самымъ концомъ своей системы, что эта система пріучила ихъ смотрѣть на себя, какъ на носителей вѣчнаго (и чуть ли не предвѣчнаго) начала въ жизни человѣческихъ обществъ. Вся пышная, часто наглая, всегда смѣшная словесность, пускавшаяся въ ходъ погибавшимъ абсолютизмомъ, въ очень значительной мѣрѣ была основана на этой привычкѣ считать себя категоріею вѣчною. И когда темпъ эволюціи ускоряется, абсолютизмъ въ конечномъ счетѣ вступаетъ въ коллизію со всѣми классами, которые вообще съ историческою эволюціею хотятъ такъ или иначе считаться.

Сверженіе абсолютизма становится очередною задачею всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ получить возможность осмыслить громоздящіеся факты, перевести языкъ стихіи на членораздѣльную человѣческую рѣчь. И всѣ классы, кромѣ того или тѣхъ, которые чувствуютъ, что историческая эволюція сметаетъ ихъ прочь вмѣстѣ съ ихъ интересами и былыми выгодами, начинаютъ въ такой моментъ понимать, что абсолютизмъ превратился въ соціальное бѣдствіе, отъ котораго необходимо избавиться прежде всего. Если имущіе классы приходятъ къ этому заключенію не такъ скоро послѣ пробужденія классоваго самосознанія, какъ рабочій пролетаріатъ, то абсолютизму отъ этого не легче: враждебная противъ абсолютизма коалиція классовъ все же образуется и рѣшаетъ его судьбу.

*) «Il faut commencer par reprimer pour faire respecter l'autorité». Rodolphe Rey, Histoire de la renaissance politique de l'Italie (Paris, 1864), стр. 421.

Во Франціи пролетаріатъ достигъ извѣстной высоты классоваго сознанія лишь въ XIX вѣкѣ, когда абсолютизмъ уже былъ низверженъ, но уже въ эпоху великой революціи, еще не вполнѣ осмысливая обособленность своихъ интересовъ, онъ помогалъ весьма дѣятельно буржуазіи въ ея побѣдоносной борьбѣ; въ Германіи и Австріи въ 1848 году, въ Россіи въ 1905 году буржуазія — послѣ долгаго періода развитія самосознанія, рабочій пролетаріатъ послѣ очень и очень короткаго—вступили въ коллизію съ абсолютизмомъ и до извѣстнаго момента, до формальной капитуляціи врага, шли вмѣстѣ. Затѣмъ въ германскихъ государствахъ и въ Австріи капитуляція фактическая нѣсколько замедлилась, и завершилась позже, осложненная внѣшними войнами, удачными для Пруссіи, неудачными для Австріи, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ посодѣйствовавшими окончательному упраздненію былого абсолютизма въ средней Европѣ. У насъ фактическая капитуляція тоже замедлилась и, тоже въ извѣстной хотя и болѣе слабой степени по той же причинѣ, какъ въ Пруссіи и Австріи въ 1848 году: вслѣдствіе опасеній и колебаній имущихъ классовъ, убоявшихся усиленія рабочаго пролетаріата; были у насъ и иныя причины, анализъ которыхъ былъ бы тутъ пока не къ мѣсту. Что самое предположеніе, будто эта фактическая капитуляція можетъ совсѣмъ не воспослѣдовать есть соціологическій абсурдъ, что, даже *продолжительность* замедленія этой капитуляціи у насъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть такою, какъ въ 1849—1859 гг. въ средней Европѣ, и что этому прежде всего противорѣчитъ болѣе высокая степень капиталистическаго развитія Россіи,—обо всемъ этомъ было уже сказано.

У насъ, какъ и вездѣ, классовая борьба приняла форму борьбы политической и направилась противъ абсолютизма; у насъ, какъ и во Франціи, въ государствахъ средней

Европы, державахъ Аппенинскаго полуострова предъ объединеніемъ—абсолютизмъ на добровольное самоустраненіе не пошелъ и вызвалъ революцію. Но нигдѣ абсолютизмъ не оказалъ такого отчаяннаго, яростнаго сопротивленія наступившей у него революціи, какъ у насъ. Послѣ всего сказаннаго въ предшествующихъ двухъ очеркахъ незачѣмъ повторять, что эта разница обусловливается вовсе не какими либо психологическими особенностями нашего абсолютизма сравнительно съ абсолютизмомъ въ другихъ странахъ, а, прежде всего. неизмѣримо лучшею «боевою готовностью», обиліемъ и совершенствомъ техническихъ средствъ къ самозащитѣ. Нигдѣ и никогда борьба государственно-самостоятельнаго народа противъ своего правительства до такой степени не напоминала возстанія какой-либо покоренной страны противъ чужеземныхъ завоевателей, какъ борьба Россіи противъ абсолютизма.

Но вопросъ этотъ,—о средствахъ абсолютизма къ самозащитѣ, вмѣстѣ съ другими связанными съ нимъ вопросами,—уже выходитъ изъ рамокъ настоящей главы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Самозащита абсолютизма.

I.

Въ предшествующемъ изложеніи мы видѣли, что классовая борьба, переходя неизбѣжно въ борьбу политическую, направляется противъ абсолютизма, что абсолютизмъ болѣе всякой иной формы правленія способенъ создать враждебную себѣ кооперацію классовъ и довести кризисъ до революціоннаго взрыва. Мы имѣли также случай указать, что для абсолютизма въ финальный моментъ его существованія особенно характерно стремленіе перевести дѣло поскорѣе на языкъ пушекъ и ружей, — тамъ, гдѣ это еще для него возможно. Теперь намъ нужно коснуться вопроса о томъ, какимъ образомъ, въ конечномъ счетѣ, пушки и ружья переставали иногда стрѣлять во враговъ абсолютизма и окончательно рѣшали этимъ его участь.

Австрія—почти, а Пруссія совершенно не знала момента колебанія воинской «преданности» престолу въ 1848—1849 гг.; въ предшествующихъ очеркахъ мы уже говорили, что страшный ударъ, понесенный абсолютизмомъ въ 1848 году, повлекъ за собою его смерть не сразу, а лишь въ шестидесятыхъ годахъ, при чемъ эта

окончательная его гибель была осложнена массою разнородныхъ обстоятельствъ (прежде всего,—внѣшними войнами). Въ этихъ странахъ переходъ къ конституціонализму совершался постепенно, съ долгими перерывами безъ возобновленія революціонныхъ вспышекъ, а не въ процессѣ единой длительной революціи, какъ это происходило въ концѣ XVIII-го вѣка во Франціи и происходитъ въ настоящее время въ Россіи,—и въ обѣихъ странахъ, какъ въ Австріи, такъ и Пруссіи, вѣрность войскъ абсолютизму не подвергалась мало-мальски длительному искусу. И въ Пруссіи, и въ Австріи революціонная вспышка 1848 года была внѣ всякаго сравненія слабѣе и мимолетнѣе, нежели во Франціи 1789 г. или Россіи 1905—1906 гг., и хотя эта вспышка ясно показала, что абсолютизмъ себя изжилъ, но и Гогенцоллернамъ, и Габсбургамъ удовлетвореніе части крестьянства, испугъ буржуазіи предъ «краснымъ призракомъ» и слабость, и неорганизованность пролетаріата дали отсрочку и передышку, чѣмъ обѣ династіи и воспользовались. Цѣною отказа отъ абсолютизма, конечно, тоже не «добровольнаго» и уже *послѣ* революціонныхъ вспышекъ *) онѣ не только спасли себя отъ гибели, но и укрѣпились на престолѣ, — приспособившись къ нуждамъ развившагося капитализма и его политическимъ потребностямъ. Во Франціи же и въ Россіи революція сразу приняла огромные размѣры и уже не прерывалась, пока абсолютизмъ отъ себя не отрекся, — во Франціи de jure и de facto, въ Россіи — пока только de jure (при чемъ и процессъ революціонный у насъ еще не конченъ). Поэтому, на исторіи Франціи и Россіи удобнѣе можно наблюдать, какъ борется абсолютизмъ за собственное существованіе тамъ, гдѣ онъ предоставленъ своей участи, гдѣ на близкое исчезновеніе вражескаго лагеря надеждъ основательныхъ у него нѣтъ, гдѣ рево-

*) хотя и не *непосредственно* послѣ этихъ вспышекъ.

люція душитъ его мертвою хваткою, и гдѣ, значитъ, ему остается защищаться всѣми остающимися въ его рукахъ физическими силами.

Весною 1906 года одинъ французскій военный авторитетъ, пишущій подъ псевдонимомъ «Bernet» въ газетѣ «Temps», заявлялъ, что революція можетъ достигнуть побѣды лишь тамъ, гдѣ армія не противъ нея,—и, въ этомъ смыслѣ, приписывалъ побѣды французской революціи чуть-ли не больше всего поведенію французской арміи въ ту эпоху, а пораженія русской революціи въ концѣ 1905 года—поведенію русской арміи. Такъ-ли это?

Нѣтъ спора, что революціонный порывъ Россіи въ 1905–1906 гг. не былъ много слабѣе революціоннаго порыва во Франціи въ 1789 году; нѣтъ спора, что самое требованіе уничтоженія абсолютизма ставилось передъ 1905 годомъ несравненно отчетливѣе и рѣшительнѣе, нежели предъ 1789 годомъ; и если фактическая капитуляція абсолютизма во Франціи произошла чрезъ какихъ-нибудь нѣсколько недѣль послѣ начала революціи, а у насъ ея еще не было на лицо къ собранію второй Думы, т.-е. спустя два года послѣ начала почти непрерывныхъ кровопролитій,—то, значитъ, разница обусловлена неодинаковостью сопротивленія, встрѣченнаго революціей въ 1905 и въ 1789 гг. Въ *этомъ* смыслѣ, въ смыслѣ продленія или ускоренія кризиса, неодинаковое поведеніе арміи въ томъ и другомъ случаѣ, безспорно, сыграло рѣшающую роль. Но если мы хоть на минуту припишемъ арміи роль рѣшающаго судіи, вообще, въ дѣлѣ самаго исхода революціи, роль Іисуса Навина, останавливающаго время, поворачивающаго историческую эволюцію въ другую сторону,—тогда мы обнаружимъ не историческое пониманіе, а склонность къ историческому фетишизму,—и ту лѣнь мысли, которая заставляетъ людей прятаться за слова, чтобы не объяснять себѣ явле-

ній. А именно это и дѣлаетъ Bernet, не доводя до логическаго конца свои разсужденія.

Почему поведеніе французской и русской арміи въ соотвѣтственные моменты исторіи обѣихъ странъ было неодинаково? Едва мы зададимъ себѣ этотъ вопросъ, какъ уже сдѣлаемъ шагъ впередъ въ пониманіи событій, ибо это пониманіе всегда будетъ скрыто отъ насъ за семью печатями, если мы удовольствуемся словами: «армія была за», «армія была противъ», «армія дѣйствовала вяло», «армія дѣйствовала лихо» и т. д. Армія въ исторіи нигдѣ не была «беззаконною кометой въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ», и ея поведеніе соціологически такъ же услѣдимо, какъ поведеніе другихъ большихъ общественныхъ группъ. «Cent mille hommes et la loi martiale»,—вотъ какой рецептъ давала Екатерина II для уничтоженія французской революціи, забывая, что «сто тысячъ человѣкъ для подавленія революціи» не выкопаешь въ 1791—1792—1793 гг. изъ-подъ той самой земли, которая не дала ихъ королю въ наиболѣе нужный для него моментъ,—весною и лѣтомъ 1789 года, и что «военное положеніе» можетъ легко прійти въ голову, когда сидишь въ качествѣ государыни въ Зимнемъ дворцѣ, а не въ качествѣ плѣнника въ Тюльери или Тамплѣ. Никакихъ мускуловъ Алексѣя Орлова не хватило бы для удушенія конвента, и свирѣпѣйшіе усмирители Пугачева не усмирили бы революцію,—вотъ о чемъ слишкомъ часто забывали въ Петербургѣ и тогда, и впослѣдствіи.

«Сто тысячъ», «военное положеніе», — вотъ альфа и омега мудрости абсолютизма въ борьбѣ съ революціей, и чуть первыхъ не оказывается, а второе невозможно,—такъ и приходитъ гибель.

Французскій король имѣлъ въ моментъ начала революціи въ своемъ полномъ (de jure) распоряженіи даже не сто, а полтораста тысячъ человѣкъ (на бумагѣ было

еще больше—182 тысячи, но войсковыя части никогда не были въ законномъ комплектѣ); кромѣ этихъ 150 тысячъ, у короля для несенія внутренней службы было 120 тысячъ человѣкъ провинціальной милиціи, т.-е. войско, которое было вооружено и обучено хоть и хуже линейныхъ войскъ, но лучше революціонныхъ народныхъ массъ. И вся эта сила выдала головой своего повелителя надвинувшейся революціи и, даже, не сдѣлала мало-мальски существенныхъ попытокъ задержать или отсрочить гибель стараго строя. Таковъ безспорный фактъ: революція побѣдила абсолютизмъ, не наткнувшись ни разу на сопротивленіе, сколько-нибудь значительное, со стороны вооруженныхъ силъ, которыми еще располагалъ въ началѣ 1789 года старый режимъ.

Случилось это прежде всего потому, что армія отражала въ себѣ всю ту глубокую и непримиримую классовую рознь, ту закоренѣлую ненависть непривилегированныхъ къ привилегированнымъ, которая составляла душу революціи 1789 года. Для солдатъ и унтеръ-офицеровъ доступъ къ офицерскимъ чинамъ былъ окончательно закрытъ еще съ 1781 года, когда королевскимъ указомъ повелѣно было требовать отъ всякаго аспиранта, желающаго попасть въ офицеры, прежде всего доказательства, что уже за четыре поколѣнія предки его принадлежали къ дворянскому сословію. Этотъ указъ рѣзкою и непроходимою гранью дѣлилъ армію на двѣ части: привилегированную, которой доставались всѣ почести и матеріальныя выгоды, и непривилегированную, которая должна была подчиняться, терпѣть, голодать и холодать, не мечтая даже объ улучшеніи своей участи. Но и привилегированная часть, комплектовавшаяся исключительно изъ дворянскаго сословія, была проникнута далеко не однороднымъ настроеніемъ. Генералитетъ и, вообще, высшія мѣста пополнялись обыкновенно изъ рядовъ высшей

придворной знати. Эти аристократы въ военномъ дѣлѣ смыслили въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ весьма мало, занимались охотою, придворными развлеченіями, поѣздками на потсдамскіе маневры въ Пруссію и на лошадиныя скачки въ Англію (то и другое требовалось хорошимъ тономъ ихъ круга), и въ ввѣренныхъ имъ частяхъ появлялись крайне рѣдко, въ видѣ случайныхъ гостей, со своею особою штатскою свитою лакеевъ, дворецкихъ, поваровъ и т. п.,—появлялись только мимолетно, чтобы снова надолго исчезнуть. Король Людовикъ XVI пытался бороться съ невѣроятною распущенностью военной золотой молодежи, но и въ этомъ намѣреніи не преуспѣлъ. Одинъ изъ историковъ французскихъ военныхъ установленій прямо утверждаетъ, что первыя посягательства противъ дисциплины, первые примѣры неповиновенія изошли именно изъ этого высшаго слоя арміи *). Отъ начальниковъ систематическій абсентеизмъ переходилъ и распространялся среди офицерства, не столь щедро взысканнаго судьбою и составлявшаго менѣе знатную категорію военнаго дворянства: тѣ, которые имѣли матеріальную возможность, также старались при первомъ удобномъ случаѣ отлучиться отъ полка. Въ подавляющемъ большинствѣ офицерскія должности покупались (имѣвшими вышеозначенныя генеалогическія права) за деньги, при чемъ, по стародавнему обычаю, еще со временъ Людовика XIV утвердившемуся,—когда правительству нужны были деньги и ихъ неоткуда было непосредственно получить,—создавались и въ военномъ (какъ и въ гражданскомъ) вѣдомствѣ новыя и новыя совершенно ненужныя должности для продажи. На полтораста тысячъ человѣкъ солдатъ приходилось больше одиннадцати

*) См. Sainte-Chapelle, L'armée et la patrie ou Histoire générale des institutions militaires de la France pendant la révolution, т. I, стр. 9.

съ половиною тысячъ офицеровъ (собственно—11,672, т.-е. по одному офицеру приходилось на каждыхъ 13 солдатъ) *). Офицерская масса завидовала высшей военной аристократіи и ненавидѣла ее за слишкомъ быструю и легкую карьеру, за то, что аристократы никакого дѣла не дѣлали, въ полку не бывали, а между тѣмъ, заполняли лучшія мѣста, но эти чувства все-таки не могли сблизить офицерскую массу съ подчиненною ей непривилегированною частью арміи. Унтеръ-офицеры, навсегда и безнадежно отдѣленные отъ офицеровъ указомъ 1781 года, были поставлены въ такое положеніе, что для нихъ мечта объ избавленіи отъ жизни впроголодь, мечта о повышеніи логически должна была сопрягаться съ мечтою о крушеніи всего существовавшаго режима, основаннаго на привилегіяхъ рожденія и на неравенствѣ. А въ настоящемъ жизнь ихъ сулила имъ мало радости. Капралы, сержанты и сержантъ-майоры (за вычетомъ 3—4 должностей въ полку) получали отъ 9 до 14 су въ день, тогда какъ рабочіе на фабрикахъ получали тогда нерѣдко 20—25--30 су въ день**). Работа на нихъ взваливалась тяжелая, уже вслѣдствіе систематическаго бездѣлья среди офицеровъ, обращеніе же съ ними было немногимъ лучше, нежели съ простыми солдатами. Что касается солдатъ, то ихъ положеніе было еще хуже и безнадежнѣе. Вербовались солдаты отчасти изъ крестьянъ, отчасти изъ отбросовъ городского населенія, которымъ некуда было дѣться, и которые рѣшили поэтому закабалить себя на восемь лѣтъ за 80 франковъ единовременнаго вознагражденія при поступленіи на службу и за семь—восемь су ежедневнаго жалованія. Это была голодная и безпорядочная жизнь, съ вѣчными побоями, ибо тѣлесныя наказанія составляли

*) Blume, Die Armée und die Revolution in Frankreich von 1789—1793. Brandenburg, 1863, стр. 13.

**) Ср. Blume, ibid.

душу дисциплины, съ постояннымъ попраніемъ человѣческаго достоинства, безъ всякаго просвѣта въ будущемъ. Для нихъ еще больше, нежели для унтеръ-офицерскаго состава, революція явилась избавленіемъ и счастьемъ. Таковъ былъ составъ всей французской арміи, подѣленной классовыми перегородками, разъединенной противоположными интересами. Она рѣшительно не могла стать «опорой трона», когда тронъ въ ней ощутилъ надобность; но были еще обстоятельства, которыя способствовали особенно быстрому разложенію этой арміи, распаденію ея и сведенію къ нулю ея силы предъ лицомъ надвинувшейся революціи.

II.

Ибо сказать, что солдаты и унтеръ-офицеры страдали, а офицеры отличались невѣжествомъ и бездѣльемъ, другъ другу завидовали, и высшіе изъ нихъ почти вовсе не бывали въ полку и ничего о полку не знали, сказать все это значитъ указать на коренныя причины, способствовавшія безпрепятственной передачѣ революціоннаго настроенія изъ нѣдръ народа въ войсковую массу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нужно кое-что добавить, такъ какъ всего этого недостаточно, чтобы объяснить столь *быстрое* разложеніе арміи предъ лицомъ революціи, какъ то, что произошло въ 1789 году. Тутъ дѣйствовали и еще чрезвычайно важныя причины. Французскому абсолютизму никогда не удавалось сдѣлать то, что долго удавалось дѣлать абсолютизму русскому: прочно загипнотизировать если не всю армію, то хоть избранную часть ея личною близостью къ власти, лучшимъ матеріальнымъ положеніемъ хоть этой избранной части, сравнительно съ состояніемъ всей народной массы, наконецъ, и это не

менѣе важно, французскій абсолютизмъ и приблизительно не предвидѣлъ своей участи, не взвѣшивалъ опасности и не сдѣлалъ даже попытки на первыя же революціонныя проявленія отвѣтить *систематическою* вооруженной борьбой, ибо нельзя назвать такою попыткою призывъ къ оружію 23-го іюня, сдѣланный помимо короля и не поддержанный никѣмъ. Конечно, онъ скоро спохватился, но этотъ первый моментъ нерѣшительности окончательно разложилъ военную силу и уже сдѣлалъ ее неспособною для той роли, которую дворъ страстно хотѣлъ бы навязать арміи ко времени взятія Бастиліи и послѣ этого событія. Разумѣется, если-бы въ іюнѣ и іюлѣ 1789 года какой-нибудь еще оставшійся за правительствомъ полкъ и стрѣлялъ бы даже усиленно въ народъ, абсолютизмъ все равно спасенъ бы не былъ, но армія въ его рукахъ вѣроятно еще на нѣкоторое время осталась бы, какъ объ этомъ справедливо писали нѣкоторые наблюдатели. Ибо въ революціонную эпоху армія должна безъ перерыва убивать революціонеровъ, чтобы самой не перейти къ революціи: средины тутъ нѣтъ и быть не можетъ. Только обособляя армію отъ націи активною вооруженною борьбою, только отъединяя войско въ военный лагерь, стоящій среди чужой враждебной страны, только оглушая солдатъ пушками, изъ которыхъ имъ же самимъ приказываютъ стрѣлять, правительство, застигнутое революціей и не желающее сразу сдаваться, можетъ (на коротенькій, правда, историческій мигъ) отсрочить свою гибель. Французскій абсолютизмъ, подобно русскому, желалъ оружіемъ себя спасти, когда понялъ, что дѣло идетъ о его жизни и смерти, но въ то время какъ русскій былъ *подготовленъ къ рѣшимости* въ дѣлѣ самообороны всею долгою предшествовавшею борьбою, абсолютизмъ французскій все еще вплоть до взятія Бастиліи ясно *не понималъ*, что вокругъ него творится, и не рѣшался, а когда

сообразилъ и рѣшился, то арміи у него уже не было,— она, и безъ того враждебная старому строю, растаяла въ моментъ колебаній. И пришлось ограничиваться скрежетомъ зубовнымъ, собираніемъ волонтеровъ-эмигрантовъ въ Кобленцѣ, мольбою о присылкѣ арміи чужихъ, иностранныхъ, ибо своей уже не существовало. Русскій абсолютизмъ, собственно, ни одной минуты не колебался, но онъ попытался только осенью 1905 года нѣсколько меньше стрѣлять, нежели это необходимо для удержанія (хотя бы на время) за собою стрѣляющихъ,—и по всей Россіи прокатилась небывалая волна военныхъ бунтовъ. Но когда абсолютизмъ съ декабря 1905 года сталъ усиленно вознаграждать себя за моментъ воздержанія, бунты эти прекратились и начавшееся было разложеніе арміи пріостановилось, чтобы возобновиться въ маѣ 1906 года, когда стрѣльбы стало чуть-чуть меньше, нежели было въ декабрѣ, январѣ и февралѣ. Эта необходимость стрѣльбы для абсолютизма погибающаго есть необходимость не «стратегическая», а соціологическая. *Нужно* стрѣлять въ людей, въ пень, въ карету Краснаго Креста, въ типографію Сытина, во что угодно, но только стрѣлять не переставая, ибо процессъ стрѣльбы тутъ важнѣе, нежели ея непосредственные «стратегическіе» результаты. Думать, что армія, которая хоть на минуту въ революціонную эпоху перестанетъ себя чувствовать военнымъ лагеремъ среди завоеванной страны, что такая армія останется спокойною и далекой отъ броженія, есть, конечно, утопія. Еще большая утопія, однако, думать, что если революціонный кризисъ затягивается на годы, то и армію можно годами держать на положеніи враждебнаго лагеря. Тутъ дѣло именно только въ отсрочкѣ, въ замедленіи процесса разложенія военной силы абсолютизма, а не въ томъ, что этотъ процессъ à la longue можетъ быть избѣгнутъ. Французская армія, и въ част-

ности, гвардія были совершенно чужды королю *) и королевской семьѣ, вниманія на нихъ со стороны абсолютизма не обращалось никакого, и, вообще, не дѣлалось ровно ничего для созданія изъ арміи или хотя бы изъ гвардіи обособленной и расположенной къ монарху общественной группы. Мы рекомендуемъ всякому, интересующемуся психологіей абсолютизма, готовящагося къ самозащитѣ, постоянно думающаго о самозащитѣ, почитать внимательно хотя бы «Русскую Старину», «Русскій Архивъ» и обратить вниманіе на литературу воспоминаній генераловъ и адмираловъ нашихъ, какъ бы эти адмиралы и генералы сами по себѣ незначительны ни были; и пусть при этомъ читатель не ограничивается улыбкою и иронiею, читая о сердечныхъ любезностяхъ къ пажамъ, юнкерамъ, «фельдфебелямъ» военно-учебныхъ заведеній, — о вниманіи и участіи Олимпа къ мелочамъ полкового быта, о дружескомъ, тепломъ тонѣ отношеній Олимпа къ приближенному офицерству, о демонстративной любви къ тому или иному мундиру, объ аффектированной близости и фамильярности Олимпа къ гвардейцамъ—словомъ, о всемъ томъ комплектѣ чувствъ, который герценовскій докторъ Круповъ назвалъ «марсоманіей». «Rira bien qui rira le dernier», можетъ сказать абсолютизмъ всѣмъ, кто будетъ смотрѣть на всю эту продѣланную имъ въ XIX вѣкѣ работу въ арміи только на какъ нѣчто курьезное, заслуживающее оцѣнки съ точки зрѣнія юмористической. И *пока* «смѣхъ» остался еще не за его врагами, хотя можетъ быть нужна склонность къ оптимизму слугъ абсолютизма, чтобы вѣрить въ долговѣчность этого «пока».

Всѣхъ этихъ ласкъ, ухаживаній, привлеченій, очарованій и обольщеній не знала ни армія, ни гвардія Бур-

*) Хотя, какъ увидимъ дальше, солдаты, подобно буржуазіи, въ началѣ революціи идеализировали короля, противопоставляя его аристократамъ и «дурнымъ совѣтникамъ».

боновъ, и все по той же причинѣ: французская династія понятія не имѣла объ опасности, надъ нею висѣвшей, а абсолютизмъ русскій получилъ 14-го декабря 1825 года такой предостерегающій окрикъ (и какъ разъ изъ военной среды), что онъ даже въ самыя блаженныя времена уже *никогда* не забывалъ о необходимости обезпечить за собою достодолжную силу на всякій случай.

Итакъ, отсутствіе моральной и матеріальной заинтересованности хотя бы части арміи въ продолженіи существованія абсолютизма, отсутствіе связи и близости между гвардіей и королевскою семьею, уже само по себѣ необычайно затруднило бы всѣ попытки высшаго военнаго начальства заставить солдатъ оказать въ столицѣ и въ Версали энергичное сопротивленіе толпѣ. Вышеотмѣченная классовая рознь и ненависть непривилегированныхъ къ привилегированнымъ, царившія въ арміи, ничѣмъ, такимъ образомъ, не умѣрялись и не смягчались даже въ самомъ важномъ для правительства разрядѣ войскъ — въ гвардіи, стоявшей въ столицѣ и Версали. Растерянность же и нерѣшительность абсолютизма въ началѣ революціи окончательно потрясли дисциплину и ускорили переходъ войскъ на сторону возставшаго народа. Отмѣтимъ тутъ въ нѣсколькихъ словахъ главные моменты, когда этотъ гибельный для абсолютизма процессъ въ войскахъ проявился.

Еще не задолго до открытія Генеральныхъ Штатовъ въ Парижѣ, гдѣ тогда, въ общемъ, на улицахъ еще было сравнительно спокойно, обратилъ на себя вниманіе слѣдующій случай. Рабочіе Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, обманутые слухомъ, будто фабрикантъ Ревельонъ сказалъ, что рабочимъ достаточно жить на 15 су въ день, напали на его домъ и разграбили его. Къ концу дѣйствія подоспѣли войска и перестрѣляли очень многихъ изъ нападавшихъ. Дано было нѣсколько залповъ, среди

пострадавшихъ были и женщины. Эпизодъ былъ скоро забытъ, потому что открытіе Генеральныхъ Штатовъ и начавшаяся борьба буржуазіи со старымъ строемъ заслонили собою совершенно одинокій случай проявленія пролетарскаго раздраженія противъ одного изъ представителей той же буржуазіи, героини историческаго момента. Но для изученія настроенія войскъ этотъ эпизодъ интересенъ: онъ показываетъ, что войска предъ самымъ началомъ революціи безъ всякихъ колебаній стрѣляли въ рабочихъ. Ихъ жертвы, убитыя у дома Ревельона, являлись для нихъ, несомнѣнно, грабителями,—и только. Во всякомъ случаѣ, если мы примемъ во вниманіе, что у самихъ рабочихъ въ 1789 году классоваго самосознанія вовсе не было въ сколько-нибудь опредѣленной формѣ, и что громадное большинство націи считало своими смертельными врагами именно «привилегированныхъ», «аристократовъ» и высшее духовенство, то не будемъ удивляться, что люди, спокойно разстрѣливавшіе себѣ подобныхъ 27 апрѣля въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ, не высказали никакой склонности противодѣйствовать тѣмъ же парижскимъ рабочимъ, когда тѣ вмѣстѣ съ людьми другихъ слоевъ брали спустя одиннадцать недѣль Бастилію. Случай съ домомъ Ревельона особенно оттѣняетъ поэтому дальнѣйшее поведеніе войскъ. Характерно, что среди слуховъ, ходившихъ въ Парижѣ по поводу этого инцидента, была и такая версія: правительство будто бы нарочно позволило грабежу начаться и развиваться, чтобы «показать примѣръ» и на кровавомъ усмиреніи дать упражненіе войскамъ, т.-е. съ одной стороны испугать оппозицію перспективою безпорядковъ, а съ другой испытать вѣрность солдатъ. Если-бы подобная мысль и была у придворныхъ круговъ, то поведеніе войскъ предъ домомъ Ревельона ничего имъ не дало для пониманія ближайшаго будущаго.

Въ первый разъ революція и армія стали лицомъ къ лицу 20-го іюня 1789 года, когда члены третьяго сословія во главѣ съ Бальи нашли запертою залу засѣданій въ версальскомъ дворцѣ, а передъ дверьми гвардейцевъ. Офицеръ почтительно отнесся къ пришедшимъ, такъ что, хотя въ залу и не пустилъ, но Бальи упросилъ депутатовъ силою не врываться и уйти вмѣстѣ съ нимъ въ залъ для игры въ мячъ, а офицеръ снискалъ себѣ даже похвалу за сдержанность своего поведенія. Когда раздались голоса наиболѣе крайне настроенныхъ, что нужно идти пѣшкомъ въ Парижъ и тамъ возобновить засѣданія, то большинство отказалось отъ этого плана, потому что по дорогѣ опасались встрѣчи съ вооруженною силою. И знаменитая клятва состоялась въ Версали, въ залѣ Jeu de paume. Это все показываетъ ясно, что еще насчетъ арміи никто толкомъ не зналъ, какъ она себя поведетъ, не окажется ли исправнымъ и послушнымъ орудіемъ въ рукахъ двора. День 20-го іюня, такимъ образомъ, еще ничего не показалъ обѣимъ враждующимъ сторонамъ. Но черезъ три дня, 23-го, послѣ знаменитаго королевскаго засѣданія, когда по уходѣ короля, дворянства и духовенства третье сословіе осталось, а церемоніймейстеръ Дре-Брезэ предложилъ оставшимся покинуть залъ, наступилъ одинъ изъ рѣшающихъ моментовъ борьбы: депутаты отказались исполнить требованіе, а «штыки», силѣ которыхъ только они и уступили бы, не явились. Дворъ не рѣшился пустить въ ходъ насиліе, а спустя нѣсколько часовъ уже наткнулся на неповиновеніе. Когда вечеромъ толпа раздраженнаго народа, узнавши о поведеніи короля и двора, окружила дворецъ, то въ 11 час. вечера было рѣшено пустить въ ходъ оружіе, но гвардейцы отказались исполнить приказаніе. Предъ нами лежатъ документы и летучіе листки, прямо относящіеся къ этому поступку солдатъ: эти сырые матеріалы лучше всякихъ историковъ говорятъ

о смыслѣ происшествія. «Вся толпа», читаемъ мы въ одномъ изъ сейчасъ же вышедшихъ послѣ 23-го іюня памфлетовъ: *) «вся толпа помчалась къ дворцу и окружила его: кричали, угрожали, наконецъ, въ 11 час. вечера показались принцы и закричали команду къ оружію, но... (многоточіе въ подлинникѣ. Е. Т.)—французскіе гвардейцы не могли забыться; они почувствовали, что они французы и что они не должны безчеловѣчно проливать кровь своихъ братьевъ и своихъ отцовъ... Ахъ, благородные и храбрые солдаты, какой прекрасный поступокъ вы совершили... Этотъ одинъ день принесетъ вамъ больше славы и чести, чѣмъ самая лучшая побѣда, какую только вы могли бы одержать надъ врагами... *Мы вамъ обязаны спасеніемъ Франціи*...» Указывая далѣе, что на другой же день король уступилъ всѣмъ требованіямъ собранія и что привилегированные стали «кротки, какъ барашекъ», авторъ памфлета говоритъ: «О храбрые, и славные солдаты!... этотъ моментъ, столь желанный, есть ваше дѣло!» Снова и снова онъ повторяетъ эту благодарность, распространяя ее и на провинціальныя части арміи: «Я не перестану повторять, что (мы обязаны) всѣмъ войскамъ королевства, раскинутымъ во всѣхъ провинціяхъ, войскамъ, которыя, не сговариваясь **), единодушно проявили тѣ же чувства и выказали на пользу отечества ту же храбрость и ту же преданность». Авторъ съ горячимъ чувствомъ настаиваетъ, что гвардейцы своимъ поведеніемъ избавили страну отъ страшнѣйшей междоусобной войны. Ни одна исторія революціи, начиная съ старыхъ Луи-Блана, Минье и Тьера и кончая новыми Оларомъ и Жоресомъ, не можетъ дать такое ясное представленіе о томъ восторгѣ, какой пробудило въ оппозиціи поведеніе войскъ въ эти первыя

*) Bravoure des Gardes-Françaises (анонимн.), 1789 г. (№ Націон. библіотеки Lb, 39—1866), стр. 6-я и слѣд.

**) ... Sans s'être entendues..., ibid., стр 13.

рѣшающія мгновенія великаго кризиса. Нужно было жить и писать въ 1789 году, чтобы такъ выразить свое счастье, какъ авторъ цитированнаго памфлета. Историки слишкомъ много писали о словахъ Мирабо «allez dire à votre maître etc.», но слишкомъ мало о томъ обстоятельствѣ, которое сдѣлало эти слова для двора не смѣшными, а страшными: о поведеніи гвардейцевъ. А современники яснѣе чувствовали, въ чемъ истинное значеніе рокового для стараго режима дня 23-го іюня. Вотъ другое изъявленіе благодарности гвардейцамъ *): «Осмѣливались надѣяться, что французскій солдатъ забудется до того, что обратитъ свое оружіе противъ отечества. Всѣ граждане были погружены въ ужасающее оцѣпенѣніе... Деспотизмъ уже подалъ сигналъ къ рѣзнѣ. Желали, чтобы вы стали орудіями его ярости и чтобы вы вонзили кинжалъ въ грудь вашихъ братьевъ и представителей славной націи. Эти кровавыя приказанія возмутили васъ. Вы оказали имъ благородное сопротивленіе, которое возстановило порядокъ и породило надежду на болѣе счастливое будущее». Дальше идетъ знаменательнѣйшая фраза: «Вы ниспровергли преступные заговоры министровъ тираніи, вы заставили ихъ дрожать; вы потрясли ихъ наглую гордость; и то, чего не могли получить отъ этихъ извращенныхъ сердецъ ни сила разума, ни всемогущій голосъ природы и философіи, то произвели ваша храбрость и вашъ патріотизмъ. Вы вернули народу его права. Вы спасли Францію... ...Ни столь прославленные римскіе солдаты, ни даже тѣ, которые помогли Александру покорить Азію, не представили равнаго тому героическому поступку, который вы только что совершили, когда, тронутые нашими несчастіями, вы

*) Lettre à messieurs les Gardes-Françaises et Gardes-Suisses (Націон. библіот. № по каталогу Lb, 39—1865, имени автора и мѣста издан. нѣтъ), стр. 4.

отказались предоставить ваши руки въ распоряженіе тираніи... О, солдаты-граждане! благодарность, которою вамъ обязаны, вѣчно будетъ жить въ сердцахъ французовъ». На это письмо послѣдовалъ отвѣтъ гренадера гвардіи слѣдующаго содержанія: «Когда французская гвардія и швейцарская гвардія отказались повиноваться кровавымъ приказаніямъ, они совѣтовались только съ голосомъ чести. Вся французская армія была бы одушевлена тѣмъ же самымъ чувствомъ. Я не боюсь поклясться отъ ея имени, что каждый воинъ готовъ пролить свою кровь до послѣдней капли въ защиту короля и отечества, но что онъ никогда не подниметъ оружія для поддержки надменной аристократіи и проклятаго угнетенія, которое она примѣняетъ къ наиболѣе многочисленной части самой несчастной и самой добродѣтельной націи». Тутъ одинаково ярко сказывается и дружелюбное къ народу настроеніе солдатъ, и то нежеланіе (характерное для первыхъ лѣтъ революціи) смѣшивать короля съ остальнымъ «старымъ строемъ», о которомъ у насъ шла рѣчь въ предшествующихъ очеркахъ. Тѣ же чувства проникаютъ и другіе солдатскіе отклики по поводу 23-го іюня. Вотъ что, *по уполномочію всѣхъ своихъ товарищей*, пишетъ другой гренадеръ своему полковнику герцогу дю-Шатлэ *): «Мои храбрые товарищи и я—мы далеки были отъ мысли, что намъ придется оправдываться въ своемъ поведеніи. На насъ клевещутъ, къ намъ относятся, какъ къ бунтовщикамъ, намъ даже угрожаютъ: но люди, руководимые честью и любовью къ своимъ братьямъ, мало боятся несправедливой власти и предпочитаютъ самое суровое обхожденіе позору и низости вооруженной борьбы противъ своей собственной семьи. Да, г-нъ герцогъ, какіе бы под-

---

*) Lettre d'un grenadier des Gardes-Françaises à M. le Duc du Châtelet. (№ «Націон. Библіотеки» Lb, 39—1868).

лые и корыстные мотивы за нами ни предполагались, мнѣ поручено всѣми моими товарищами увѣрить васъ, что всякій разъ, какъ вы прикажете намъ быть преступниками, вы найдете насъ непослушными. Умереть за нашего короля и отечество,—вотъ нашъ долгъ, другого мы не знаемъ; и званіе французскаго гвардейца не налагаетъ на насъ необходимости обагрять руки въ крови согражданъ по малѣйшему сигналу тирановъ, которые окружаютъ наилучшаго и добрѣйшаго изъ королей; военная субординація, которую вы намъ справедливо проповѣдуете, не можетъ принуждать насъ къ братоубійству; и наше неповиновеніе не только далеко не есть преступленіе, но покрываетъ насъ честью, а на васъ ложится укоромъ. И какъ, г-нъ полковникъ, осмѣлились вы требовать отъ насъ страшной клятвы рѣзать тѣхъ, которые платятъ намъ, чтобъ мы ихъ защищали? Еслибы мы на васъ походили, еслибы убійство не стоило намъ больше, нежели вамъ, то мы отвѣтили бы на это ужасное предложеніе не молчаніемъ нашимъ, а тѣмъ, что разстрѣляли бы васъ. Неужели вы воображаете, приказывая намъ убивать, что ваша жизнь будетъ для насъ болѣе священна, чѣмъ жизнь нашихъ согражданъ? Чтобы мы убивали тѣхъ, кто поливаетъ своимъ потомъ хлѣбъ, который мы ѣдимъ! Тѣхъ, кто поддерживаетъ наше существованіе затѣмъ, чтобы мы ихъ защищали!» Дальше идутъ горькія жалобы на солдатскую жизнь, подтверждающія то, что сказано было выше: что французскій абсолютизмъ, гораздо менѣе предусмотрительный, нежели русскій, не позаботился даже сдѣлать жизнь хотя бы однихъ гвардейцевъ мало-мальски сносной,—и этимъ не обезпечилъ за собою той небольшой, исторически-неважной, но для самого абсолютизма весьма существенной отсрочки, которая обезпечивается за всякимъ падающимъ строемъ, если армія не сразу его покидаетъ. Солдатъ, пишущій

къ герцогу, самъ сознается, что уклоняется отъ предмета *), но «негодованіе внушаетъ ему» эти жалобы. «Вы обходитесь съ храбрыми молодцами, какъ съ американскими неграми, но эти несчастные—рабы, а мы свободны. Вы бьете людей, которые вамъ братья, равны вамъ, часто превосходятъ васъ храбростью, и которые избавились бы отъ этой обиды, еслибъ они не рисковали быть повѣшенными, мѣряясь съ вами». Далѣе указывается, что полковникъ выгналъ со службы стараго сержанта, прослужившаго 30 лѣтъ, за то, что тотъ «отказался быть убійцей» (еще *до* 23-го іюня, по другому поводу; но на что намекаетъ тутъ письмо, сказать трудно). Вся корпорація сержантовъ обложила себя взносами, чтобы старикъ не остался безъ куска хлѣба; это извѣстіе иллюстрируетъ то, что выше было сказано о настроеніи унтеръ-офицерства. «Если вы осмѣлитесь насъ наказать, продолжаетъ письмо, то это наказаніе не запятнаетъ людей, которымъ рукоплещетъ нація, и эти рукоплесканія нашихъ согражданъ болѣе лестны для насъ, нежели всѣ награды, которыя вы бы намъ дали за стрѣльбу по согражданамъ. Вы намъ также грозите гнѣвомъ нашего короля; но развѣ онъ не лучшій изъ отцовъ? Вы его представляете такимъ же злымъ, какъ вы сами, но мы вамъ не вѣримъ. О, г-нъ герцогъ, еслибы какой-нибудь отецъ приказалъ однимъ своимъ дѣтямъ зарѣзать ихъ безоружныхъ и беззащитныхъ братьевъ, и еслибы его дѣти отказались повиноваться столь варварскому приказу, то развѣ были бы они преступниками, были бы они бунтовщиками, если, вмѣсто взаимнаго избіенія, они бы всѣ пришли и бросились къ ногамъ ихъ общаго отца и сказали бы ему: «не дѣлайте насъ палачами тѣхъ, кого долгъ и сама природа заставляетъ насъ любить и защи-

*) Lettre cit., стр. 4 и сл.

щать! Если мы сегодня васъ послушаемся, то завтра вы съ основаніемъ будете бояться за себя самого, ибо дурной братъ не можетъ быть хорошимъ сыномъ».

Въ еще болѣе энергичныхъ, часто бранныхъ, выраженіяхъ составлена была резолюція гвардейцевъ на другой день послѣ памятныхъ событій, т.-е. 24-го іюня 1789 года. Эта резолюція, *единогласно* принятая на собраніи въ кордегардіи первой роты, также сохранилась въ Національной Библіотекѣ *). Въ этой резолюціи, между прочимъ, читаемъ: ...«мы клянемся и обѣщаемъ отечеству не повиноваться никакому приказу, все равно отъ кого бы онъ ни исходилъ, и кѣмъ бы онъ ни былъ намъ данъ, который клонился бы къ тому, чтобы лишить нашего добраго короля хоть единаго изъ его вѣрноподданныхъ; въ случаѣ же, еслибы намъ приказали стрѣлять въ народъ, nom d'un diable! мы клянемся бросить на землю наше оружіе и затѣмъ отдаться подъ покровительство г-на Неккера, который никогда не потерпитъ, чтобы храбрые солдаты сражались противъ своихъ отцовъ, братьевъ и друзей». Резолюція дальше бранитъ непечатными словами дурныхъ совѣтниковъ короля, клянется, что ничего не предприметъ противъ дворца, гдѣ засѣдаетъ Національное Собраніе, «на которое мы смотримъ... какъ на отцовъ отечества, какъ на друзей третьяго сословія», наконецъ, заявляется въ концѣ, что «измѣнникъ чести, измѣнникъ гвардейскому полку и неспособенъ служить въ королевскихъ войскахъ тотъ солдатъ этого полка, который откажется подписать настоящее постановленіе или который, подписывая его, не выпьетъ за здоровье короля, Неккера и Генеральныхъ Штатовъ».

Ясно было, что для абсолютизма эти солдаты поте-

---

*) Подъ № Lb, 39—7314: Arrêté des grenadiers aux Gardes-Françaises, fait et arrêté unanimement au corps-de-garde de la première Compagnie des G.-F; le Juin, 1789.

ряны. 25-го іюня въ Парижѣ тремя тысячами солдатъ была произнесена клятва «защищать отечество, свободу, государя, обойденнаго маленькой кучкою злодѣевъ,—защищать противъ всякихъ насилій согражданъ вообще и каждаго изъ членовъ Національнаго Собранія въ особенности; и не потерпѣть, чтобы кто-либо изъ нихъ, солдатъ, былъ арестованъ или наказанъ за этотъ патріотическій актъ» *). Новые взрывы восторга привѣтствовали это извѣстіе, открывавшее предъ революціей грандіозныя и свѣтлыя переспективы. Но тутъ же разнеслось извѣстіе, что дворъ сначала колебался: не призвать-ли на помощь другія войска для усмиренія войскъ ненадежныхъ, или лучше воздержаться отъ насильственныхъ дѣйствій. Возобладало послѣднее мнѣніе. На самомъ дѣлѣ, король и Неккеръ были рѣшительно противъ кровопролитія, а принцы и королева, настроенные гораздо болѣе аггрессивно, тоже не могли чувствовать особенной самоувѣренности, послѣ поведенія солдатъ 23-24-25 іюня; хотя все-таки значительная часть двора склонялась къ крутымъ мѣрамъ. Эти колебанія окончательно убили въ арміи всякую мысль о возможности въ близкомъ будущемъ какихъ бы то ни было рѣшительныхъ столкновеній съ революціей,—и новое теченіе, обнаружившееся въ гвардіи, распространялось все шире и шире. Каждый день колебаній уменьшалъ число еще вѣрныхъ абсолютизму солдатъ.

III.

Революціонно-настроенные люди послѣ событій 23-го іюня взялись за активную пропаганду въ войскахъ, стояв-

---

*) Avis aux grenadiers et soldats du tiers-état, стр. 16 (Нац. Библ. Lb, 39—1867).

нихъ въ Парижѣ. Все поведеніе двора говорило о томъ, что борьба не кончена, а, можетъ быть, только еще начинается; обезпечить за собою армію, увѣриться въ ней окончательно являлось весьма серьезной заботой для оппозиціи. «Солдатъ водили въ садъ Пале-Рояля, мѣсто наиболѣе многочисленныхъ собраній и пунктъ, гдѣ сходились крупнѣйшіе агитаторы; и здѣсь ихъ осыпали ласками и подарками; спрашивали у нихъ, будутъ ли они имѣть несчастное мужество омочить свои руки въ крови согражданъ, друзей, братьевъ. Солдаты, растроганные, отвѣчали криками. да здравствуетъ нація! да здравствуютъ парижане!—и возвращались въ свой полкъ, чтобы пріобрѣсти новыхъ сторонниковъ народнаго дѣла» *). Въ это же время и въ памфлетной литературѣ, читавшейся нарасхватъ, указывалось на всѣ ужасы солдатской жизни, на розги, палки, всевозможныя издѣвательства и притѣсненія офицеровъ и т. д. «Не принадлежимъ ли и мы (солдаты) къ тому третьему сословію, которое унижаютъ, оскорбляютъ и которое дворяне хотѣли бы теперь раздавить?»—спрашиваетъ въ одномъ такомъ памфлетѣ одинъ старый ветеранъ **). Распространялся листокъ съ выгравированною частью резолюціи гвардейцевъ, стоявшихъ въ Парижѣ ***): «мы—рабы чести и родины, наша клятва связывала насъ съ корпораціей, которую мы составляемъ. Но злоупотребленіе властью, которую надъ нами имѣли, только-что насъ освободило. Никогда мы не повѣримъ, что мы можемъ лучше доказать повиновеніе нашему доброму королю, какъ объявивши себя солдатами націи. Это—имя, которое мы просимъ, чтобы намъ дали, хотя оно немного

---

*) Journées Mémorables de la Révolution. 12-13 juillet, стр. 7 (изд. Paris, 1826).

**) Націон. Библіот. Lb, 39—1867. Avis aux grenadiers, стр. 5.

***) Extrait de la Motion des Gardes-Françaises, (Націон. Библ., №Lb., 39—7358).

и отличается отъ того имени, которое мы носимъ. Кромѣ того, мы требуемъ смягченія военной дисциплины, уничтоженія наказанія сабельными ударами плашмя, увеличенія жалованія, чтобы оно равнялось жалованью иностранныхъ полковъ *), и чтобы повышенія давались по заслугамъ и по старшинству лѣтъ, а не по благоволенію».

Парижане во французскихъ гвардейцахъ были болѣе или менѣе увѣрены; они больше боялись тѣхъ полковъ «швейцарскихъ гвардейцевъ» и «королевско-нѣмецкаго полка», которые были дальше отъ народа, и среди которыхъ дисциплина была гораздо тверже. Кромѣ того, носились безпокойные слухи, что дворъ стягиваетъ войска изъ провинціи къ Парижу. Убрать изъ Парижа войска— стало лозунгомъ дня въ послѣднихъ числахъ іюня. Сообразно съ общимъ тономъ этихъ дней, съ просьбою объ удаленіи войскъ обращались самымъ умильнымъ и вѣрноподданическимъ образомъ къ королю. «О наилучшій король! — восклицаетъ авторъ типичнѣйшаго летучаго листка, по этому поводу появившагося **),—ты царствуешь надъ народомъ, котораго вѣрность къ своимъ королямъ есть излюбленное право, а ты хочешь его раздавить подъ своимъ желѣзнымъ скипетромъ. По твоему приказу вооруженные братья двигаются противъ своихъ братьевъ, мирныхъ и спокойныхъ вслѣдствіе вѣры въ твои обѣщанія. Если твои намѣренія хороши, если они дышатъ соглашеніемъ, то нужны-ли военныя приготовленія, чтобы заставить ихъ одобрить? Если же они деспотичны и враждебны счастью людей, *то что сдѣлаетъ не-*

---

*) т.-е. gardes-suisses и Royal-Allemand, набиравшихся изъ швейцарцевъ и нѣмцевъ.

**) Armes bas. Conte qui n'en est pas un (анонимн.). Нац. Библ., Lb, 39—1940, стр. 3-я. Брошюра написана въ тонѣ прозрачной аллегоріи.

увѣренное мужество и нерѣшительная храбрость твоихъ недовольныхъ солдатъ противъ ярости и отчаянія двадцати трехъ милліоновъ твоихъ подданныхъ?»

Какъ разъ въ эти дни общее вниманіе было съ особенною силою приковано къ вопросу объ отношеніяхъ между войсками и народомъ слѣдующимъ фактомъ. Въ своихъ метаніяхъ и колебаніяхъ дворъ дѣлалъ одну непослѣдовательность за другой. Не рѣшившись ни настоять на своемъ призывѣ къ оружію вечеромъ 23 іюня, ни начать систематическое преслѣдованіе солдатъ и розыскъ по поводу ихъ собраній и резолюцій въ ближайшіе дни, военное начальство сочло необходимымъ вдругъ арестовать нѣсколькихъ солдатъ за неповиновеніе властямъ (все по поводу отказа пустить въ ходъ оружіе 23 іюня) и засадить ихъ въ военную тюрьму въ Сенъ-Жерменскомъ аббатствѣ. Приказъ былъ отданъ все тѣмъ же ненавистнымъ для гвардіи полковникомъ герцогомъ дю-Шатлэ, письмо къ которому мы приводили выше. Во вторникъ 30-го іюня, въ 6 ч. вечера толпѣ, собравшейся по обыкновенію въ Пале-Роялѣ, гдѣ ежедневно происходили огромныя сборища, было сообщено, что одиннадцать гвардейцевъ сидятъ въ тюрьмѣ за то, что не стрѣляли въ народъ, и что ихъ ждетъ смертная казнь. Эти слова страшно взволновали народную массу, и толпа ринулась къ Сенъ-Жерменскому аббатству. Съ яростными криками, быстро увеличиваясь въ числѣ, толпа, достигнувши аббатства, взломала ворота и освободила всѣхъ арестованныхъ, которыхъ съ тріумфомъ и радостными криками понесла въ Пале-Рояль. Уже когда они шли изъ тюрьмы, навстрѣчу прискакалъ отрядъ драгунъ, вызванный часовымъ, который помчался за помощью еще при началѣ аттаки. Отрядъ скакалъ галопомъ, съ обнаженными саблями, но толпа (ея было по описанію очевидца около десяти тысячъ) яростно угрожала ихъ истребить всѣхъ, если

они не вложатъ сабли въ ножны *). Впрочемъ, драгуны и сами стали дружелюбно снимать свои каски, появилось вино, и драгуны вмѣстѣ съ толпою «выпили за здоровье короля и націи» **). Экспедиція вся продолжалась около $1^1/_2$ часа и не стоила ни капли крови.

Отношеніе къ королю, отдѣленіе короля отъ двора, идеализація короля—вотъ почва, на которой революціонная толпа ближе всего сходилась съ солдатами. Вотъ освобожденные гвардейцы и торжествующая масса ихъ освободителей въ Пале-Роялѣ. Какія же рѣчи тамъ произносятся наряду съ предложеніями самаго бурнаго характера?.. «Броситься толпою къ подножію трона, умолять короля о милосердіи къ освобожденнымъ гвардейцамъ»... ***) Въ концѣ концовъ рѣшено было выбрать изъ числа собравшихся 20 депутатовъ и отправить ихъ въ Версаль, чтобы они обратились къ Національному Собранію съ ходатайствомъ объ участи освобожденныхъ гвардейцевъ. Чувствовалась необходимость легализовать положеніе этихъ солдатъ. Депутація отправилась въ ту же ночь, а рано утромъ уже представила петицію. Въ этой петиціи депутація проситъ о справедливости, которую и надѣется получить «отъ доброты благодѣтельнаго Монарха, намѣренія котораго столь чисты и столь извѣстны, и отъ энергіи представителей французской націи».

Характернѣйшее мѣсто петиціи, по нашему мнѣнію, составляютъ слѣдующія слова: «Еще вспоминается съ тревогою и умиленіемъ ужасная сцена 23-го іюня: быть можетъ, покончено было бы съ французскою свободою

---

*) Récit d'élargissement forcé et de la rentrée volontaire des gardes-françaises. 1789, стр. 6. (Нац. Библіот., Lb, 39—1883).

**) Rélation de ce qui s'est passé à l'Abbaye Saint-Germain, le 30 Juin au soir. Помѣченъ листокъ 1-мъ іюля 1879 г. (Нац. Библ. Lb, 39—1882).

***) Récit d'élargissement, op. cit., стр. 7.

(il en était fait peut-être de la liberté française), еслибы благородные воины, которыхъ осмѣлились призвать на помощь противъ ихъ соотечественниковъ, не отказались обагрить народною кровью оружіе, которое они должны пускать въ ходъ только противъ враговъ отечества». Собраніе послѣ долгихъ преній постановило, выразивши скорбь по поводу безпорядковъ *), происшедшихъ въ Парижѣ, просить обывателей столицы немедленно успокоиться, а къ королю отправить делегацію, чтобы «умолять его во имя возстановленія порядка пустить въ ходъ непогрѣшимыя средства милосердія и доброты, столь свойственныя его сердцу, а также довѣріе, которое его добрый народъ всегда заслужитъ». Неккеръ отнесся къ ходатайству съ полнѣйшимъ благоволеніемъ. Онъ даже пригласилъ къ себѣ депутацію, прибывшую отъ палерояльскаго собранія и заявилъ имъ (въ большинствѣ это были совсѣмъ молодые люди) слѣдующее: **) «Есть, господа, возрастъ драгоцѣнный, любящій добродѣтель,— это вашъ возрастъ, и я съ удовольствіемъ взираю на поступокъ, который онъ вамъ внушилъ». Что касается до короля, принявшаго уполномоченныхъ отъ Національнаго Собранія, то Людовикъ XVI, только-что находившій мудрымъ не противиться рѣшенію полковника дю-Шатлэ, тотчасъ же нашелъ мудрымъ и то, что говорила ему депутація собранія.

«Ваше постановленіе весьма мудро,—заявилъ его величество,—я очень доволенъ, что знаю желанія собранія, и всякій разъ, какъ нація мнѣ довѣрится, я надѣюсь, что все пойдетъ хорошо; я сообщу о своихъ окончательныхъ намѣреніяхъ». 2-го іюля король прислалъ собранію

---

*) «L'Assemblee Nationale gémit des troubles» etc.

**) Récit de l'élargissement, op. cit. 19. Эта брошюра написана Сентъ-Юрсэномъ, участникомъ пале-рояльской депутаціи, сейчасъ же послѣ событія (ея № въ Нац. Б. см. выше).

извѣщеніе, въ которомъ сначала высказываетъ полное порицаніе толпѣ, взломавшей тюрьму, а затѣмъ говоритъ: «Однако, въ этомъ случаѣ, когда порядокъ возстановится, я уступлю чувству доброты и надѣюсь, что мнѣ не придется упрекать себя изъ-за моего милосердія». Письмо кончалось указаніемъ на дурныя стороны безпорядка и распущенности. Послѣ этого уклончиваго отвѣта освобожденные гвардейцы еще прожили два дня въ Пале-Роялѣ, гдѣ никто изъ властей не дѣлалъ попытки ихъ тревожить. Дѣло стояло такъ, что требовалось, чтобы солдаты сами вернулись въ тюрьму: это и было бы «возстановленіемъ порядка», о которомъ говорилъ король, какъ о предварительномъ условіи для проявленія своей милости. Члены избирательной коллегіи города Парижа (со времени выборовъ въ генеральные штаты они остались, какъ очень вліятельная и продолжавшая собираться коллегія) взяли на себя дальнѣйшія ходатайства, но 4-го іюля вечеромъ гвардейцы сами ушли изъ Пале-Рояля и явились въ свою тюрьму, отдаваясь на милость короля, а 6-го іюля имъ было объявлено полное королевское помилованіе. Сейчасъ же появился въ печати листокъ съ благодарностью гвардейцевъ, адресованною королю. «О, великодушный и благородный государь!—читаемъ мы тамъ *): вы, кого обожаетъ Франція, вы, желающій только счастья вашихъ народовъ и любви подданныхъ!.. Великій король, какъ могли мы уклониться отъ вашихъ справедливыхъ законовъ и нарушить воинскую дисциплину!.. Если сердце наше могло ввести насъ въ неповиновеніе относительно васъ, то не потому, чтобы мы пошли за другими знаменами,—все наше намѣреніе заключалось лишь въ томъ, чтобы служить націи и,

---

*) La grâce des Gardes-Françaises accordée et leurs remerciements adressés au Roi, ce 6 Juillet 1789 (Націон. Библ., Lb, 39, 7351).

вмѣстѣ съ тѣмъ, нашему королю! Наше сердце естественно отказалось поднять оружіе для убійства нашихъ братьевъ, а вашихъ дѣтей, и мы не можемъ повѣрить, чтобы такой приказъ могъ быть данъ королемъ такимъ нѣжнымъ, такимъ добрымъ, показывающимъ одно только желаніе дѣлать добро!» Далѣе говорится, что «мы готовы пролить всю нашу кровь за тронъ и отечество»,—и что они даютъ «нерушимую клятву никогда не забывать того, чѣмъ обязаны августѣйшему монарху». Сентъ-Юрсэнъ, членъ делегаціи, хлопотавшей 1-го іюля въ Версали о гвардейцахъ, наканунѣ освобожденныхъ, говоритъ съ неудовольствіемъ *) о какомъ-то листкѣ, выпущенномъ аристократіей отъ имени гвардейцевъ, и именно недоволенъ по поводу слишкомъ «напыщенныхъ» выраженій. Имѣетъ-ли онъ въ виду только-что цитированный нами листокъ, единственный подобнаго содержанія, сохранившійся въ Національной библіотекѣ, или какой-нибудь другой? Во всякомъ случаѣ выраженія самого Сентъ-Юрсэна немногимъ отличаются отъ «напыщенныхъ» словъ, написанныхъ гвардейцами или отъ имени гвардейцевъ. «Обожаемый монархъ», «le monarque adoré», «отеческая доброта» короля и т. д. и т. д. попадаются у этого человѣка, безспорно революціонно-настроеннаго, чуть не на каждой страницѣ. Въ томъ-то отчасти и былъ секретъ отношеній между войскомъ и революціонной массою въ началѣ революціи, что революціонеры въ массѣ искренно вѣрили въ то, во что вѣрили войска: что борьба идетъ не противъ короля, а противъ общихъ—его и націи—враговъ; это выдергивало изъ-подъ стараго режима единственное подобіе моральной силы, на которую онъ могъ бы еще нѣкоторое время опереться въ кругахъ солдатъ, и это ускоряло и страшно облегчало дѣло его разрушенія.

---

*) Récit de l'élargissement, op. cit., стр. 29.

IV.

Исторія съ освобожденіемъ и прощеніемъ заключенныхъ гвардейцевъ нанесла новый тяжкій ударъ дисциплинѣ въ войскахъ. Смятеніе и колебанія, борьба взглядовъ и плановъ, царившія при дворѣ, сказались съ необычайной яркостью на всѣхъ перипетіяхъ этого инцидента. Вмѣстѣ съ тѣмъ революціонная мысль въ Парижѣ достигла 30-го іюня 1789 года того, къ чему стремилась революціонная мысль въ Петербургѣ въ ноябрѣ 1905 года, выдвигая, въ качествѣ одного изъ мотивовъ ко второй забастовкѣ, требованіе отмѣны полевого суда надъ кронштадтскими матросами. Связать общею порукою, сознаніемъ дружбы и солидарности, взаимною помощью народъ и вооруженныя силы страны, такая—задача рано или поздно становится предъ революціоннымъ сознаніемъ массъ и разрѣшается съ большими или меньшими трудностями, но, при затяжной революціи, не можетъ не разрѣшиться въ пользу народа. Ибо сдѣлать армію *совсѣмъ* чужою націи, мыслить ее внѣ времени и пространства можетъ только та институтская наивность, сопряженная съ глубочайшимъ невѣжествомъ, которая гнѣздится часто подъ наиболѣе расшитыми вицъ-мундирами. Къ счастью для французской революціи, подобныя надежды полковника дю-Шатлэ и ему подобныхъ оказались несостоятельными сразу же, въ первые моменты столкновеній между народомъ и солдатами. Дальше предстояли въ этомъ смыслѣ новыя разочарованія.

Командующій войсками маршалъ герцогъ Брольи пробовалъ принимать мѣры противъ все усиливающагося общенія между арміей и народомъ, но ничего изъ этого не вышло. Вотъ голосъ жизни, доносящійся до насъ изъ лету-

чаго листка *), помѣченнаго 13-мъ іюля, т.-е., значитъ, рѣчь идетъ о тѣхъ критическихъ двухъ недѣляхъ, которыя отдѣляютъ описанное нами освобожденіе гвардейцевъ (30-го іюня) отъ взятія Бастиліи (14-го іюля). Маршалъ,— говоритъ листокъ,—рѣшилъ стрѣлять въ общественное мнѣніе изъ пушекъ. Онъ боится, чтобы солдаты съ этимъ общественнымъ мнѣніемъ не сошлись. И такъ какъ г. маршалъ близорукъ, то онъ подумалъ, что чудеса произведетъ, запрещая храбрецамъ, которые находятся подъ его начальствомъ, всякое сообщеніе съ публикою. Это все равно, какъ Арлекинъ держалъ Коломбину запертою на чердакѣ, чтобы отнять у нея желаніе смотрѣть на улицу. Въ пятницу нѣсколько солдатъ королевскаго артиллерійскаго корпуса, которымъ надоѣлъ режимъ, установленный г. генералиссимусомъ, весело перепрыгнули чрезъ стѣны дома инвалидовъ и пришли погулять въ Пале-Рояль. Тамъ они были приняты гражданами съ распростертыми объятьями. Солдаты разныхъ полковъ присоединились къ нимъ. Видѣли тамъ соединенными артиллерію, инфантерію, кавалерію, французскихъ гвардейцевъ, драгунъ. Публика предложила имъ прохладительные напитки. Они пили за здоровье короля и Національнаго Собранія... Они повторили предъ публикою обѣщаніе никогда не поднимать оружія противъ отечества,— обѣщаніе, примѣръ котораго первые имѣли случай представить гвардейцы. Въ томъ же духѣ высказались и бывшіе здѣсь сержанты артиллеріи. А что сказалъ на это генералиссимусъ? Онъ держалъ совѣтъ со своимъ духовникомъ. А что рѣшилъ духовникъ? Что нужно отослать этотъ полкъ и выписать сюда другой. Бѣдный человѣкъ! Позавчера сорокъ человѣкъ вентимильскаго (вновь выписаннаго) полка, нѣсколько драгунъ и другихъ сол-

*) L'Armée citoyenne (Націон. Библ. Lb, 39, 1935), 13 Juillet 1789.

датъ, всѣ перемѣшанные съ французскими гвардейцами, явились также въ Пале-Рояль для ознаменованія своего патріотическаго появленія. Они были приняты тамъ такъ, какъ наканунѣ ихъ товарищи; они пошли танцовать въ Елисейскія Поля, какъ наканунѣ ихъ товарищи. А духовникъ? Онъ говорилъ тѣ же глупости, что говорилъ наканунѣ. А генералиссимусъ? онъ ихъ слушалъ, какъ слушалъ ихъ наканунѣ. Бѣдный человѣкъ!

Этотъ «бѣдный человѣкъ», маршалъ Брольи, въ эти же дни, когда всенародно осмѣивали его безсиліе въ борьбѣ съ духомъ времени, заявлялъ въ письмѣ къ принцу Кондэ, что «пушечный залпъ или ружейная стрѣльба быстро разсѣяли бы этихъ аргументаторовъ и возстановили бы исчезающую абсолютную власть». Дворъ, руководимый королевою, принцами, барономъ Бретейлемъ, очень полагался на этого Брольи: послѣ всѣхъ своихъ колебаній, отчасти происходившихъ отъ неувѣренности въ войскахъ, отчасти отъ нерѣшительности короля, отчасти отъ не сразу пришедшаго сознанія опасности, — послѣ всѣхъ этихъ колебаній, въ свою очередь, какъ уже было сказано, окончательно подкапывавшихъ «надежность» войскъ, абсолютизмъ рѣшилъ, наконецъ, сдѣлать попытку вооруженной борьбы. У абсолютизма были еще полки (gardes-suisses, Royal-allemand и др.), на которые онъ сильно надѣялся, наконецъ, и истинныхъ размѣровъ революціонизаціи даже самыхъ «подозрительныхъ» полковъ никто не могъ знать въ точности. Въ Парижъ съ первыхъ же дней іюля стягивались непрерывно новые и новые полки. Аристократія уже напередъ, вслухъ, торжествовала побѣду надъ «дерзкими» и «злодѣями», которые не переставали въ послѣдніе два мѣсяца, съ самаго открытія Генеральныхъ Штатовъ смущать ея покой. Въ прямолинейномъ скудоуміи своемъ дворъ одинаково лютою ненавистью ненавидѣлъ и ораторовъ Пале-Рояля, и Мирабо,

и министра Неккера, и всѣмъ имъ грозилъ ссылкою, Бастиліею, висѣлицею,—хотя буржуазія во главѣ съ Мирабо уже усиленно открещивалась отъ всевозможныхъ «мятежныхъ» плановъ и «мятежниковъ», которые бы вздумали помогать собранію,—хотя собраніе не жалѣло самыхъ низкопоклонныхъ фразъ и формулъ, чтобы польстить королю и войти съ нимъ въ соглашеніе. Абсолютистская организація очень хорошо знала, что *съ нею* соглашенія не будетъ; аристократія знала то же самое. Они желали теперь, въ началѣ іюля пустить въ ходъ еще оставшееся, повидимому, въ ихъ распоряженіи—орудіе насилія, не видя, что оно плохо было еще до начала кризиса, и совсѣмъ надломилось въ эти мѣсяцы растерянности и нерѣшительности.

12 іюля въ Парижѣ съ быстротою молніи разносится слухъ объ отставкѣ Неккера. Въ этотъ же день произошли кровавыя столкновенія. Печать неувѣренности въ себѣ лежитъ на всѣхъ распоряженіяхъ военной власти, начиная съ этого дня. Изъ Пале-Рояля идетъ процессія во главѣ съ молодымъ человѣкомъ, несущимъ бюстъ. Войска на Вандомской площади преграждаютъ дорогу. Раздается съ ихъ стороны выстрѣлъ; молодой человѣкъ убитъ, но бюстъ Неккера подхваченъ и толпа идетъ дальше, а войскамъ приказано отступать, уже не стрѣляя. Тогда толпа смѣшивается съ войсками, очищающими ей путь, въ одну безпорядочную массу. У сада Тюльери отрядъ королевско-нѣмецкаго полка подъ начальствомъ князя Ламбэска оттѣснилъ толпу, при чемъ многіе пострадали отъ давки, а затѣмъ стрѣляли изъ пистолетовъ и пустили въ ходъ сабли, расчищая себѣ путь. Толпа отвѣчала камнями, бутылками, стульями, взятыми въ саду. Число пострадавшихъ, конечно, было шуточнымъ, сравнительно съ кровавыми банями, которыми въ такомъ изобиліи ознаменована, напр., русская революція,—но, отъ непривычки,

столкновеніе съ Ламбэскомъ выросло въ народномъ воображеніи въ нѣчто неслыханное, а самаго Ламбэска печатно сравнивали съ Нерономъ *). Вскорѣ послѣ этого, къ вечеру того же дня, случилось событіе весьма серьезное: отрядъ французскихъ гвардейцевъ во главѣ съ капраломъ напалъ на деташементъ королевско-нѣмецкаго полка, стоявшій въ Монморанси,—и заставилъ его уйти. Это былъ уже открытый переходъ части гвардіи на сторону революціи, переходъ не пассивный, но активный. На другой день войскамъ, занимавшимъ площадь близъ Тюльери, вдругъ было приказано отступить. Колебанія военнаго начальства происходили не только вслѣдствіе неувѣренности въ солдатахъ, но и по причинѣ полнаго отсутствія сколько-нибудь ясно выработаннаго плана дѣйствій. Народъ уже разобралъ всѣ оружейные склады, какіе могъ, часть войскъ явно была на сторонѣ инсургентовъ, а комендантъ Бастиліи Делонэ писалъ въ Версаль, что онъ вовсе не беретъ на себя отвѣтственности за цѣлость крѣпости. У него въ распоряженіи противъ огромнаго возставшаго и вооружившагося города оказалось всего 32 швейцарскихъ гвардейца и 82 инвалида, хотя онъ уже нѣсколько дней ожидалъ осады, а съ 12 іюля это стало дѣломъ рѣшеннымъ.

Люди, умѣвшіе въ Версалѣ непечатно бранить революцію и сулить ей висѣлицы, радовавшіеся съ первыхъ чиселъ іюля, какъ дѣти, своему мнимому близкому торжеству, были совершенно неспособны даже измѣрить всѣ размѣры сопротивленія, на которое они наткнутся; у нихъ не хватило ума даже на то, чтобы хоть извлечь возможный максимумъ пользы изъ ненадежнаго и надломаннаго орудія, какимъ являлась уже въ ихъ рукахъ

---

*) Ср., напр., брошюру Neron Lambesc vit-il toujours? (Нац. Библ., Ib., 39, 3654).

армія. Безнадежное скудоуміе и ослѣпленіе—вотъ что сказывалось во всѣхъ ихъ поступкахъ, вплоть до нелѣпой «стратегіи» 14-го іюля 1789 года, удивившей даже ихъ враговъ.

Насъ тутъ этотъ день интересуетъ только какъ завершеніе процесса разложенія королевскихъ военныхъ силъ,—того процесса, отдѣльные моменты котораго мы старались прослѣдить въ предшествующемъ изложеніи. Двѣ черты особенно характерны для этого заключительнаго момента указаннаго процесса: во-первыхъ, массовый открытый переходъ гвардейцевъ на сторону осаждавшаго Бастилію народа и, во-вторыхъ, глубочайшая растерянность и инертность, проявившіяся со стороны всего военнаго начальства, высшаго, средняго и низшаго, начиная съ Брольи и Безанваля, не попытавшихся снять осаду съ Бастиліи и ограничившихся въ этомъ смыслѣ только обѣщаніемъ помочь къ вечеру.

Командовавшій парижскими войсками баронъ де-Безанваль имѣлъ въ своемъ распоряженіи не мало силъ, но, сообразно съ царившей при дворѣ путаницей мнѣній, онъ толкомъ не зналъ, что ему дѣлать. Вотъ что онъ разсказываетъ объ этихъ дняхъ: «такъ какъ безпорядокъ увеличивался съ часу на часъ, то и мое затрудненіе также удваивалось. За какое рѣшеніе мнѣ ухватиться?» Онъ боялся «возжечь гражданскую войну». «Должна была пролиться кровь драгоцѣнная, съ которой бы стороны она ни текла,—притомъ безъ какого-либо полезнаго результата для общественнаго спокойствія. Къ моимъ войскамъ, почти на моихъ глазахъ приступали со всевозможными обыкновенными обольщеніями; я получалъ извѣстія, которыя внушали мнѣ тревогу насчетъ ихъ вѣрности; въ Версалѣ меня забыли въ этомъ жестокомъ положеніи и упорно смотрѣли на триста тысячъ взбунтовавшихся людей, какъ на сборище, а на революцію, какъ на волне-

ніе *). Разсмотрѣвши все это, я рѣшилъ, что самое благоразумное—это отвести войска и предоставить Парижъ собственной участи. Я рѣшился на это въ часъ утра». Страхъ и растерянность охватывали все военное начальство. Всѣ говорили о ненадежности войскъ и всѣ ждали приказаній отъ Безанваля, который въ свою очередь ждалъ ихъ отъ главнаго начальника арміи и военнаго министерства—маршала Брольи. А Брольи ровно ничего на письмо Безанваля не отвѣтилъ. Въ пять часовъ утра (14-го іюля) къ Безанвалю пришелъ человѣкъ, заявившій, что сопротивленіе будетъ излишне. Сказавши это, онъ ушелъ. «Я долженъ былъ его арестовать,—и не сдѣлалъ ничего подобнаго», съ сокрушеніемъ вспоминаетъ Безанваль. Къ полудню уже былъ разграбленъ революціонерами арсеналъ дома инвалидовъ, при чемъ охрана арсенала помогала напавшимъ въ поискахъ оружія и чуть не повѣсила коменданта на рѣшеткѣ. Собрался военный совѣтъ, при чемъ всѣ генералы были того мнѣнія, что волненіе подавить нельзя, что войска колеблются; что «не взирая на нашу бдительность ихъ распропагандировали» **). Одинъ полковникъ увѣрялъ Безанваля «со слезами на глазахъ, что его полкъ не пойдетъ». Безанваль въ полномъ смятеніи опять пишетъ начальству въ Версаль. «Я написалъ маршалу Брольи, чтобы онъ указалъ мнѣ, какого поведенія мнѣ придерживаться; онъ мнѣ не отвѣтилъ... Второй курьеръ, котораго я отправилъ къ маршалу, былъ перехваченъ шпіонами народной арміи. Я находился въ самомъ безпокойномъ и критическомъ положеніи. Пушки, расположенныя на другомъ берегу Сены и обслуживаемыя французскою гвардіею, угрожали лагерю».

---

*) Versailles... s'obstinait à regarder trois cent mille hommes mutinés comme un attroupement et la révolution comme une emeute. Bord. la prise de la Bastille, стр. 36.

**) qu'on les *pratiquait* en depit de notre vigilance... (Курсивъ Безанваля).

И Безанваль съ тѣми войсками, которыя еще у него были, не рѣшался подойти къ осажденной Бастиліи и попытаться снять осаду; идти съ Марсова поля на другой конецъ города съ войсками, явно не желающими сражаться, могло, дѣйствительно, показаться затруднительнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Безанваль обнадежилъ губернатора Бастиліи, чтобы тотъ продержался до вечера, а вечеромъ придетъ помощь... На самомъ дѣлѣ Бастилія съ первой минуты была предоставлена собственной участи, т.-е. энергіи де-Лонэ, его тридцати двухъ швейцарцевъ и восьмидесяти двухъ инвалидовъ.

Что касается до инвалидовъ, то они съ начала до конца очень нехотя исполняли приказанія и громко выражали желаніе прекратить оборону и сдаться. Швейцарцы же стояли за сопротивленіе. Собственно, только они и пытались отражать нападающихъ. Утромъ 14-го іюля толпа пришла къ дому инвалидовъ за оружіемъ, и солдаты безъ сопротивленія выдали требуемое и указали, гдѣ находились спрятанныя 28 тысячъ ружей въ погребахъ. Когда народъ толпился вокругъ Бастиліи, и осажденные, насколько глазъ могъ охватить пространство, видѣли сплошное море головъ, въ этой толпѣ съ самаго начала виднѣлись тамъ и сямъ гвардейцы, помогавшіе осадѣ, и среди всей массы осаждавшихъ они одни вносили въ дѣло извѣстный порядокъ, послѣдовательность и дисциплину. Въ часъ дня уже большой отрядъ гвардейцевъ подъ предводительствомъ своихъ капраловъ двинулся къ Бастиліи на помощь революціонерамъ.

...«Они обнаружили такое мужество и такую радость,— говоритъ очевидецъ *),—что можно было бы сказать, что они скорѣе идутъ на празднество, чѣмъ на сраженіе». Въ теченіе всѣхъ часовъ осады этотъ отрядъ проявлялъ замѣ-

*) Révolutions de Paris, dedié au district du petit St. Antoine, 1789, стр. 14 (Нац. библ. Lb. 39, 2049).

чательную храбрость и расторопность и принесъ серьезную пользу дѣлу. Такъ, первымъ существеннымъ своимъ успѣхомъ осаждающіе обязаны были двумъ солдатамъ, которымъ удалось съ безумнымъ рискомъ проникнуть въ первый дворъ и сбросить подъемный мостъ со стѣны къ толпѣ, которая сейчасъ же и ринулась по этому мосту въ Бастилію. Всякій разъ, какъ возобновлялась борьба послѣ нѣкотораго роздыха, во главѣ начинающихъ видѣли солдатъ. Когда борьба пріостановилась, и среди осаждающихъ раздавались самыя разнородныя и часто фантастическія предложенія насчетъ того, что бы лучше теперь предпринять,—«положеніе оставалось бы все тѣмъ же неопредѣленное время, если бы не подкрѣпленіе изъ трехсотъ гвардейцевъ дезертировъ, которые прибыли на мѣсто дѣйствія въ сопровожденіи пушекъ, забранныхъ ими наканунѣ въ цейхгаузѣ. Это войско, составленное изъ людей рѣшительныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые были пріучены къ сраженіямъ, состояло подъ начальствомъ сержанта Эли изъ французскаго гвардейскаго полка и Юлэна, служившаго въ придворной бѣлильнѣ» *). Съ ними были пушки и канониры, умѣвшіе изъ пушекъ стрѣлять.

Съ этого-то появленія и началась агонія Бастиліи. Де-Лонэ, вокругъ котораго часть гарнизона уже громко настаивала на сдачѣ, который (какъ и Безанваль) не рѣшался произвести максимумъ убійствъ, какія еще могъ произвести, ибо не могъ знать, какъ на это посмотритъ король,—сдался на капитуляцію. Черезъ полчаса его голова уже колыхалась надъ толпою на остріѣ пики, а король Людовикъ XVI громко заявилъ на слѣдующій день, что онъ заслужилъ свою участь; послѣ взятія Бастиліи король опять заговорилъ о своемъ довѣріи къ націи, и отдалъ войскамъ приказъ уйти изъ Парижа и Версаля.

*) La prise de la Bastille, par d. Bord (Paris 1882), 54.

Вечеромъ 14-го іюля и на другой день 15-го войска отступили изъ Парижа. Они столь быстро и охотно это сдѣлали, что оставили на Марсовомъ полѣ аммуницію, нѣсколько пушекъ, что очень пригодилось начавшей еще 13-го іюля образовываться національной гвардіи. Въ эту гражданскую милицію массами переходили солдаты всѣхъ полковъ, оставлявшіе свои части, чтобы открыто присоединиться къ революціи. А 21-го іюля король санкціонировалъ этотъ переходъ, признавши законнымъ пріемъ солдатъ въ національную гвардію, которые поступаютъ туда изъ регулярныхъ полковъ. Этимъ онъ окончательно и безповоротно призналъ себя побѣжденнымъ революціею.

Армія, какъ защитница абсолютизма, послѣ взятія Бастиліи окончательно перестала существовать. Съ новой силой повторились восторги предъ поведеніемъ войскъ, цѣлый рядъ предложеній былъ сдѣланъ относительно того, какъ бы французскому народу достойно отблагодарить своихъ друзей и защитниковъ-гвардейцевъ *). Дворъ былъ внѣ себя отъ ярости, правда, вполнѣ безсильной. Не было того браннаго эпитета, который не примѣнялся бы къ «дезертирамъ», «измѣнникамъ», и «предателямъ», т.-е. къ солдатамъ, окончательно показавшимъ реакціи, что ей надѣяться на нихъ нельзя. Но оппозиціонная пресса рѣшительно выступила на защиту солдатъ. «Говорите, чудовища,—обращается авторъ одной такой брошюры къ обвинителямъ солдатъ **),—перестали-ли эти солдаты, служа своей родинѣ, посвящая себя ея спасенію, служить своему монарху? Какое преступленіе лежитъ на нихъ? Нѣжность сына къ своей матери?.. Въ томъ-ли ихъ пре-

*) См. напр. листки: «Motion en faveur des M. M. les Gardes-Françaises» (Lb 39—7556, Націон. Библ.); «Paris aux Gardes-Françaises» (Націон. Библ. Lb 39—7557), и т. п.

**) La Nation aux Gardes-Françaises (Націон. Библ. Lb 39—2009), стр. 5—6.

ступленіе, что они способствовали уничтоженію несправедливыхъ претензій нѣсколькихъ презрѣнныхъ существъ» (привилегированныхъ?).. Согласно общему тону этого времени о поведеніи солдатъ говорится такъ, что они оказываются дѣйствовавшими вовсе не противъ короля: «Всегда оставаясь вѣрными ихъ достойному Господину, если они отказались исполнять кровавыя приказанія, то потому, что были увѣрены въ сердцѣ Людовика и, поэтому, не могли, по справедливости, вѣрить въ то, что таковы были *его* приказанія; они хотѣли, чтобы Людовикъ царствовалъ не надъ грудою окровавленныхъ труповъ»... Но уже полная побѣда народа сказывается кое въ чемъ, уже проскальзываютъ фразы, ставящія точки надъ і: «Если интересы великаго народа затронуты, если монархъ соблазненный, введенный въ заблужденіе, необдуманно упорствуетъ въ малоблагопріятныхъ намѣреніяхъ, то разумно-ли, чтобы его народъ, его солдаты стали жертвами тѣхъ хитростей и той лести, которыя вводятъ монарха въ заблужденіе? Какія права на войско, извлекаемое изъ нѣдръ того же народа, имѣетъ тогда подобный монархъ? Не утрачиваетъ-ли онъ всѣ эти права? Должны-ли когда-либо интересы одного человѣка перевѣшивать интересы великаго народа?» *) Далѣе указывается на «адскую интригу» придворной камарильи, которая «тщетно искала своего спасенія въ оружіи тридцати тысячъ человѣкъ», согнанныхъ ею въ Парижъ въ началѣ іюля. Въ концѣ снова и снова превозносится, какъ величайшій въ исторіи Франціи подвигъ, поведеніе солдатъ, отказавшихся стрѣлять «въ своихъ отцовъ и братьевъ» и облегчившихъ дѣло освобожденія народа.

О томъ, какъ даже тѣ солдаты, на которыхъ особенно полагался дворъ, точно также не спасли монархію отъ

*) Ibid., стр. 7.

новаго жестокаго удара 5—6 октября, мы тутъ говорить не станемъ, потому что абсолютизмъ былъ уже значительно къ тому времени сломленъ и даже въ самомъ благопріятномъ для себя случаѣ могъ бы оказать развѣ только мимолетное сопротивленіе при помощи нѣсколькихъ сотъ еще не вполнѣ явно его покинувшихъ солдатъ. Но даже и этого не случилось: толпа женщинъ, мужчинъ и дѣтей, безпрепятственно пошедшая 5-го октября въ Версаль и на другой день заставившая силою короля съ нею вмѣстѣ отправиться въ Парижъ, увидѣла вполнѣ ясно, что король не *почти*, а *совершенно* беззащитенъ предъ лицомъ революціи.

Своей арміи у абсолютизма не стало. Центръ тяжести всѣхъ надеждъ перенесся на иностранное вмѣшательство; эти надежды и связанный съ ними образъ дѣйствій двора вели долгою, но прямою дорогой къ эшафоту.

V.

Самозащита абсолютизма въ другихъ странахъ была сильнѣе. Разнообразныя причины этому содѣйствовали. Убогая экономическая культура королевства обоихъ Сицилій дала неаполитанскимъ Бурбонамъ и ихъ клевретамъ, въ родѣ кардинала Руффо, возможность, систематически организуя «пролетаріатъ въ лохмотьяхъ», лаццарони въ городахъ и разбойничьи шайки вокругъ деревень,—противопоставлять освободительному движенію то угрозу общей анархіей, то непосредственную перспективу страшной смерти отъ рукъ руффіанцевъ, натравленныхъ полиціей. Въ 1860 году, въ рѣшительный моментъ, всѣ эти «маленькія средства» абсолютизма оказались негодными, но до того времени клерикально-абсолютистскія шайки, несомнѣнно, свою роль въ задержкѣ движенія сыграли. Абсолютизмъ въ Австріи пользовался не только аналогич-

ными средствами (въ родѣ избіенія помѣщиковъ крестьянскими руками въ Галиціи въ 1846 году), но и другимъ, еще болѣе существеннымъ методомъ: натравливаніемъ однѣхъ подвластныхъ національностей на другія (въ 1848 и послѣдующихъ годахъ). Это послѣднее средство тоже не спасло абсолютизма въ его цѣломъ, но способствовало какъ тому, что его сдача произошла медленно и по частямъ, такъ и тому, что австрійская конституція одна изъ худшихъ (въ смыслѣ обезпеченія правъ народа и его представителей), какія только знаетъ Западная Европа. Въ Пруссіи самозащита абсолютизма съ внѣшней стороны больше всего облегчена была арміею, не знавшей даже и тѣхъ единичныхъ, мимолетныхъ колебаній, которыя можно отмѣтить въ поведеніи нѣкоторыхъ представителей австрійской арміи въ 1848 году, а подобное поведеніе арміи является лишь прямымъ послѣдствіемъ другихъ, основныхъ причинъ, задержавшихъ гибель абсолютизма: буржуазія такъ быстро сложила оружіе и почувствовала себя ближе къ арміи, нежели къ пролетаріату, крестьянство до такой степени поспѣшно было удовлетворено въ серьезнѣйшихъ требованіяхъ и вышло изъ числа революціонныхъ факторовъ, революція такъ скоро ослабѣла и замерла, что арміи даже не представилось сколько-нибудь длительнаго искуса, и абсолютизмъ очень скоро уже могъ отдохнуть отъ своей тревоги. Фактическое и окончательное воцареніе конституціоннаго порядка вещей тѣсно сплелось въ дальнѣйшей исторіи Пруссіи съ войнами, приведшими къ объединенію Германіи, и прусская монархія стала гегемономъ общегерманской капиталистической буржуазіи въ борьбѣ за міровое торгово-промышленное преобладаніе, т.-е. ей удалось примѣниться къ велѣніямъ экономической эволюціи и, благодаря этому, сдѣлаться столь крѣпкою, какою она не была никогда при абсолютизмѣ.

Какъ уже сказано, самозащиту русскаго абсолютизма нельзя сравнивать съ самозащитою абсолютизма въ Австріи и Пруссіи 1848 г., уже потому, что длительность революціоннаго кризиса у насъ не идетъ ни въ какое сравненіе съ длительностью его въ Австріи и Пруссіи: отличіе это не только «количественное», но и «качественное», ибо и средства самозащиты требуются при затяжной революціи совсѣмъ иного свойства и калибра, нежели при кризисахъ скоротечныхъ, и общій характеръ кризиса сильно мѣняется.

Почему наша революція не оказалась скоротечною, какія общія причины обусловливали и обусловливаютъ грандіозные размѣры и длительность кризиса у насъ, обо всемъ этомъ было уже сказано въ второмъ очеркѣ. Какъ же длительность кризиса отражается на самозащитѣ абсолютизма?

Прежде всего отмѣтимъ, что самодержавная бюрократія у насъ хоть и была застигнута революціей, какъ она жаловалась устами своихъ рептилій «внезапно», но это невѣрно. Конечно, такого крутого оборота вещей, какъ тотъ, что начался послѣ убійства Плеве, она не предвидѣла; но съ конца Николая I вплоть до 1905 года она никогда (кромѣ, можетъ быть, первыхъ шести лѣтъ царствованія Александра II) не чувствовала себя свободною отъ необходимости бороться противъ принципіальныхъ и непримиримыхъ своихъ враговъ. Временами ихъ было больше, временами — ничтожная (количественно) горсточка, но, за исключеніемъ немногихъ моментовъ, за послѣднія тридцать—сорокъ лѣта вниманіе правительства даже въ самыя, казалось бы «безопасныя» времена было поглощено больше всего именно борьбою противъ своихъ «внутреннихъ враговъ», притомъ даже такъ, что усилія правительства находились въ полнѣйшей несоразмѣрности съ реальной опасностью, для него являвшеюся. Можно

сказать, что едва-ли хоть одно крупное мѣропріятіе въ политической и экономической области было проведено за это время, особенно же съ 1881 года, безъ задней мысли, безъ страховъ или надеждъ касательно вреда или пользы для самодержавія отъ этого новаго мѣропріятія. Растлѣніе погибающей теперь системы въ Россіи особенно выпукло именно и сказалось въ этомъ постоянномъ тревожномъ озираніи по сторонамъ, въ этомъ полномъ безсиліи хоть временно отрѣшиться отъ мыслей о самооборонѣ и понять, что законодательство должно руководиться коечѣмъ еще, помимо интересовъ бюрократическаго самосохраненія. И такъ какъ наше самодержавіе зажилось на свѣтѣ дольше, нежели всякое иное, то ни въ одной странѣ не накопилось столько законодательныхъ Авгіевъ стойлъ, нигдѣ рѣшительно памятники законодательства не являются до такой степени прежде всего и больше всего памятниками страха, тревожнаго предвидѣнія грядущихъ опасностей для правящей кучки. Никогда не пойметъ нашихъ законовъ, новеллъ къ этимъ законамъ, новеллъ къ этимъ новелламъ и т. д. тотъ будущій историкъ, который, положивши на своемъ письменномъ столѣ текстъ изучаемаго закона по лѣвую руку, не положитъ по правую руку донесенія департамента полиціи за тѣ мѣсяцы, которые соотвѣтствуютъ времени зарожденія и изготовленія даннаго закона. Ни одинъ абсолютизмъ, не исключая даже абсолютизма неаполитанскихъ Бурбоновъ, не переживалъ въ предреволюціонномъ фазисѣ такой долгой борьбы съ предтечами революціи, такого полнаго, безраздѣльнаго подчиненія всѣхъ своихъ силъ полицейской функціи, такой непрестанной то глухой, то явно акцентированной, но непрерывной тревоги за собственное существованіе, какъ именно абсолютизмъ въ Россіи.

Вотъ почему нигдѣ и никогда абсолютизмъ въ такой мѣрѣ не развилъ всѣхъ своихъ средствъ къ самозащитѣ.

Прусскій фонъ-Роховъ, австрійскій Меттернихъ, неаполитанскіе Делькаретто или Капоза—это, такъ сказать, были только намеки исторіи на то, что она дала впослѣдствіи въ лицѣ Дмитрія Толстого и Плеве, Судейкина и Зубатова, Дурново и Рачковскаго и т. д. и т. д., usque ad infinitum. Не въ моральной тутъ разницѣ, конечно, дѣло; мораль у перечисленныхъ иностранцевъ находилась въ полицейскомъ смыслѣ на вполнѣ подходящемъ уровнѣ, но, съ одной стороны имъ всѣмъ (даже въ Неаполѣ) не приходилось вести столь долгой и упорной предреволюціонной борьбы, а съ другой стороны имъ (по этому самому) и не пришлось цѣлыми полицейскими поколѣніями вырабатывать столь совершенныхъ и развѣтвленныхъ, столь дорогихъ и сложныхъ, столь дѣеспособныхъ и исправныхъ аппаратовъ для защиты строя, какъ тѣ, что были выработаны русскою дѣйствительностью! Такіе полицейскіе chef d'oeuvre'ы, какъ такъ называемыя черносотенныя выступленія и погромы, показали ясно всю цѣнность для абсолютизма созданныхъ имъ орудій самозащиты. Конечные результаты этихъ выступленій, разумѣется, сводятся къ нулю, но это уже общая участь всѣхъ мѣропріятій, направленныхъ къ достиженію соціологически-нелѣпой цѣли: къ прекращенію кризиса, когда не устранены причины, его вызвавшія. Но quod potui feci, можетъ сказать самому себѣ русскій абсолютизмъ, вспоминая все, что онъ сдѣлалъ для отсрочки собственной окончательной гибели. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь, если мечтою всякаго абсолютизма, застигнутаго революціею, является успѣшный демагогизмъ, возбужденіе международной или междуклассовой вражды, то у насъ это являлось дѣломъ вовсе не такимъ простымъ. Хорошо было Меттерниху возбуждать галицийскихъ крестьянъ противъ польскихъ помѣщиковъ: при положеніи аграрнаго вопроса у насъ, подобная политика грозила бы сейчасъ же

разростись во всероссійскую аграрную революцію, отъ которой прежде всего пострадала бы сама же бюрократія и ея классъ, крупные землевладѣльцы. Значитъ, самый серьезный по размѣрамъ опытъ пришлось оставить именно вслѣдствіе его опасности. Хорошо было кардиналу Руффо въ Неаполѣ возбуждать народъ противъ свободомыслящихъ, когда народъ и безъ того въ массѣ своей ненавидѣлъ ихъ, какъ пособниковъ и друзей иноземныхъ завоевателей-французовъ, и когда ни крестьяне, ни городская голытьба ничуть не чувствовали себя въ матеріальномъ отношеніи лучше во время французскаго нашествія. Въ Россіи это все было труднѣе и сложнѣе. Погромы евреевъ и армянъ—наиболѣе легкая часть дѣла, конечно, не могли всецѣло удовлетворить поставленной задачѣ, ибо оставалась коренная Россія, тѣ мѣста, гдѣ евреевъ и армянъ нѣтъ. И вотъ, въ Твери, въ Томскѣ, Вологдѣ, въ Москвѣ, въ цѣлой массѣ другихъ мѣстъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, въ одинаковыхъ формахъ, по явно заранѣе установленному шаблону—прокатилась волна убійствъ, грабежей, неистовствъ самыхъ ужасающихъ. И все это—тамъ, гдѣ спустя немного времени, почти поголовно прошли только кандидаты самой оппозиціонной изъ всѣхъ партій, принимавшихъ участіе въ парламентскихъ выборахъ; тамъ, гдѣ въ подавляющей массѣ своей народъ былъ настроенъ и въ деревняхъ, и въ городахъ рѣзко оппозиціонно; тамъ, гдѣ одновременно съ этими мнимо-народными выраженіями консервативныхъ чувствъ, разыгрывавшимися по дирижерской палочкѣ,—въ деревняхъ засѣкались крестьяне, доведенные голодомъ до отчаянія, до революціонной страсти, а въ городахъ тюрьмы ломились отъ рабочихъ. Словомъ, контръ-революцію пришлось организовывать безъ контръ-революціонеровъ, мало того, въ явно-революціонную эпоху. И что можно сдѣлать при столь неблагопріятной конъюнктурѣ, безспорно, было сдѣлано.

Чтобы оттѣнить всѣ неблагопріятныя условія, среди которыхъ пришлось работать въ Россіи невидимымъ дирижерамъ, инсценировавшимъ контръ-революцію, остановимся на томъ явленіи, о которомъ только что упомянули, и которое до россійскихъ опытовъ съ черною сотнею справедливо считалось самою крупною въ исторіи попыткою обдуманнаго, искусственнаго возбужденія контръреволюціонныхъ неистовствъ.

VI.

«Въ 1799 году всѣ обстоятельства благопріятствовали либеральной партіи (въ Неаполѣ), недоставало только народа» *), вотъ весьма точная характеристика положенія, при которомъ должны были начать свои дѣйствія самые выдающіеся въ исторіи предшественники нашихъ черныхъ сотенъ. Примитивная земледѣльческая культура, убогое развитіе обрабатывающей промышленности и торговли, отсутствіе сколько-нибудь значительной и вліятельной буржуазіи, все это дѣлало тогдашнее неаполитанское королевство страною, гдѣ для дѣйствительно-серьезнаго натиска на абсолютизмъ народъ вовсе подготовленъ не былъ. Царствованіе Карла III, а затѣмъ Фердинанда IV (вѣрнѣе, управлявшей всѣмъ жены его Каролины) нанесли рядъ тяжкихъ ударовъ пережиткамъ феодализма и феодальной знати, сильно способствовали облегченію тяготъ, лежавшихъ на земледѣльческомъ классѣ, и этимъ серьезно содѣйствовали популярности династіи. Можно сказать, что неаполитанскіе Бурбоны послѣ не были никогда уже такъ популярны, какъ именно въ 1790-хъ годахъ и ранѣе. Реформы произведенныя неаполитанскимъ «про-

*) Michele Rossi. Nuova luce risultante dai veri fatti avvenuti in Napoli pochi anni prima del 1799 (Firenze. 1890). стр. 361.

свѣщеннымъ абсолютизмомъ» и связывавшіяся еще съименемъ министра Тануччи, гремѣли въ Европѣ XVIII вѣка. Фердинандъ IV, кромѣ того, и лично очень нравился массѣ своихъ вѣрноподданныхъ; лѣнивый, невѣжественный, болтливый, суевѣрный, неспособный ни къ какому напряженію мысли и воли, проводившій жизнь въ самыхъ тривіальныхъ удовольствіяхъ и ничѣмъ кромѣ нихъ не интересовавшійся, грубо чувственный,—онъ получилъ издавна названіе «короля лаццарони», и неаполитанскіе оборванцы на самомъ дѣлѣ чувствовали къ нему нѣжность. Пролетаріатъ въ лохмотьяхъ былъ единственнымъ пролетаріатомъ Неаполя въ концѣ XVIII вѣка, и король былъ среди этого очень многочисленнаго слоя населенія чрезвычайно популяренъ вслѣдствіе своей обходительности, доступности, разговорчивости и тѣхъ качествъ, которыя дѣлали его умственно и нравственно близкимъ къ лаццарони. Интеллигентное общество, въ передовой части своей увлекавшееся французской революціей, не нашло въ народѣ ни малѣйшей поддержки, и свирѣпыя преслѣдованія и неистовства Каролины и ея ставленниковъ, обрушившіяся въ 1792—1798 гг. на всѣхъ подозрѣваемыхъ въ якобинствѣ, ничуть не повредили правительству въ глазахъ массы населенія. Но вотъ вспыхнувшая въ 1798 году война съ Франціей привела къ крушенію, къ внезапной катастрофѣ; въ концѣ декабря королевская семья на корабляхъ эскадры Нельсона бѣжала изъ Неаполя, а 23-го января 1799 года Неаполь уже былъ въ рукахъ французскаго главнокомандующаго Шампіоннэ. Республикански-настроенная интеллигентная кучка съ радостью привѣтствовала поступательное движеніе французовъ, отъ которыхъ ждала превращенія неаполитанскаго королевства въ республику. Мало того, имущая часть городского населенія тоже ждала съ нетерпѣніемъ французовъ: лаццарони неистовствовали страшно, со времени начала войны,

они убивали, сжигали заживо, пытали и калѣчили всѣхъ, на кого имъ показывали, какъ на якобинцевъ и какъ на друзей французовъ. Въ эти же мѣсяцы (декабрь—январь 1798—1798 гг.) происходило разграбленіе имущества всѣхъ подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ французами и успѣвшихъ куда-нибудь скрыться. Вообще, безнаказанный грабежъ являлся, повидимому, однимъ изъ серьезнѣйшихъ стимуловъ къ этимъ «патріотическимъ» буйствамъ. Въ концѣ концовъ въ этихъ озвѣрѣвшихъ людей «якобинцы» стрѣляли всюду, гдѣ только могли, помогая въ то же время французамъ въ скорѣйшемъ взятіи города. Даже уже когда всякое сопротивленіе французамъ оказалось безполезнымъ, и забранный въ плѣнъ предводитель лаццарони (Michele il Pazzo) безъ особаго труда сталъ кричать viva la repubelica, vivano i francesi, viva San Gennaro обнаруживая, такимъ образомъ, одинаковое расположеніе и къ республикѣ, и къ французамъ, и къ святому Януарію,—даже тогда лаццарони не сразу рѣшились оставить грабежъ чужого имущества и ихъ пришлось еще разгонять выстрѣлами. Даже дворецъ короля былъ разграбленъ этими монархистами. Когда Шампіоннэ, окруженный блестящимъ штабомъ и пышно разодѣтой французской кавалеріей, въѣхалъ въ городъ, то эти самые лаццарони съ дѣтскимъ любопытствомъ бѣжали по сторонамъ, глазѣя на невиданное зрѣлище. Съ перваго же дня къ французамъ отношеніе установилось у толпы лаццарони самое дружественное, какъ будто ничего раньше между ними и не было, какъ будто еще недавно по подозрѣнію въ дружбѣ къ французамъ лаццарони не сожгли живьемъ герцога Торре и другихъ лицъ. Все это мы приводимъ для характеристики того человѣческаго матеріала, изъ котораго спустя нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлали орудіе контръ-революціи.

Была провозглашена республика, а династія Бурбоновъ

объявлена въ Неаполѣ низложенною. Случилось это исключительно вслѣдствіе того, что такова была воля французовъ-завоевателей: безъ нихъ горсточка либерально-настроенныхъ людей, разумѣется, и мечтать не могла о чемъ бы то не было подобномъ. Но радость въ образованномъ обществѣ была великая, и она раздѣлялась даже тѣми имущими кругами, которые въ приходѣ французовъ и установленіи новаго твердаго порядка вещей видѣли избавленіе отъ буйствъ лаццарони, столь измучившихъ и ужаснувшихъ весь городъ своими безобразіями. Сами лаццарони, притихшіе и «ставшіе овечками», по выраженію одного современника, не только моментально примирились съ французскимъ завоеваніемъ, но сами принимали участіе въ сажаніи деревьевъ свободы. Что грабить теперь уже нельзя, они поняли и тоже окончательно съ этимъ примирились, хотя это и было труднѣе, нежели примириться съ республикою. Съ этого времени, съ 23-го января 1799 года для Неаполя наступило опьяненіе такъ легко полученной свободой,—эпоха, о которой пережившіе ее съ умиленіемъ вспоминали въ глубокой старости. Но насъ не эта эпоха тутъ занимаетъ, а то, что за нею послѣдовало.

Дворъ, убѣжавшій въ Сицилію, съ яростью смотрѣлъ на то, что дѣлалось въ Неаполѣ. Королева Каролина, которая, кромѣ всѣхъ недостатковъ сестры своей французской королевы Маріи-Антуанетты, еще обладала чрезвычайно злобнымъ и мстительнымъ нравомъ, была въ бѣшенствѣ, что ненавистной республиканской кучкѣ такъ легко и быстро удалось ея дѣло. «Я никогда не пойму и не утѣшусь,—писала она своей дочери въ это время:—что 16—20 тысячъ злодѣевъ могутъ подчинить себѣ четыре милліона людей, которые ничего о нихъ не хотятъ знать» *). Это была женщина гордая и рѣшитель-

*) Helfert, Fabrizio Ruffo (Wien 1882). стр. 79.

ная, умная и самолюбивая; не мужъ ея, а она стала душою реакціи. «Король, да благословитъ его Господь,—философъ; но королева живо чувствуетъ, что случилось», писалъ Нельсонъ лорду Спенсеру. Положеніе казалось для королевской семьи отчаяннымъ,—и вотъ тогда-то выступилъ на первый планъ человѣкъ, задумавшій создать контръ-революцію.

Кардиналъ Фабриціо Руффо былъ человѣкъ рѣшительный и предпріимчивый, авантюристъ и кондотьеръ по натурѣ, ловкій организаторъ, боецъ по темпераменту, человѣкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, свободный отъ серьезной привязанности къ какимъ бы то ни было политическимъ убѣжденіямъ, но всѣми своими матеріальными интересами связанный со старымъ порядкомъ. Когда Бурбоны бѣжали въ Сицилію, онъ тоже туда укрылся отъ надвигавшихся на Неаполь французовъ. Когда въ Неаполѣ была провозглашена республика, Руффо составилъ планъ начать противъ нея систематическую борьбу, фанатизируя населеніе и настраивая его противъ новой формы правленія, для чего рѣшилъ начать съ формированія шаекъ среди темнаго невѣжественнаго населенія Калабріи, состоявшаго изъ пастуховъ, крестьянъ-землепашцевъ, рыбаковъ и профессіональныхъ разбойниковъ. Королева Каролина заставила мужа дать кардиналу Руффо всѣ полномочія, и предпріятіе началось. Высадившись въ Калабріи Руффо чрезъ духовенство широчайшимъ образомъ распространилъ рядъ воззваній, которыя расклеивались, раздавались, читались съ церковнаго амвона и т. д. Въ этихъ воззваніяхъ жители приглашались защищать церковь, кровь св. Януарія, честь своихъ женъ и дочерей, собственное имущество отъ буйныхъ республиканцевъ и ихъ нечестивыхъ друзей французовъ. Роялистскія банды быстро собирались. Въ деревняхъ проявлялись все чаще случаи самосуда надъ «якобинцами»; убивать, хотя бы изъ-за

угла республикански-настроенныхъ людей рекомендовалось тамъ, гдѣ еще нельзя было дѣлать это открыто,—и подобныя дѣйствія провозглашались дѣяніями богоугодными. Мы уже выше отмѣтили, что въ соціально-экономическомъ отношеніи свержение абсолютизма еще не составляло тогда неизбѣжной необходимости, что масса деревенскаго населенія чувствовала благодарность къ династіи за освобожденіе отъ феодальнаго гнета. Это необычайно облегчило дѣло кардиналу Руффо въ деревняхъ и селахъ. Немногіе передовые люди должны были, спасаясь отъ мучительнѣйшей смерти, бѣжать въ города, гдѣ опиравшаяся на французовъ республика чувствовала себя нѣсколько тверже. Подъ знамена кардинала Руффо сбѣгалась самая пестрая публика. Тутъ были и бѣглые каторжники, и дезертиры, и разбойники, и разоренные помѣщики, и монахи, и священники, и публичныя женщины, и полицейскіе, уволенные республиканскимъ правительствомъ, и контрабандисты. Это сборище получило отъ своего вождя названіе «христіанская армія», armata christiana. Назывались они также сантафедистами (Santa fede—св. вѣра). Всѣ эти лица свирѣпствовали самымъ страшнымъ образомъ, убивая якобы за республиканизмъ тѣхъ, кого разсчитывали съ большею или меньшею пользою ограбить. Достаточно было имъ въ какомъ-либо домѣ найти республиканскую кокарду, чтобы подвергнуть этотъ домъ полнѣйшему разграбленію. Когда уже больше ничего грабить не оставалось, начались поджоги. Нѣчто трудно-вообразимое творилось въ городахъ и мѣстечкахъ, куда вступали «руффіанцы»: насиловались женщины, избивались по соображеніямъ личной мести или выгоды всѣ, кто не успѣвалъ убѣжать въ Неаполь и въ другія мѣста, занятыя французами. Руффо учреждалъ въ занимаемыхъ имъ мѣстахъ военно-полевые суды, но не для того, чтобы судить свои шайки, конечно, а для вѣшанія

мнимыхъ и дѣйствительныхъ «якобинцевъ», которыхъ еще не успѣли истребить его подчиненные. Висѣлицы, изнасилованія, грабежи, пожары, пытки, молебствія, убійства, церковныя процессіи—вотъ чѣмъ ознаменовывалось поступательное движеніе руффіанской контръ-революціи. Рядъ городовъ подвергся полнѣйшему разграбленію и сожженію. Награбивши вдоволь, отдѣльныя шайки стали уходить по домамъ, чтобы припрятать добычу, и Руффо приходилось умолять ихъ, чтобъ они повременили и напоминать объ ихъ обязанностяхъ къ Фердинанду, Каролинѣ и св. Януарію. «Сантафедисты», «христіанская армія»—оказывались глухи къ этимъ призывамъ; многихъ, впрочемъ, удавалось удерживать или возвращать (уже съ пути) перспективами новыхъ благополучій. Безспорно, впрочемъ, что часть руффіанцевъ дѣйствовала подъ вліяніемъ фанатической ненависти къ «безбожникамъ» и иноземцамъ и ихъ друзьямъ республиканцамъ. Республика же пока ничего не сдѣлала такого, что могло бы сколько-нибудь серьезно содѣйствовать ея популярности въ народѣ. Отъ начала до конца она держалась на французскихъ штыкахъ; убогой реакціонно-демагогической проповѣди Руффо она ничего не противопоставила, кромѣ высокопарныхъ восхваленій свободы, плохо понятыхъ городскими лаццарони (въ деревняхъ же ея эмиссары со времени начала успѣховъ Руффо уже почти не появлялись, кромѣ ближайшихъ къ Неаполю мѣстъ). Агенты Руффо, шнырявшіе близъ Неаполя и въ самой столицѣ, пробуждали въ лаццарони уснувшаго было звѣря. Начались ночныя нападенія на республиканцевъ и убійства. Открыто выступать они еще не смѣли, боясь французовъ. Руффо, возбуждавшій къ грабежамъ и убійствамъ, все позволявшій и прощавшій за истребленіе республиканцевъ, сдѣлался для нихъ божкомъ, еще когда только начались его успѣхи въ провинціи. Чѣмъ больше становились успѣхи Руффо,

тѣмъ наглѣе и страшнѣе неистовствовали его шайки. Они уже избавили безъ разбора всѣхъ, кто подъ руку попадется, при вступленіи въ новое село, въ новый городъ; они нападали на женскіе монастыри и насиловали монахинь; пожары освѣщали всю юго-западную Италію, отъ южной оконечности Калабріи до Неаполя. Королева Каролина, слѣдившая изъ Сициліи за дѣйствіями своего друга, была въ рѣшительномъ восторгѣ, который и выражала въ письмахъ къ нему и къ другимъ лицамъ. Тогда было больше простодушія и меньше дипломатіи: разбой, чинимый Руффо, казался Каролинѣ выгоднымъ для нея, она этому разбою и радовалась, безъ притворныхъ воздыханій и корректныхъ оговорокъ. Когда, въ виду общаго положенія вещей на итальянскомъ театрѣ войны, французское правительство приказало своимъ войскамъ идти изъ Неаполя къ сѣверу (въ первыхъ числахъ мая того-же 1799 года), то скоро наступила развязка. Своими силами держаться противъ Руффо, его шаекъ и флота Нельсона, помогавшаго Бурбонамъ, республиканцы, конечно, не могли. Когда явились въ Италію присланныя Павломъ I русскія подкрѣпленія,—часъ неаполитанской свободы пробилъ окончательно. Въ концѣ іюня Неаполь сдался и Руффо вошелъ въ него. Началась дикая, свирѣпая вакханалія казней и расправъ, при чемъ широкое участіе было предоставлено «самодѣятельности» и почину руффіанскихъ шаекъ и торжествующихъ лаццарони, хотя справедливость требуетъ замѣтить, что полное нарушеніе кое-какихъ выговоренныхъ республиканцами условій (при сдачѣ) было нарушено благодаря Каролинѣ и Нельсону, а не Руффо. Неистовствамъ королевы, ея судей, палачей и руффіанскихъ шаекъ конца не было *). «Лишившись пары тысячъ мошенниковъ,—писала королева,—мы сла-

*) Подробнѣе о бѣломъ террорѣ см. *Fortunato*, j. Napolitani del 1799 (Firenze 1884); *L. Conforti*, Napoli del 1799 (неизд. докум.).

бѣе не станемъ». Злодѣянія лаццарони надъ совершенно неповинными людьми, наконецъ, заставили самого Руффо взмолиться, чтобы поскорѣе пріѣхала королевская семья и какъ-нибудь образумила бы лаццарони, ибо улицы покрыты трупами невинно убіенныхъ. Но Каролина не торопилась. Вообще, сравнительно съ нею самъ Руффо могъ казаться человѣкомъ сентиментальнымъ. Давши лаццарони вдоволь натѣшиться, правительство ихъ остановило.

Таковъ былъ грандіозный и вполнѣ удавшійся опытъ неаполитанской контръ-революціи. Черезъ 6 лѣтъ Наполеонъ Бурбоновъ низложилъ, а въ 1815 г. они вернулись. Династія неаполитанскихъ Бурбоновъ продержалась на престолѣ съ 1815 г. еще 45 лѣтъ; за эти десятилѣтія революціонное движеніе то воскресало, то потухало, и чѣмъ шире распространялась потребность въ устраненіи абсолютизма, чѣмъ болѣе эта потребность переплеталась съ столь же сознанною потребностью въ объединеніи Италіи, словомъ, чѣмъ серьезнѣе становилось положеніе династіи, которой угрожала въ лучшемъ случаѣ потеря самодержавной власти, а въ худшемъ потеря неаполитанской короны,—тѣмъ усерднѣе работала явная и тайная полиція и всевозможныя слѣдственныя коммиссіи, суды и застѣнки. Тупая и безпощадная свирѣпость, обнаруженная Бурбонами при самозащитѣ окончательно лишила династію той личной популярности, которою, какъ сказано, она пользовалась среди низшихъ слоевъ населенія въ концѣ XVIII вѣка; еще болѣе этому способствовало, конечно, быстро прогрессировавшее обнищаніе и общее недовольство народной массы. Поэтому новыя поползновенія воскресить руффіанство съ 20-хъ годовъ XIX вѣка уже дѣлались бѣгло и случайно и не приводили къ какимъ-либо крупнымъ результатамъ. Впрочемъ, нѣкоторые факты поощренія частной контръ-революціонной дѣятельности неаполитанскаго правительства въ XIX вѣкѣ были настолько

ярки, что обратили на себя вниманіе даже за границей. Такъ, въ своемъ знаменитомъ (1-мъ) письмѣ къ лорду Эбердину Гладстонъ говоритъ объ одномъ либеральномъ депутатѣ неаполитанской палаты (избранной согласно недолговѣчной «конституціи» 1848 года), который былъ убитъ общеизвѣстнымъ священникомъ Пелузо, при чемъ убійцу не только не обезпокоили по этому поводу, но даже дали за это убійство пенсію. (Замѣтимъ мимоходомъ, что эти два письма Гладстона къ Эбердину, произведшія въ свое время столь подавляющее впечатлѣніе на Италію и всю Европу, навѣрно, прочлись бы съ интересомъ и у насъ, будь они переведены на русскій языкъ).

Въ 1805 году правительство Бурбоновъ, только что потерявшее снова власть въ Неаполѣ, дѣятельно старалось возобновить всѣ ужасы 1799 года, для чего разсылало эмиссаровъ и агитаторовъ, подстрекавшихъ народъ къ грабежамъ, поджогамъ и убійствамъ. Каноза взялъ на себя дѣятельную организацію этихъ погромовъ и убійствъ, и поставилъ провокаціонное дѣло на широкую почву; за эти заслуги по водворенін Бурбоновъ въ Неаполѣ (послѣ сверженія Мюрата), Каноза былъ сдѣланъ министромъ полиціи. Образовалась особая «секта» (dei Calderari), при помощи которой Каноза, ставшій въ 1816 году во главѣ полиціи, рѣшилъ бороться противъ карбонаріевъ и либераловъ. По составу своему «секта» эта была столь же недоброкачественна, какъ и былыя руффіанскія шайки. Полиція раздавала имъ оружіе и разныя удостовѣренія и бумаги, которыя могли бы обезпечить имъ безопасность и повсемѣстное покровительство властей. Каноза былъ почти постоянно пьянъ и готовъ къ буйству и насилію, и чтобы угодить ханжеству короля постоянно же прикидывался необычайно набожнымъ. Онъ ревностно поддерживалъ въ странѣ анархію; грабежи, убійства и всякаго рода уголовныя преступленія, если

отъ нихъ страдали «подозрительные», оставались безнаказанными. Жалобы, приносимыя двору, не достигали цѣли. Даже посланники иностранныхъ державъ протестовали (иронія судебъ захотѣла, чтобы однимъ изъ первыхъ запротестовалъ посланникъ русскаго правительства), и когда, наконецъ, король съ нимъ разстался, то наградилъ его богатѣйшею пенсіею. Любопытно, что многіе изъ организованныхъ Канозою реакціонныхъ *calderari* (мѣдники) въ ближайшіе годы перешли къ карбонаріямъ *): также одно изъ нерѣдкихъ явленій въ исторіи массовой провокаціи, которая, вызывая духъ организованнаго политическаго дѣйствія въ темной массѣ, часто не въ состояніи уже бываетъ его заклясть. При революціонной вспышкѣ 1820—1821 гг. и ея подавленіи руффіанство уже къ жизни призвано не было; во время реакціи 1849 и слѣд. гг. правительство также довольствовалось, кромѣ единичныхъ и случайныхъ фактовъ, въ родѣ вышеуказаннаго убійства либеральнаго депутата, своимъ войскомъ, полиціею, судами, тюрьмами и легальными убійствами по приговорамъ оффиціальныхъ судилищъ. Счастливыя для абсолютизма времена Руффо и Канозы миновали. Приходилось довольствоваться усиленной пропагандою чрезъ посредство церкви, усиленными посѣвами ненависти и отвращенія къ либераламъ и конституціоналистамъ посредствомъ проповѣдей, духовныхъ брошюръ и т. д., — но организовывать банды для разбоевъ и убійствъ уже стало затруднительно и небезопасно. Бурбоны уже начали опираться исключительно на армію. До 1848 года она была равна 40.000 чел., послѣ 1848 года ее довели до ста тысячъ, при чемъ на ея содержаніе изъ 30 милліоновъ дукатовъ, получаемыхъ государствомъ ежегодно, тратилось 18 милліоновъ. За этою арміею Бурбоны сильно ухаживали, всячески стараясь превратить ее

*) Ср. Colletta, «Storia del Napoli», t. IV, стр. 94. (Capolago, 1837).

въ чуждое народу и преданное династіи орудіе. Для этого они не гнушались самымъ явнымъ образомъ фамильярничать съ нею и заискивать въ казармѣ*),—черта, свойственная наученному горькимъ опытомъ абсолютизму разныхъ странъ въ XIX вѣкѣ, но, какъ уже было сказано, несвойственная абсолютизму Франціи предъ революціей. Характерно, что и неаполитанскій абсолютизмъ во время Руффо, когда его поддержка была не только въ арміи, но и въ народной массѣ, меньше заискивалъ въ солдатахъ, нежели въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX вѣка, когда осталась одна армія, а на *активную* помощь народа уже разсчитывать стало трудно. Всемогущая полиція и подчиненная ей армія—вотъ что охраняло династію вплоть до начала объединенія Италіи и до высадки Гарибальди въ Сициліи. Быстрота и легкость, съ какою королевство перешло на сторону Гарибальди, показали лишній разъ, что сами по себѣ полиція и армія судьбами націи управлять не могутъ, какою бы твердою надеждою на это ни ласкалъ себя тотъ или иной дворъ.

VII.

Возвращаясь къ анализу контръ-революціонной дѣятельности абсолютизма въ Россіи, мы видимъ, что задачи полицейскихъ агентовъ у насъ были гораздо труднѣе задачъ Руффо въ 1799 году и Канозы въ 1806—1815 гг. и въ 1816—1817 гг. Послѣ сказаннаго много говорить объ этомъ не приходится. Руффо и Каноза дѣйствовали въ темной, далекой отъ революціоннаго состоянія массѣ; наши провокаторы дѣйствовали въ революціонной странѣ. Неаполитанскіе долго прикрывались знаменемъ борьбы противъ иноземнаго завоевателя; у нашихъ этого мотива

*) Ср. De Cesare, «La fine di un regno». Parte I, стр. 154—155 (Castello, 1900).

въ распоряженіи не имѣлось. Неаполитанскіе дѣйствовали въ обстановкѣ совсѣмъ некультурнаго земледѣльческаго государства, гдѣ почти не было печати, гдѣ борьба съ провокаціей была страшно затруднена полною безграмотностью населенія, гдѣ духовенство, всецѣло стоявшее на сторонѣ Руффо и Канозы, пользовалось огромнымъ вліяніемъ,—наши провокаторы устраивали свои погромы и разбои въ цивилизованной державѣ XX вѣка, гдѣ о нихъ писали и пишутъ со всѣми деталями въ газетахъ, гдѣ населеніе въ самыхъ темныхъ низинахъ своихъ стоитъ гораздо выше въ умственномъ отношеніи, нежели неаполитанскіе лаццарони и калабрійскіе пастухи, гдѣ, наконецъ, духовенство далеко не играетъ той роли и не пользуется тѣмъ почти суевѣрнымъ почетомъ. Въ 1848 году, въ 1860 году неаполитанскіе провокаторы уже не посмѣли повторить свои опыты, а наши въ 1905—1906 гг. посмѣли. И мы нарочно остановились на руффіанствѣ, чтобы показать, что у насъ провокація выдержитъ съ затмевающимъ успѣхомъ сравненіе съ самыми яркими проявленіями провокаціи, какія только отмѣтила исторія абсолютизма въ Западной Европѣ.

Повторяемъ, нигдѣ и никогда абсолютизмъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи такого дѣеспособнаго и сильнаго орудія, какъ абсолютизмъ русскій, въ лицѣ политической полиціи. И онъ этимъ орудіемъ пользовался и пользуется исчерпывающимъ образомъ.

Нигдѣ и никогда абсолютизмъ не имѣлъ такой огромной военной силы, ибо онъ одинъ только дожилъ до эпохи полнаго развитія современнаго милитаризма, до эпохи колоссальныхъ армій, вооруженныхъ самыми усовершенствованными орудіями. Нигдѣ никогда, наконецъ, абсолютизмъ не имѣлъ возможности такъ оттягивать свое финансовое банкротство, какъ нашъ, ибо только онъ одинъ дожилъ до современной эпохи, богатой свободными, вы-

брасываемыми ежегодно на денежную биржу Западной Европы милліардами, ищущими сбыта даже въ рискованныхъ аферахъ.

Словомъ, все внѣшнее, искусственное, всѣ суррогаты жизненныхъ силъ—все это въ неслыханныхъ никогда размѣрахъ оказалось въ распоряженіи нашего абсолютизма въ его смертный часъ. Полное же сознаніе угрожающей опасности и долгая подготовка къ ея встрѣчѣ дали возможность абсолютизму пустить почти безъ колебаній въ ходъ всѣ свои силы, «палить изъ всѣхъ батарей», какъ выражался Меттернихъ.

Но всѣ суррогаты, всѣ «видимости» не могутъ замѣнить жизненной силы, когда она отсутствуетъ. Вандеи у нашего абсолютизма не было и быть не могло, ибо Вандею не сочинить, какъ черную сотню. Мы въ предшествующихъ очеркахъ отмѣтили, что абсолютизмъ ненавистенъ всѣмъ классамъ, кромѣ маленькой кучи крупныхъ аграріевъ, что онъ мѣшаетъ всему народу не то что свободно развиваться, а прямо существовать. И, если крупно-капиталистическій характеръ переживаемой міромъ теперь исторической эпохи сослужилъ службу абсолютизму, давши ему колоссальнѣйшую армію, усовершенствованный и сложнѣйшій полицейскій аппаратъ и прежде всего,—готовые милліарды въ кредитъ на ихъ содержаніе,—если все это въ невиданной нигдѣ и никогда степени усилило механическое сопротивленіе абсолютизма, дало ему чудовищныя средства самозащиты, то, съ другой стороны, тотъ же крупно-капиталистическій характеръ эпохи, повторяемъ, *не позволитъ ни при какихъ условіяхъ общественной реакціи у насъ быть теперь сколько-нибудь продолжительной, даже еслибы она у насъ могла наступить впредь до уничтоженія абсолютизма* Повторяемъ то, что было сказано во второмъ очеркѣ настоящей работы: роскошь длительной реакціи при абсолютизмѣ у

насъ уже недоступна даже капиталистической буржуазіи, т.-е. классу болѣе всего къ ней исторически-склонному. Для страны XX вѣка рѣшительно вступившей на путь капиталистическаго развитія, абсолютизмъ опаснѣе всего, опаснѣе даже революціи: эта истина для буржуазіи въ Россіи яснѣе въ 1906 году, нежели она была для буржуазіи запада въ 1848—49 гг. А слѣдовательно, ни единый мало-мальски значительный классъ не будетъ нашъ абсолютизмъ поддерживать.

Разложеніе остающейся еще за абсолютизмомъ механической силы сопротивленія—вотъ что можетъ составить существеннѣйшее содержаніе текущаго историческаго момента. Въ какихъ именно конкретныхъ формахъ это разложеніе проявится, мы можемъ о томъ только предполагать и догадываться. Всякая попытка конкретизаціи повела бы тутъ къ гаданіямъ, произвольнымъ со стороны автора и, по тому самому, совершенно неинтереснымъ для читателя. Но съ другой стороны, утверждать, что, гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было, организованная сила можетъ совершенно не подвергнуться процессу разложенія при длительной національной революціи,— значитъ фантазировать на консервативныя темы; тутъ все дѣло въ годахъ, или мѣсяцахъ, или недѣляхъ. А съ точки зрѣнія исторической эволюціи— годы, мѣсяцы, недѣли и дни—почти одинаково ничтожныя хронологическія дѣленія.

Тургеневъ проникновенно понялъ эту не нашу хронологію, когда писалъ разговоръ между Юнгфрау и Финстерааргорномъ,—быть можетъ самое тоскливое изъ всѣхъ его стихотвореній въ прозѣ. Но исторія послѣднихъ лѣтъ отучила насъ отъ излишняго пессимизма.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Оглавленіе.

